

ISSN 2500–3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ
№ 5 2022 (МАЙ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

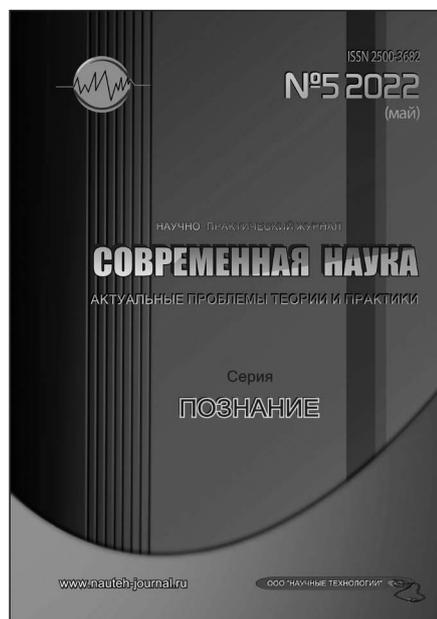
Подписано в печать 23.05.2022 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание №5 (май) 2022 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 09.00.00, 19.00.00, 24.00.00)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 142-8681
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филол.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филол.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Иконникова Светлана Николаевна — д.филол.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филол.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филол.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филол.н., профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филол.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н., доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филол.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Сиюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филол.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филол.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр Михайлович — д.псх.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филол.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Культурология

Енчинов Э.В. – «Белая» молочная пища в алтайской обрядовой традиции

Enchinov E. – "White" dairy food in the Altai ritual tradition 5

Калита С.П., Софьина А.И., Кумыкова С.А., Букина В.И., Узюмова А.В. – Новые стратегии менеджмента в социокультурных учреждениях

Kalita S., Sofina A., Kumykova S., Bukina V., Uziumova A. – New management strategies in socio-cultural institutions 9

Орлов С.Н. – Экономика культурной идентичности в условиях информатизации общества

Orlov S. – The economy of cultural identity in the conditions of informatization of society 15

Салимова А.Г. – Трансформация семейных ценностей в современной культуре: родительство или самореализация?

Salimova A. – Transformation of family values in modern culture: parenthood or self-realization? ... 20

Сюй Цянь – Исследование теории музыкального искусства

Xu Qian – Research into the theory of musical art. ... 23

Психология

Ермахан Ж.Т., Сулейменова Р.К., Тургамбаева А.К., Мусина А.А., Айгараев Р.Д. – Гендерное воспитание: проблемы и решения

Ermakhan Zh., Suleimenova R., Turgambayeva A., Musina A., Aigaraev R. – Gender education: problems and solutions 26

Корабельник П.Ю., Карпова Э.Б. – Субъективная оценка внутрисемейных отношений больных псориазом во взаимосвязи с их личностными характеристиками

Korabelnik P., Karpova E. – Subjective assessment of intra-family relations in patients with psoriasis in relation to their personal characteristics 30

Меньшикова Н.Д., Корнев А.Н. – Применение Теста Башня Лондона в диагностике управляющих функций детей младшего школьного возраста

Menshikova N., Kornev A. – Application of the Tower of London Test in the diagnosis of executive functions in primary school children 36

Соловьёва Ю.О. – Техника «Психосолиптическая генеалогия» в терапии семейных отношений

Solovyova Yu. – The technique of "Psychosoliptic genealogy" in the therapy of family relations. 40

Степанова Н.А., Ионова С.А. – Нарушения психомоторных функций у школьников с расстройствами аутистического спектра

Stepanova N., Ionova S. – Disorders of the psychomotor functions in schoolchildren with autism spectrum disorders 44

Федотов В.К. – Психологические детерминанты самоактуализации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей

Fedotov V. – Psychological determinants of self-actualization of orphans and children without parental care. 49

Чебарыкова С.В., Куклина И.В. – Построение профессиональных взаимоотношений психолога и человека с видимыми отличиями: теоретический аспект проблемы исследования

Chebarykova S., Kuklina I. – The establishment of a professional relationship between the psychologist and the person with visible distinctions: theoretical aspect of the research problem. 54

Швеньк Е.В. – Социально-психологический тренинг как HR-инструмент повышения внутренней мотивации менеджеров <i>Shvenk E.</i> – Socio-psychological training as an HR-tool for increasing the internal motivation of managers 60	Писаревская Н.С. – Хейтерство в социальной коммуникации как современное проявление ресентимента <i>Pisarevskaja N.</i> – Hatred in social communication as a modern manifestation of resentment. 78
Философия	
Андриевская Ж.В. – Влияние культуры на формирование национального достоинства <i>Andrievskaya Zh.</i> – The influence of culture on the formation of national dignity 64	Равочкин Н.Н. – Урбанизация в зеркале социального конструктивизма <i>Ravochkin N.</i> – Urbanization in social constructivism mirror 81
Захаров М.Ю., Шишкова А.В. – Социокультурная основа современной системы подготовки кадров для государственного управления КНР <i>Zakharov M., Shishkova A.</i> – The socio-cultural basis of the modern system of personnel training for public administration of the people’s Republic of China 67	Сафронов А.В. – Четверичная логика как логика “убежденности” для сильного ИИ <i>Safronov A.</i> – Quaternary logic as the logic of “belief” for strong AI 87
Кемеров В.Е. – Проблема Четвертой парадигмы общественности <i>Kemerov V.</i> – The problem of the fourth paradigm of social science. 71	Скопа В.А. – Институционализация общества и знаково-символические системы <i>Skopa V.</i> – Institutionalization of society and sign-symbolic systems 91
Лолаев Т.П., Габараев А.Д., Дряев А.Г. – Почему нельзя создать машину времени <i>Lolaev T., Gabaraev A., Dryaev A.</i> – Why it is impossible to create a time machine 73	Цзян Дань – Исследование влияния китайской традиционной философии на успешность мигрантов, проживающих в России <i>Jiang Dang</i> – Study of the influence of Chinese traditional philosophy on the success of migrants living in Russia 95
Информация	
	Наши авторы. Our Authors. 98
	Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 99

«БЕЛАЯ» МОЛОЧНАЯ ПИЩА В АЛТАЙСКОЙ ОБРЯДОВОЙ ТРАДИЦИИ

Енчинов Эркин Валериевич

К.и.н., с.н.с., БНУ Республики Алтай

«Научно-исследовательский институт алтаистики

им. С.С. Суразакова», г. Горно-Алтайск

enchinov_e@mail.ru

"WHITE" DAIRY FOOD IN THE ALTAI RITUAL TRADITION

E. Enchinov

Summary: The article discusses the features of the use of dairy products in the rituals of the Altaians. The basis of nutrition in the Altai culture was dairy, meat and vegetable food. Dairy products in the course of historical development have absorbed a high semantic status, so they are classified as «white» food. They symbolize the purity of thoughts and intentions. In rituals and rituals, fresh milk, sour and unleavened cheese, and different types of cottage cheese are used as offerings. At the beginning of the XXI century, dairy products have become an obligatory part of the set of offerings in the calendar rites of the Altaians.

Keywords: Altaians, ethnography, traditions, custom, ritual, milk, cheese, cultured milk foods.

Аннотация: В статье рассматриваются особенности использования молочных продуктов в обрядах алтайцев. Основу питания в алтайской культуре составляла молочная, мясная и растительная пища. Молочные продукты в ходе исторического развития вобрали в себя высокий семантический статус, поэтому их относят к категории «белой» пищи. Они символизируют чистоту помыслов и намерений. В ритуалах и обрядах в качестве подношений используют свежее молоко, кислый и пресный сыр, разные виды творога. На начало XXI в. молочные продукты стали обязательной частью набора подношений в календарной обрядности алтайцев.

Ключевые слова: алтайцы, этнография, традиции, обычай, обряд, молоко, сыр, кисломолочные напитки.

Традиционную основу питания в алтайской культуре составляла мясная, молочная и растительная пища, чему способствовал ландшафт, история, традиции, этногенетические связи алтайцев, сформировавшие пищевые модели, тесно связанные с хозяйственно-культурным типом. По этому поводу один из современных исследователей пищи как категории культуры С.А. Арутюнов пишет, что «именно характер и способ получения основных пищевых продуктов и служит главным критерием выделения тех или иных хозяйственно-культурных типов» [2, с. 8].

Пищевая традиция тесно связана с праздничной культурой и с такими ее элементами как ритуальные действия, подношения сверхъестественным силам совершаемых в ходе того или иного общественного события. В данной статье рассмотрим роль и значение молочных продуктов в культурной, праздничной традиции алтайцев в начале XXI в.

Алтайцы – тюркское коренное население Республика Алтай (субъект Российской Федерации, расположен в южной части Западной Сибири и входит в Сибирский федеральный округ). Национальный состав региона согласно данным переписи 2010 г. представлен 91 национальностью [2]. Мозаика этнических групп представлена русскими 55,68 %, алтайцами 35,33 %, казахами 6,07 % и 2,92 % другие этнические группы [4].

На начало XXI в. в алтайской культуре сложилось

деление праздничных событий на культурно-развлекательные и культурно-религиозные. В первом случае это такие масштабные праздники как Народные игры *Эл-Ойын*, Праздник кедр *Дьюрук байрам*, во втором праздники, ритуальные события, связанные с коллективными молениями (*мюргюл*). Ко второй группе мы отнесем ритуальную часть традиционного Нового года *Чагаа-Байрам* и *Дьылгайак*, а также такие обряды обновления времени как Зеленая листва *Дьажыл-Бюр* и Желтая листва *Сары-Бюр* имеющие культурно-религиозную основу. Обратим внимание только на праздники и обрядовые события, относящиеся ко второй группе.

Кратко освятим культурные события, относящиеся ко второй группе праздничных и сакральных действий, на которых участники преподносят подношения и отправляют культы духам и божествам.

Чагаа-Байрам (белый месяц, алт.) праздник Нового года, и первый месяц года, который открывает весну, весенне-летний сезон. Он празднуется по лунному календарю, в период новолуния и приходится на конец января – начало февраля, точной фиксированной даты нет, имеется смещение до марта, как например, у монгольских народов, исследуемый праздник чрезвычайно распространен в Азии и в частности у тюрко-монгольских народов, как алтайцы, тувинцы, монголы, буряты, калмыки, народы Тибета, Индии и многие др. Отправление ритуалов и культов на празднике *Чагаа*, согласно традиционным нормам осуществляется в первой части

праздника, сами ритуальные действия, связанные с подношениями, в т.ч. и с молочными продуктами совершаются с восходом, первыми лучами солнца нового года. При проведении ритуалов календарных праздников, в т.ч. *Чагаа* используют свежее, еще никем не испробованное молоко. Важно, чтобы корова, от которой берется молоко, не должна быть слишком старой, пораженной какой-либо болезнью, без внешних дефектов и изъянов. В качестве подношений используется целый набор производных продуктов из молока: кислый сыр – *курут*, пресный сыр – *быштак*, топленое масло – *сардью*, сладкий творог – *эдыгей*, пенка с кипяченого молока – *ёрёмё* [6, с. 139].

Дьылгайак (*Јылгайак*) полисемантический календарный праздник, связанный с началом весны, также интерпретируется как локальный вариант встречи нового года [7, с. 49]. В «Словаре алтайского и аладагского наречий тюркского языка» составителя протоирея В.И. Вербицкого (1884) слово «*јылгайак*» дается в двух значениях: 1. праздник масленицы, 2. катание на масленице [9, с. 109]. «Ойротско-русский словарь» под редакцией Н.А. Баскакова (1947) определяет «*јылгайак*» также в двух значениях, это: 1. масленица и 2. каток, желоб [8, с. 61]. В древнетюркском словаре нет слова «*јылгайак*», есть только корень «*јыл*», что означает «год». В современном алтайском языке часто употребляется словосочетание «годы ползут» – «*јылдар јылыжат*», то есть слово «*јыл*» можно перевести как «ползи», «двигайся», тем самым обозначается свойство времени медленно перемещаться, ползти. Общим для всех словарей в обозначении «*јылгайак*» является его календарная основа, связанная с определенной природной цикличностью. Ритуальная часть дьылгайак также связана с подношениями, молоко и молочные продукты преподносятся одними из первых и представляют собой традиционный набор (свежее молоко, кислый и пресный сыры, творожные массы). Молочные продукты при должном хранении хорошо сохраняются до весны. Основными технологиями консервирования были вяление, копчение летом и заморозка осенью, зимой. К.Е. Укачина приводит материал, когда в зимнее время молоко специально собиралось и замораживалось и уже весной, когда коровы дают мало молока или его нет вовсе, замороженное молоко оттаивали и из него изготавливали свежий сладкий творог *эдыгей* и пресный сыр *быштак* [10, с. 110].

Дьажыл-Бюр (букв. зеленая листва) обычно проводится в мае, июне с наступлением теплого времени года и связывается с началом весенне-летнего сельскохозяйственного цикла, как на общественном, так и на семейно-родовом уровнях проводятся обряды и ритуалы молений Зеленой листвы. Важным условием проведения обрядов этих молений является окончательное установление тепла, когда реки окончательно освобождаются от льда, ночи становятся теплыми, всходит зеленая трава,

на деревьях распускаются листья [6, с. 192]. Отчасти по этим внешним признакам обряд и называется моления Зеленая листва.

Сары-Бюр (букв. желтая листва) с завершением летне-осенних сельскохозяйственных работ в селах районов исследуемого региона проводятся осенние моления, являющиеся значимым событием в календарной обрядности алтайцев. Традиционно осенние моления проводятся на семейно-родовом и районном уровнях.

Осенние моления заканчивают годовой цикл календарной обрядности. Функционально моления Зеленая и Желтая листва связаны с переходными циклами между холодным и теплыми периодами и наоборот [1, с. 299]. Моления Желтая листва подводят годовой итог жизнедеятельности человека, семьи, локального сообщества. По количеству, качеству и разнообразию традиционной ритуальной пищи можно судить каких успехов достигли люди, оценить степень сплоченности сообществ. Но моления демонстрируют не только положение дел, но в первую очередь они являются актом веры в помощь Духа-хозяина Алтая, духов-хозяев местности, родной земли, в то, что человек, его семья, скот находятся под покровительством и защитой высших сил. Моления не только дают надежду на хороший исход из зимы, но они заставляют людей задуматься о своей культуре, традициях, о родном языке, связи поколений, и о том, что он лично сам сделал для того чтобы считать себя частью своего народа.

Как на весенних, так и на осенних молениях молочные продукты являются значительной базой подношений духу огня, духам-хозяевам местности, Духу-хозяину Алтая. На весенние и осенние моления, люди привозят с собой ритуальную пищу, фигурки людей, животных, коновязи, гор, вырезанных из пресного сыра (*шампа*). *Шампа*, вырезанные из пресного сыра, изготавливают всегда в паре, так «комплект» фигурок состоит из двух образов гор, пары людей (символизирующих мужа и жену), пары заседланных лошадей, пары коров и овец, в одном экземпляре изготавливаются только традиционное жилище – *айыл* и коновязь. Сутью шатра является демонстрация перед духами, *Алтай Кудаем*, того, что люди вместе со своим скотом, селениями пришли на обряд [6, с. 162].

Теперь отметим, собственно основные молочные продукты. Спектр молочных продуктов на начало XXI в. изготавливаемый в домашних хозяйствах коренного населения Республики Алтай, состоит из таких блюд и напитков, как свежее и топленое молоко, сливки, кисломолочные продукты, сыры и разные виды творога и т.д.

Повседневно употребляется свежее коровье и козье молоко, в теплое время года в горных районах можно

отведать настоящий деликатес кобылье молоко *кымыс*. Традиционный алтайский чай с солью и обрушенными зернами жареного ячменя *талкан* и домашним маслом *саржу* в обязательном порядке белиться свежим коровьим молоком.

Базовой основой производных продуктов из молока является кисломолочный напиток *чеген*, он также известен как айран, с той разницей, что айран изготавливают как из сырого, так и кипяченого молока, когда *чеген* только из кипяченного. Процесс приготовления напитка состоит из закваски и созревания. Для закваски используется предыдущий *чеген*, кислый сыр *курут*, копченую копчиковую кость или жилу лошади, коровы, овцы.

Чеген обладает естественными свойствами питьевых продуктов, его можно транспортировать и хранить в жидком виде, по мере сквашивания, из него можно изготавливать множество твердых молочносодержащих продуктов длительного хранения. Когда накапливается достаточное количество *чегеня* его в течение нескольких часов варят на открытом огне, после содержимое котла сливают в мешок из ткани, стекшую сыворотку *сарсу* обычно дают телятам. Процеженная творожистая масса, просушенная на солнце, подается как блюдо *аарчы*, из не просушенной изготавливают кислый сыр *курут*. Технология его изготовления состоит в том, что из общей спрессованной массы творога, круглой формы, ниткой разрезаются ровные пласты по 2–3 см в толщину, полученный сыр коптится несколько дней на решетке над очагом [4, с. 204]. Готовый *курут* используется как самостоятельное блюдо или как дополнение к другим кушаньям, наиболее хорошо вкусовые качества кислого сыра раскрываются в сочетании с свежим горным мёдом.

Аарчы полученный из *чегеня* также в свою очередь является полуфабрикатом, если его добавить в свежее молоко и отварить, то получится густая масса, процеженная и просушенная на солнце становящаяся сладким творогом *эжигей*, который особенно любят дети. Соблюдая данную же технологию, но с добавлением свежего молока в *чеген* можно получить другой вид сыра – пресный сыр *быштак* отличающийся от *курута*, отсутствием кислоты, мягкостью и нежным вкусом, употребляется вместе с медом и сливками. Также из молока снимают

сливки *каймак*, а методом взбивания получают масло *саржу* [4, с. 204].

С использованием традиционного самогонного аппарата *шурум* из *чегеня* также выгоняют алкоголь молочный самогон *алтай аракы*, который распивается в теплом или охлажденном виде, по крепости она не превышает 3–4°, согласно традиции, ее распитие обставлено рядом церемоний. *Алтай аракы* присутствует как подношение практически на всех традиционных праздниках и обычаях жизненного цикла.

Молочные продукты в алтайской культуре, в связи с цветовой семантикой цвет + молоко, также часто называют «*апагаш*» букв. беленькое, что в конечном итоге образует наименование «белая» пища, которая достойна подношения духам и божествам. В историческом плане «белая» пища коррелирует с мясной пищей, при этом мясная пища прямо не называется «черной» (*кара*) пищей, хотя относительно мяса как самостоятельного блюда используется обозначение «*кара эт*» букв. черное мясо, подразумевая, вареное мясо без гарнира, приправ и т.д. Также на развитие концепта «белой» пищи сильное влияние оказали события начала XX в. произошедшие в долине Терен, известные в специальной литературе как становление религиозного движения бурханизм. Новое движение получило широкую поддержку и распространение среди алтайского населения. Одним из постулатов нового религиозного движения стал полный отказ от кровавых жертвоприношений, свойственных для алтайского шаманизма. Кровавые жертвоприношения были заменены на бескровные, духам и божествам теперь подносились продукты, основой которых является молоко и его производные.

Таким образом, в алтайской обрядовой традиции молочные продукты имеют широкое представление и использование. Молочные продукты и их производные, наряду с мясными и злаковыми, используются в качестве подношений духам и божествам, при этом к качеству продуктов придается особое значение, они должны быть свежими, никем еще не испробованными, ритуально чистыми. Общим названием молочных подношений в алтайской культуре является представления о «белой» ритуально чистой пище.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алтайцы: Этническая история. Традиционная культура. Современное развитие / редколл. Н.В. Екеев (отв. ред.), Н.М. Екеева, Э.В. Енчинов; НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова. – Горно-Алтайск: Изд-во ИП «Пермякова С.А.», 2014. – 464 с.
2. Арутюнов С.А. Карта культуры питания народов мира // Этнографическое обозрение. №1, 2011. – С. 7–16.
3. Всероссийская перепись населения 2010 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-04.pdf (дата обращения: 13.04.2021).
4. Конструирование общероссийской, региональной и этнической идентичности в Республике Алтай (конец XX – начало XXI веков) / Редколлегия: Н.О. Тадышева, Э.В. Енчинов; НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова. – Горно-Алтайск: Изд-во БНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова», 2018. – 336 с.

5. Население Республики Алтай (Системно-структурный анализ). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://e-lib.gasu.ru/eposobia/makoshev/> (дата обращения 10.04.2021).
6. Обрядность в традиционной культуре алтайцев. Коллективная монография / БНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова»; Редколлегия: Екеев Н.В. (отв. ред.), Кузьмина Е.Н. (науч. ред.), Конунов А.А., Тадышева Н.О. – Горно-Алтайск: Изд-во БНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова», 2019. – 704 с.
7. Ойоткинова Н.Р., Дайнеко Т.В. Весенний календарный цикл алтайцев и белорусов-переселенцев Сибири: Дьылгайак и Масленица // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2017. № 1 (32). – С. 48–57.
8. Ойротско-русский словарь / под общ. ред. Н.А. Баскакова. – М.: Изд-во «Гос. изд-во иностр. и нац. словарей», 1947. – 312 с.
9. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка / Переиздание 1884 г. – Горно-Алтайск: Изд-во «Ак Чечек», 2005. – 504 с.
10. Укачина К.Е. Алтай калыгыстын айлаткыш жандары. – Горно-Алтайск: Изд-во ГУП «Горно-Алтайская республиканская типография», 2004. – 200 с. (на алт. яз.).

© Енчинов Эркин Валериевич (enchinov_e@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова

НОВЫЕ СТРАТЕГИИ МЕНЕДЖМЕНТА В СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

NEW MANAGEMENT STRATEGIES IN SOCIO-CULTURAL INSTITUTIONS

**S. Kalita
A. Sofina
S. Kumykova
V. Bukina
A. Uziumova**

Summary: In the framework of this scientific paper the evolution of socio-cultural institutions management strategies is considering. Under the socio-cultural institutions are assumed museums and galleries. During the study are revealed key challenges for creative industry and the range of possible solutions is determined. The authors of current scientific paper analyze the place of modern methods of interaction with public and ways to attract new target audiences to museums and galleries.

Keywords: socio-cultural institutions, museum, gallery, management, participatory museum, Night of Museums, creative industry.

Калита Светлана Павловна

к. культурологии, доцент, Российский университет
дружбы народов

Софья Анастасия Игоревна

Российский университет дружбы народов
s.sofyina@yandex.ru

Кумыкова Светлана Александровна

Российский университет дружбы народов

Букина Валерия Ивановна

Российский университет дружбы народов

Узюмова Александра Витальевна

Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация: Данная научная статья рассматривает эволюцию стратегий менеджмента социокультурных заведений. Под социокультурными заведениями понимаются музеи и галереи. В ходе исследования выявляются ключевые проблемы креативной индустрии, а также определяется спектр возможных решений. Авторами данной работы анализируется роль современных методов взаимодействия с публикой и способов привлечения новых целевых аудиторий в музеи и галереи.

Ключевые слова: социокультурные заведения, музей, галерея, менеджмент, participatory музей, ночь музеев, креативная индустрия.

В 2000 году журналом BusinessWeek было введено понятие «креативная экономика». В рамках данного термина подразумевается сектор экономики, сфокусированный на продаже товаров и услуг, произведенных в ходе интеллектуальной деятельности. Тем не менее, устоявшегося определения данного термина до сих пор не существует, а разные международные организации дают свою трактовку. Так, согласно Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), креативная экономика определяется как взаимодействие человеческого творчества, интеллектуальной собственности, знаний и технологий.

Среди характерных особенностей креативных индустрий выделяют стремительные темпы роста, отсутствие естественных барьеров потребления, а также высокую долю добавленной стоимости во всех отраслях креативной экономики [15]. К числу креативных индустрий относят, в том числе, такие социокультурные учреждения, как музеи и галереи. В частности, согласно классификации ООН, музеи и галереи причисляются к объектам культурного значения [9].

Нужно отметить, что в настоящее время креативные индустрии относятся к числу наиболее динамичных секторов мировой экономики и предоставляют развивающимся странам новые возможности для быстрого пере-

хода в новые высокотехнологичные секторы мировой экономики [9]. Стремительное развитие рассматриваемого сектора создает условия для роста конкуренции. Так, согласно результатам, полученным в ходе исследования состояния конкурентной среды в России в 2019 году Фондом Росконгресс, деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений является в России наиболее подверженной конкуренции [16]. В данном контексте необходимо обратить внимание на исследование Корниловой К.С. и Громовой П.С. «Аудитория российских музеев: характеристика, тенденции и особенности развития», в рамках которой отмечается, что музеи, реализуя стремление удержаться на рынке, вынуждены конкурировать со всеми направлениями развлекательной отрасли [12].

Высокий уровень конкуренции на рынке предопределяет развитие новых стратегий ведения деятельности. Данное исследование призвано рассмотреть новые стратегии менеджмента в социокультурных институциях. Под социокультурными институциями понимаются, прежде всего, музеи и галереи. В рамках научной статьи выявляется разница между новыми и старыми стратегиями менеджмента в указанных заведениях.

В первую очередь, необходимо определить традиционные стратегии, используемые музеями и галереями

ми для увеличения собственной аудитории. Согласно Грачеву Р.В., ядром целевого и содержательного обоснования локальных проектов является характеристика проблем социальных групп и личностей и определение способов их разрешения [6]. Исследователь также отмечает, что обоснование стратегии развития сферы концертно-выставочных услуг предполагает всесторонний анализ ситуации и выявление на его основе приоритетных областей и сфер стратегического управления, а также целевых групп, которым будет адресована стратегия [6]. Таким образом, ключевые стратегии, применяемые в социокультурных учреждениях, ориентированы на определённые социальные группы, которые формируют целевую аудиторию музеев и галерей.

Работа с целевой аудиторией социокультурного заведения оказывает прямое влияние на объёмы посещаемости музея или галереи. В данном контексте следует обратить внимание на тот факт, что за последние годы посещаемость учреждений культуры: музеев, галерей, театров значительно снизилась. В подтверждение заявленного тезиса необходимо привести анализ 49-го отчета об исследовании, проведенного Национальным фондом поддержки искусств США (National Endowment for the Arts, NEA) [17]. Исследование представляет собой обзор участия общественности в мероприятиях исполнительского искусства, среди которых представлены и музеи. Анализ полученных данных показал, что в 2008 году доля присутствовавших на художественных представлениях, либо посещавших художественные музеи или галереи, достигла наименьшего показателя за весь период проведения опросов [1]. Согласно данным, представленным в отчете, в разных частях США музеи и галереи в 2008 году посещали от 14.9% до 31.1% опрошенных. Для сравнения, в 2017 году средний процент взрослых граждан США, посещавших художественные выставки, составил 23% опрошенных [3].

Таким образом, на основании приведенных документов можно сделать вывод о том, что снижение посещаемости вынуждает социокультурные заведения искать новые способы привлечения аудитории. Учреждения культуры стараются обновлять методы работы исходя из анализа современных тенденций и запросов современного посетителя, однако такая актуализация стратегий требует дополнительных ресурсов и возможностей.

Отметим, что, согласно Абанкиной Т.В., музейный маркетинг опирается на ряд принципов. Среди них можно выделить следующие: осознание своей миссии; ориентированность на сочетание долгосрочных интересов потребителей и долгосрочных интересов общества в целом; вложение большей части своих ресурсов в повышение реальной ценности предлагаемых товаров и услуг, а также их функциональных возможностей для удобства потребителей; строительство и планирование марке-

тинговой деятельности с позиции посетителей музея; постоянное совершенствование своей работы, предлагаемых товаров и услуг [4]. Работа с целевой аудиторией включает в себя расширение доступности выставочных пространств, что позволяет охватить большее число людей, которые прежде в виду тех или иных обстоятельств не являлись частью потенциальных пользователей услуг музеев и галерей. Важным остается и поддержка активной заинтересованности уже существующей, постоянной массы посетителей.

При рассмотрении вопроса о необходимости возвращения социокультурным учреждениям востребованности за счёт развития методов работы с аудиторией, следует обратиться к труду специалиста в области организации взаимодействия музеев с публикой Нины Саймон. В книге «Партиципаторный музей», автор предлагает переосмыслить понятие музея, а вместе с ним и других публичных учреждений культуры, исходя из приоритетных запросов посетителя, не ограничивая его рамками развития мысли и достижения личных подсознательных целей [17]. Основная практика ориентирована на реализацию методик, с помощью которых учреждения культуры могут пригласить посетителей к соучастию с институцией, ее работой и ее посетителями, не отвлекаясь при этом от своих основных целей. Массовое соучастие особенно важно в мире, где, благодаря социальным сетям, возможности для личного участия стали почти безграничны. Для того, чтобы понять суть данного метода, необходимо обозначить три ключевые идеи:

1. Социокультурные учреждения в первую очередь ориентированы на свою аудиторию, публику. Поэтому им необходимо быть столь же доступными, удобными и функциональными, как другие общественные места.
2. Посетители должны не только потреблять, но и отдавать. В таком контексте это работает не как объект и субъект, а как объект и объект, которые в процессе взаимодействия с культурой, создают свои собственные смыслы.
3. Обратная связь зрителей может активным и творческим образом влиять как на менеджмент организации, в частности, на реализацию выставок, так и на всю ее публику.

Таким образом, привлечение посетителей к соучастию и взаимодействию, как и все методы организации публичной работы, – это стратегия, направленная на решение конкретных проблем. Это новый путь к обновлению традиционных учреждений культуры, который, безусловно, способствует поддержанию актуальности их деятельности, увеличению целевой аудитории и порождает новые методы социокультурных взаимодействий.

Рассматривая стратегии, применяемые социокультурными учреждениями, следует обратить внимание на

увеличивающуюся роль информационно-коммуникационных носителей, а также на растущую цифровизацию музеев. С каждым годом скорость развития информационных технологий во всех областях человеческой жизни становится все выше, что связано в первую очередь с развитием науки и техники. Не остается не затронутой в этом вопросе, и социокультурная сфера. В данном случае подразумевается, как активное развитие музеями и галереями собственных социальных сетей, так и расширение стратегий ведения менеджмента в рамках новых информационных возможностей. Если обратиться к исследованию Феоктистовой С.Э., можно сделать вывод о том, что цифровая эпоха привнесла в стратегический менеджмент социокультурных учреждений некоторые изменения, которые должны быть учтены при выработке оптимального плана развития заведения. В частности, Феоктистова С.Э. выделяет следующие аспекты [19]:

- Стремление охватить более широкую и более разнообразную аудиторию;
- Необходимость донести ценность культурного наследия и увеличить культурный капитал;
- Нужда в проведении анализа целевой аудитории в долгосрочной перспективе, учитывая такие факторы, как старение населения и растущая миграция;
- Востребованность в превращении музеев и галерей из эксклюзивных пространств в инклюзивные;

Таким образом, цифровая среда позволяет расширить охват аудитории, а также предоставляет возможность привлечь новых потенциальных потребителей.

Поскольку информатизация выступает не только как обновленный метод ведения деятельности, но и как необходимый способ стратегического развития закладываемых функций, вся деятельность в культурных областях претерпевает глобальные изменения. Теперь для более качественной и расширенной работы, становится необходимым развитие, изучение и оснащение площадок новыми технологиями и формами работы с посетителями, что позволит не только сохранять свой образовательный и культурно-просветительский потенциал, но и оставаться востребованным источником среди многочисленных групп пользователей.

Следует учитывать тот факт, что наука развивается с возрастающей скоростью, в связи с чем музейная отрасль вынуждена совершенствоваться. Стремление сделать музейную деятельность частью массовой культуры, лишить её элитарного статуса наблюдалось ещё в XIX веке, однако по мере развития идей о музейной коммуникации и с появлением термина «глобализация», актуальность отказа от элитарного статуса возросла. Экспонаты адаптируются согласно запросам потребителей, а также инновациям в технической сфере [1].

Согласно Национальному фонду поддержки искусств США, музеи собирают, заботятся, документируют, выставляют и интерпретируют свои коллекции [2]. Однако главная цель современных музейных экспозиций – упростить процесс передачи информации между культурным объектом и потребителем. Сегодня музейная коммуникация, занимает важное место в процессе реализации задач по модернизации музейной деятельности [7]. Поскольку информационный прогресс не стоит на месте и достаточно быстро развивается, глобальная информатизация успевает затронуть фактически все области социального пространства, в том числе и в культурной среде. Все это позволяет расширять и укреплять фундаментальные тенденции, усиливать всевозможные связи коммуникации, за счёт развития новых информационно-коммуникационных технологий [5].

Несмотря на проведенную работу в области усовершенствования информационного охвата деятельности музеев и галерей, потребность в дальнейшем развитии не только не исчезает, но и усиливается, что вынуждает социокультурные заведения искать новые способы взаимодействия с аудиторией. На данный момент перед экспозиционно-выставочными пространствами стоит задача сохранить и представить экспонаты в их классическом понимании. С появлением глобальной сети Internet музееведение столкнулось с необходимостью адаптации экспозиций не только в реальном формате, но и в виртуальном, что в свою очередь привело к возникновению web-сайтов и, впоследствии, виртуальных экскурсий.

Совокупность развивающихся информационно-коммуникационных инструментов, продвижение и модернизация музейной деятельности даст возможность более качественно и современно реализовывать коммуникационную, культурно-просветительскую, а главное образовательную функцию музеев, при этом снизив возможные риски от происходящих изменений в мире, что, в свою очередь, повысит способность музейных структур к реализации стоящих перед ними задач.

Несмотря на перспективность новых стратегий музейного менеджмента, существует ряд вызовов, затрудняющих реализацию креативных методов управления социокультурными учреждениями. Среди них можно выделить, в частности, вопрос финансирования информатизации и внедрения информационных методов ведения деятельности, которые необходимы практически во всех направлениях, осуществляемых музеем. В данном контексте необходимо отметить, что с проблемой финансирования могут столкнуться, в частности, государственные музеи, в виду того, что внедрение новых методов работы с аудиторией требует дополнительной аргументации, что затрудняет процесс конкуренции в рамках креативной индустрии. В то же время, посети-

тели музея предъявляют более высокие требования к наполнению музейных пространств и обладают более сложными потребностями, что выводит работу музея за рамки сбора и сохранения предметов искусства.

Следует отметить, что развитие культурных институций в Российской Федерации, активно поддерживается с помощью запуска массовых культурно-просветительских проектов, которые направлены на поддержание культурных процессов, их активизации и возможности участия абсолютно любых групп населения, среди которых необходимо выделить такой проект как «Ночь музеев». «Ночь музеев» – это международная акция, основная цель которой показать ресурс, возможности, потенциал современных музеев и других выставочных пространств; популяризация музеев и музейного дела. Впервые она была проведена в Берлине в 1997 году, позже эту инициативу подхватили во Франции, а затем и в других странах. Москва присоединилась к мировой тенденции в 2007 году, когда в фестивале приняло участие несколько десятков государственных и частных галерей [10]. Несмотря на поздний запуск данного проекта на территории Российской Федерации, его реализация получила широкую известность, которая ежегодно увеличивается, в частности, за счёт присоединяющихся социокультурных институций. На текущий момент, участие в проведении акции принимает более 200 частных и государственных галерей, театров и культурных учреждений, среди которых следует особо выделить Третьяковскую галерею, Музей Вооруженных сил РФ, музей В.В. Маяковского, Зоологический музей МГУ, ГМИИ им. А.С. Пушкина, Московский музей современного искусства, Центр фотографии имени братьев Люмьер, музей-заповедник Коломенское, Музей истории ГУЛАГа, Дарвиновский музей, Галерея Fine Art, Биологический музей имени Тимирязева, Музей советских игровых автоматов, Парк Люблино и многие другие.

Ночь музеев – единственное время в году, когда множество столичных музеев открыто для посещений в вечернее и ночное время. В этот день практически все музеи, участвующие в акции, не только продлевают свое рабочее время, но и открывают свои двери совершенно бесплатно. Такой проект предоставляет возможность социокультурным институциям привлечь новую аудиторию, которая не имела возможности посетить музей ранее ввиду ограниченности ресурсов. Стоит отметить, что каждая институция старается подготовиться к фестивалю со всей ответственностью, разрабатывает свою индивидуальную программу, включая туда исключительные предложения для посетителей в этот день. В такие программы входят: показ фильмов, лекции на актуальные темы, авторские экскурсии, различные мастер-классы, рассчитанные на разную возрастную аудиторию, исторические реконструкции, новые арт-проекты и взаимодействия со зрителем, музыкальные концерты, театральные постановки и театрализованные шоу, квесты и

многое другое, что обычно не является частью музейной экспозиции.

В свою очередь, галереи в условиях мегаполиса имеют потенциал ключевых институтов-трансляторов изобразительного искусства. В отличие от музеев, галереи обладают большей гибкостью в связи с тем, что относятся к коммерческому сектору и существуют в условиях конкуренции на арт-рынке. В мировом социокультурном пространстве музеи и галереи обычно делят сферу деятельности, однако в России данная грань представляется несколько размытой. В подтверждение заявленного тезиса, следует отметить, что часть музейных функций возникли у галерей в процессе эволюции социокультурных пространств [8]. Иначе говоря, целью галереи является наиболее выгодное экспонирование произведений искусства «не только в качестве продаваемого продукта, но и в качестве художественной ценности» [18].

Важно подчеркнуть, что современные галереи ориентированы на получение реального и конкретного исчисляемого конечного результата. Ввиду того, что галерейный бизнес стал отдавать предпочтение на долгосрочные стратегии и создание полезных культурных продуктов, традиционная грань между бизнесом, ориентированным на рынок, и культурной сферой, нацеленной на создание общественного блага, оказалась размыта. Иными словами, галереи вынуждены учитывать потребности реальных и потенциальных посетителей, прислушиваться к потребностям государства и принимать во внимание интересы бизнеса.

Тем не менее, организация деятельности галерей возможна лишь за счёт производства услуг, удовлетворяющих спрос. Данный аспект порождает серьёзный вызов для социокультурного заведения. Галереи, ориентируясь в своей деятельности исключительно на спрос, рискуют девальвировать те позиции, которыми уже обладают. В случае, если удовлетворение спроса становится главенствующей и актуальной практикой для той или иной галереи, происходит девальвация ценности этого пространства, вследствие чего оскудевает репутационный капитал галереи [14].

Таким образом, специфика галерейного дела заключается в необходимости удовлетворения спроса одновременно с его формированием, а также создание представлений о ценностях у потребителей. Согласно Логиновой Е.С., творческая стратегия, избираемая той или иной галереей, призвана решать коммерческие задачи, при условии, что выставочная деятельность получит центровое место такой стратегии [13]. Поэтому, если галерея ставит целью привлечение инвесторов и пробуждение интереса у аудитории, значит необходимо повышать и актуализировать значимость реализуемого проекта.

Не менее важной для галерей является стратегия развития доступности для потенциальных аудиторий, в том числе детской и молодежной аудитории, людей с ограниченными возможностями и т.д. Сюда же входит стратегия обеспечения безопасности, причем как того, чем владеет организация, так и посетителей, и партнеров. Остро встает вопрос комфортабельности, как посетителей, так и сотрудников. Данные вопросы обладают повышенной значимостью в виду того, что их реализация или её отсутствие сильно отражается на общем впечатлении об организации. Важно также помнить, что галерея реагирует на требования массового спроса исключительно в рамках, допустимых высокой культурной значимостью социокультурного заведения. Галерейные учреждения обладают опытом и технологиями, которые особенно интересны сегодня бизнесу. Поэтому особенно актуально понимание ситуации с точки зрения маркетинга: сетевое взаимодействие является необходимым.

Подводя итог, хочется отметить тот факт, что галерейное дело сконцентрировано не только на продаже произведений искусства. Эта область представляет собой концентрацию ресурсов, продуктов и технологий. Без учреждений культуры территория утрачивает свои отличительные характеристики. Значимая культурная деятельность артикулируется через работу галерей. Галерейные пространства обладают колоссальным ресурсом по части социального опыта, это рынок будущих

поколений, это информационные, коммуникационные и рекреационные ресурсы. Поэтому если сегодня галерея ориентирована только на выставки, не лоббирует свои интересы в государственных структурах, не обращает внимание на местное сообщество то очевидно, что ее стратегия позиционирования не является конкурентоспособной в постиндустриальном обществе.

Относительно других учреждений культуры, галереи обладают большим спектром способов сетевого взаимодействия, что значительно облегчает процесс приспособления к рыночным изменениям. Наличие опыта существования в рамках рынка, а также выстраивания партнерских взаимоотношений без жесткого администрирования и зависимости от государства, позволяет галереям эффективнее осваивать комплекс коммуникаций, в том числе и маркетинговых, по сравнению с большими музеями-институциями. В данном контексте под маркетинговыми коммуникациями подразумевается реклама, пиар, содействие продажам и прямой выход к аудитории.

Таким образом, можно отметить, что развитие культурных институций не стоит на месте, постоянно обновляется и совершенствуется в рамках современных тенденций. Любые учреждения культуры в области своего формата и структуры своей работы находятся в постоянном поиске новых путей коммуникации с социумом и успешной интеграции в городскую культурную жизнь.

ЛИТЕРАТУРА

1. 2008 Survey of Public Participation in the Arts [Electronic resource] // National Endowment for the Arts. – 2009. – Mode of access: <https://www.arts.gov/sites/default/files/2008-SPPA.pdf> (accessed 20.03.2022)
2. A history 1965–2008 [Electronic resource] // National Endowment for the Arts. – 2009. – Mode of access: <https://www.arts.gov/sites/default/files/nea-history-1965-2008.pdf> (accessed 30.03.2022)
3. U.S. Patterns of Arts Participation: A Full Report from the 2017 Survey of Public Participation in the Arts [Electronic resource] // National Endowment for the Arts. – 2019. – Mode of access: https://www.arts.gov/sites/default/files/US_Patterns_of_Arts_ParticipationRevised.pdf (accessed 21.03.2022)
4. Абанкина Т.В. Влияние Информационных технологий на некоммерческий маркетинг // Музей будущего: Информационный менеджмент. М.: Автономная некоммерческая организация культуры «Музей будущего», 2001. С. 83–101.
5. Белоусова Н.А., Кимеева Т.И. Формирование инновационных моделей музейной коммуникации в музеях высшей школы Западной Сибири // Известия АлтГУ. 2007. №4-2.
6. Грачев Р.В. Принципы стратегического управления в культурной сфере // Вестник БГУ. 2015. №2-2.
7. Гук, Д., Определенов В. Виртуальные музеи: терминология, методология, восприятие // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2014. – М. С. 414
8. Гуськов С. Как происходит взаимодействие между музеями и галереями [Электронный ресурс] // РБК Стиль. – 10.02.2016. – Режим доступа: <https://style.rbc.ru/impressions/571638219a79472acdb3472d> (дата обращения: 13.02.2022)
9. Дудко Е.Н., Савенко С.В. Развитие и трансформация объектов креативной индустрии в мировой экономике // Россия: тенденции и перспективы развития. 2020. №15-2.
10. История акции «Ночь музеев» [Электронный ресурс] // ТАСС. – 16.05.2020. – Режим доступа: <https://tass.ru/info/8489615> (дата обращения: 12.03.2022)
11. Касьянов, В.Н. Музеи и Интернет: новые возможности / В.Н. Касьянов // Информационные технологии в гуманитарных исследованиях. — Новосибирск: Новосибирский госун-т, 2016. — Вып. 10. — С. 88–96.
12. Корнилова К.С., Громова П.С. Аудитория российских музеев: характеристика, тенденции и особенности развития // Медиаскоп. 2020. Вып. 1. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/2616>. (дата обращения: 09.04.2022)

13. Логинова Е.С. Методологические принципы и основные направления галерейной деятельности (на примере частных художественных галерей Южного Урала) // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2010. №8 (184).
14. Менеджмент музеев. Урок 2. Типы управления в музее и галерее. [Электронный ресурс] // Телекомпания СГУ ТВ. Режим доступа: https://youtu.be/DjjhnjrgiEA?list=PLho0jPYI5RAG5r68ugJw48X5t_q64Le47 (дата обращения: 02.02.2022).
15. Никитина И. Что такое креативные индустрии? [Электронный ресурс] // РБК Тренды. - 22.11.2019. – Режим доступа: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/5dd54dbf9a79471180f57ce7> (дата обращения: 03.03.2022)
16. Оценка состояния конкурентной среды в России (2019) [Электронный ресурс] // Росконгресс. - 27.11.2019. – Режим доступа: <https://roscongress.org/materials/otsenka-sostoyaniya-konkurentnoy-sredy-v-rossii-2019/> (дата обращения: 15.02.2022)
17. Саймон Н. Партиципаторный музей // IRIS Foundation, 2017.
18. Суворов, Н.Н. Галерейное дело. Обращение произведений искусства: Учебное пособие / Николай Суворов. - СПб.: Изд-во «Лань»; Изд-во «Планета Музыки», 2015 С.38
19. Феохтистова С.Э. Аудитория музеев в цифровую эпоху [Электронный ресурс] // НИУ ВШЭ. – Режим доступа: <http://mmbook-hse.ru/books/27/sections/207/> (дата обращения: 20.03.2022)

© Калита Светлана Павловна, Софьина Анастасия Игоревна (s.sofyina@yandex.ru), Кумыкова Светлана Александровна, Букина Валерия Ивановна, Узюмова Александра Витальевна.
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский университет дружбы народов

ЭКОНОМИКА КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Орлов Сергей Николаевич

специалист, ФГБОУВО «Российская академия музыки
имени Гнесиных», г. Москва
orlovsn_99@mail.ru

THE ECONOMY OF CULTURAL IDENTITY IN THE CONDITIONS OF INFORMATIZATION OF SOCIETY

S. Orlov

Summary: The article undertakes a structural-functional typology of the levels of the economy of cultural identity. The subject of the research is the levels of production and consumption in the economy of cultural identity. Functional structuring made it possible to establish a set of subjects of the economy of cultural identity in the conditions of informatization of society. The authors come to the conclusion that the increment of the capital of cultural identity is possible only in the conditions of a person's free choice of cultural patterns that form the identity while maintaining cultural diversity.

Keywords: cultural identity, economics, social capital, human capital, subjectivity of culture, cultural studies.

Аннотация: В статье предпринимается структурно-функциональная типология уровней экономики культурной идентичности. Предмет исследования – уровни производства и потребления в экономике культурной идентичности. Функциональное структурирование позволило установить совокупность субъектов экономики культурной идентичности в условиях информатизации общества. Авторы приходят к заключению, что приращение капитала культурной идентичности возможно лишь в условиях свободного выбора человеком формирующих идентичность культурных образцов при сохранении культурного разнообразия.

Ключевые слова: культурная идентичность, экономика, социальный капитал, человеческий капитал, субъектность культуры, культурология.

В государственной политике России укреплению общероссийской идентичности, наряду с усилением эффективности экономики и компетентности управления, уделяется большое внимание [23]. Общая культурная идентичность в любых сферах жизнедеятельности общества является основным фактором способности к коллективному взаимодействию и обеспечивающим эффективность управления ресурсом. Соответственно, экономика культурной идентичности – это экономика социального капитала в понимании П. Бурдьё, отдельная область, связанная с накоплением материальных и нематериальных объектов, хранящих и транслирующих общие смыслы и ценности, а также сфера развития способности общества генерировать, аккумулировать и транслировать общие смыслы и ценности.

В условиях информатизации общества, когда новейшие информационно-коммуникационные технологии становятся общедоступны и существенно облегчают механизмы социального управления, включая технологии манипуляции общественным сознанием, экономика культурной идентичности становится областью жесткой конкуренции между акторами «мягкой» силы, – субъектами, производящими и структурирующими системы ценностей, базовые факторы идентичности.

По мысли К.Х. Момджяна XX в. ознаменовался «резким ростом потенций проектного сознания» [10, с. 38]. Кардинальные изменения касаются снижения ориента-

ционной функции сознания, свойственной традиционным культурам, на фоне востребованности его проектной функции [10, с. 42, 45–46]. Усиливается стремление человека контролировать социокультурные процессы для целенаправленного созидания желаемых качеств социального бытия. «Островки традиционных культур», для формирования устойчивых ценностных констант которых требуется продолжительное историческое время и смена нескольких поколений, вынуждены конкурировать с динамичными инновационными культурами, адаптированными к изменчивости базовых ценностей [2; 3]. Поэтому в культурологическом дискурсе остро стоят вопросы сохранения и реконструкции общероссийской культурной идентичности [6], требующие коренной смены реактивной стратегии культурной политики на проактивную, упреждающую потенциальные риски и угрозы [9]. Г.В. Бакуменко, в частности, констатирует: «от культурологической атрибуции происходящих в современных культурах изменений на различных уровнях (индивидуальный, организационный, институциональный, национальный, межнациональный) и в различных сферах деятельности зависит скорость социокультурного развития общества: с одной стороны – скорость его адаптации к изменениям, а с другой – способность, сохраняя и усиливая свою системную сложность, созидать новое и обуславливать посредством инноваций процессы, поддающиеся контролю и управлению» [4, с. 95].

Воспользуемся структурно-функциональной иерар-

хией уровней культурной атрибуции происходящих в обществе изменений Г.В. Бакуменко для классификации уровней формирования культурной идентичности. Этот прием позволяет в общих чертах представить субъектность экономики культурной идентичности и обеспечивает дальнейшее совершенствование инструментария региональной культурной политики [13].

Поскольку возможны теоретические разночтения в категориях «общероссийская идентичность», «общая культурная идентичность» и «культурная идентичность», уделим внимание их формализации.

Понятие «культурной идентичности» несмотря на то, что используется теоретиками достаточно часто не приведено к формальной однозначности ввиду принципиальных расхождений в понятии «культура» [4, с. 91–97]. Как отмечает Г.В. Бакуменко, в результате познавательного процесса различения, культура понимается как совокупность различий [4, с. 92]. Культурная идентичность в таком ракурсе предстает производной категорией, которая позволяет суммировать обнаруженные различия. Этот прием или исследовательская оптика широко применяется в социологии [11], где совокупность различий фиксируется в качестве эмпирических оснований различения культурных общностей. Но как только речь заходит о культурной общности (этнической, профессиональной и проч.), теоретиками выделяются общие основания для систематизации общности (например, русской [11, с. 501]), которые характеризуют эту общность как культурную систему, состоящую из взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов. Соответственно, познавательная процедура различения дает основания и для обобщений, а систематизация, т. е. обнаружение системной взаимосвязи элементов, не смотря на абстрактный характер системных представлений [4, с. 92], предполагает повышение эффективности ориентации социальных субъектов в действительности, что очевидно при повышении эффективности социального управления. «Культура не является системой сама по себе. Таковой её может сделать только человек. Эта пластичность культуры, способность быть системой и одновременно не являться ею без усилий человека, и порождает непримиримые теоретические разногласия, которые невозможно, да и не целесообразно, сводить к единому общему знаменателю, к какой-либо единственной идее о культуре» [4, с. 93]. В наблюдаемой же культурной системе, носителями базовых элементов которой (смыслов и ценностей) являются люди¹, отдельная культурная / социальная общность обладает такой характеристикой как «культурная идентичность», подразумевающая наличие у людей общих представлений о социальной реальности, включая общие базовые ценности, нормы и смыслы, но не ограничиваясь ими. Каждый индивид имеет возмож-

ность идентифицировать себя не с одной, а несколькими культурными общностями, поэтому и возникает необходимость применения термина «общая культурная идентичность», указывающего именно на совокупность общих ценностей, норм и смыслов в рамках культурной идентичности, но предполагающего и возможность существенных различий у представителей общей культурной идентичности. Такое иерархическое понимание культурной идентичности заложено в понятие общероссийской гражданской идентичности (гражданского самосознания), под которой понимается «осознание гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества» [24]. С опорой на «Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации» и используется нами термин «общероссийская идентичность».

Подчеркнем проектный характер стратегического документа и, соответственно, проективный (проактивный) характер упоминания в нем идентичности. Построение, укрепление, реконструкция идентичности (и др. динамичные термины) указывает на динамику изучаемого феномена, на его существование в имманентном развитии. Из чего следует, что любая социологическая фиксация составляющих общность элементов лишь частично характеризует динамичное явление, а суждения о перспективных его состояниях (прогнозы) всегда носят характер теоретического допущения, объективность которого обнаруживается по истечении времени с учетом различной степени коррекции. Но тем не менее, культурная идентичность в эмпирических замерах предстает не только в качестве классификационной категории, но и как некоторый символический продукт производства и потребления.

Выведенное нами из концепции социального капитала П. Бурдьё, понятие экономики культурной идентичности – как отдельной самостоятельной области накопления материальных и нематериальных объектов, хранящих и транслирующих общие смыслы и ценности, а также сферы развития способности общества генерировать, аккумулировать и транслировать общие смыслы и ценности, – подкрепляется наблюдениями К.Х. Момджяна об усилении проектной функции сознания [10, с. 42, 45–46], а также дальнейшей иерархической типологией уровней конкуренции различных субъектов производства, накопления и распределения базовых факторов формирования культурной идентичности (смыслов и ценностей). В этом смысле, вводимый нами в оборот опорный термин («экономика культурной идентичности»), предстает инструментом проблематизации

1 См. теорию габитуса П. Бурдьё.

исследования описанного с его помощью динамического феномена, — инструментом провокации дальнейших теоретических дискуссий, оснований для которых, на наш взгляд, вполне достаточно, что и подтверждает представляемое исследование.

Объектом исследования является социокультурный процесс производства и потребления культурной идентичности, т. е. экономика культурной идентичности в условиях информатизации общества. Предмет исследования – уровни производства и потребления в экономике культурной идентичности.

Цель исследования – установить совокупность субъектов экономики культурной идентичности в условиях информатизации общества, производящих и потребляющих факторы формирования культурной идентичности (смыслы и ценности).

Базовым является *индивидуальный* уровень культурной идентичности, уровень самосознания личности, на котором индивид свободно или под внешним управлением конфигурирует базовые ценностные установки жизнедеятельности, включая самоидентификацию принадлежности к культурной общности. Ценностно-нормативный подход предполагает сложную систему нормативов социальной жизни индивида [13], включая устойчивые и изменчивые нормы взаимодействий социальных субъектов [15]. Индивида окружают нормы традиционных культур разных народов, интенсивно интегрирующиеся в условиях информатизации общества, юридические государственные и региональные нормы, нормы субкультурных (молодежных, профессиональных, фемдомных и пр.) и наднациональных новообразований, такие, к примеру, как эмоциональные императивы *позднесовременного* общества [14].

Именно индивидуальный уровень культурной идентичности является предметом жесткой конкурентной борьбы всех без исключения субъектов экономики культурной идентичности. Конкурентность создает условия выбора индивидом ценностных установок жизнедеятельности, определяющих паттерны его дальнейшего поведения. Соответственно, снижение конкурентности ведет к тоталитарной культуре, не оставляющей индивиду легитимного выбора идентичности, что усиливает риски асоциального выбора индивидом стратегии открытого или латентного сопротивления доминирующей культуре. Свобода выбора индивидом досуговых, профессиональных, матримониальных и прочих связей в течении жизни определяет степень его индивидуальной субъектности и способности действовать автономно без управляющего воздействия, способности автономно созидать, воспроизводить и транслировать ценностные установки жизнедеятельности. Культурный тоталитаризм опасен тем, что возможность и способность авто-

номно созидать и воспроизводить ценности вытесняется в маргинальную сферу запрещенного поведения и индивид исключается из легитимного механизма культурного воспроизводства. При масштабировании (массовом распространении) принципов тоталитарной культуры порождается массовый паразит, ориентированный исключительно на потребление культурных ценностей, но не способный их оценивать и созидать.

Социальные и культурные коллаборации в условиях свободы индивида в рациональном или интуитивном выборе культурной идентичности могут быть различной степени устойчивости и организованности. Наивысшей степенью организации в традиционных обществах являются этнические и национальные образования, скрепленные транслируемыми из поколения в поколение общими базовыми ценностями. Но вместе с тем коллективная деятельность предполагает и промежуточные уровни культурной идентичности. К ним относятся *организационный* и *институциональный* уровни.

Технологии построения *организационного* уровня культурной идентичности сегодня интенсивно изучаются в рамках тематики корпоративной культуры [1; 5; 7; 8; 12]. Интерес к этому уровню обусловлен эффектом интенсификации механизма организационного (корпоративного) управления, позволяющего организации разрастаться до глобальных наднациональных размеров, включаясь на равных в конкуренцию с государствами, а порой и доминируя в этой борьбе. На организационном уровне наиболее явно высвечивается механизм конвертации ресурса культурной идентичности в иные виды ресурсов, включая финансовые, идеологические, политические, правовые, силовые и проч. Государственная политика России в рамках концепции социально ответственного бизнеса рассчитана на использование в интересах государства управленческих ресурсов корпораций. Но необходимо учитывать, что не существует рациональных механизмов сдерживания трансформации корпоративной культуры в тоталитарную, ведущую к максимальному упрощению (удешевлению) управленческих механизмов и, как следствие, к вытеснению индивида из легитимного механизма культурного воспроизводства.

Государственная власть, обеспеченная рациональной политической системой, на сегодняшний день является единственной силой, способной регулировать конфликтные противоречия индивида и общества, включая перманентный конфликт индивида и организации.

Интенсивная информатизация общества создает условия для технологических преимуществ корпораций над неповоротливой бюрократической системой государственного управления. Корпорации склонны подменять государство на *институциональном* уров-

не формирования культурной идентичности. Снижая роль государства в управлении наукой, образованием, здравоохранением, социальным обеспечением и проч., корпорации жестко регламентируют доступ индивида к институциональной среде за рамками корпоративной культуры. Ведь именно институциональная среда является средоточием традиционного культурного наследия, позволяющим индивиду ориентироваться в многообразии культурных ценностей и обеспечивая возможность участия индивида в созидании и воспроизводстве культуры. Мировое научное сообщество, поддерживая доктрину сохранения культурного наследия, не смотря на уместную критику её несовершенства [16–19; 22], выступает за сохранение традиций, поскольку только культурное разнообразие сохраняет возможность права выбора индивидом собственной идентичности, возможность свободного выбора человеком в культурном разнообразии формирующих идентичность культурных образцов.

Субъектом *национального* уровня формирования культурной идентичности выступает институт государственной власти. Его важность особенно очевидна в условиях информатизации общества, когда фиксируется беспрецедентный рост количества необходимых для ориентации в социальной среде логических операций в момент времени, осуществляемых индивидом, т.е. ускорение течения социального времени [20; 21]. Государство призвано быть медиатором традиции и новации, координируя диалог социальных субъектов в направлении предупреждения конфликта интересов личности, этносов, организационных, институциональных и досуговых коллабораций. Общегосударственная гражданская идентичность, таким образом, остается насущным возобновляемым проектом формирования наиболее устойчивых общих смыслов и ценностей – нормированных медиаторов противоречий и разногласий, непременно возникающих в условиях сохранения культурного разнообразия и усиления асинхронии социального времени.

Международный уровень экономических отношений предполагает аналогичный уровень парадигм распространения культурной идентичности – *международный*. Однако, не существует какой-либо международной культурной идентичности, оторванной от локализованной на определенной территории культуры. Существует лишь международная сфера интеграции локальных культур. Любая идеология некоей глобальной идентичности – лишь разновидность стремящейся к глобальному доминированию тоталитарной культуры, утверждение которой ведет только к ограничению прав и свобод индивида. Особенностью международного уровня экономики культурной идентичности в условиях информатизации общества становится расширение возможности безграничных межличностных отношений,

т.е. расширение индивидуальных возможностей созидания и трансляции культурных ценностей. До глобального расширения информационного поля Интернета индивид мог представить себя на международном уровне исключительно с помощью организаций или государственных посредников. Изменение ситуации стимулирует как организации, так и государства к ограничению свободы межличностного общения, поскольку личность становится конкурентноспособной на международном уровне в плане производства и трансляции культурных ценностей.

Подводя итог, следует отметить, что в экономике культурной идентичности в условиях информатизации общества творческой личности (индивиду), истинному творцу культурных ценностей, государства и организации не могут быть достойными конкурентами. Их единственно возможная стратегия как на национальном, так и на международном уровнях заключается в экспроприации личностных достижений и конкурентной борьбе друг с другом за присвоение человеческого капитала. Однако, приращение капитала культурной идентичности возможно лишь в условиях свободного выбора человеком формирующих идентичность культурных образцов при сохранении культурного разнообразия. Соответственно, сохранение конкурентной среды экономики культурной идентичности в условиях информатизации общества, исключающей доминирование какой-либо из культур, является непереносимым условием стабильного социокультурного развития человечества.

Подчеркнем эвристический потенциал введенного в оборот понятия экономики культурной идентичности. Оно позволяет отграничить описанный феномен от сферы производства и субъективации культурных смыслов и ценностей, которая далеко не всегда сопровождается рациональным выбором культурной идентичности. Одно дело — имплицитное формирование факторов культурной идентичности, т.е. процесс, развивавшийся в традиционных культурах посредством передачи из поколения в поколение наиболее значимых для жизни ценностей и смыслов, другое — рациональное построение систем ценностей для конвертации ресурсов управления в иные формы капитала, включая усиление консолидации усилий общества при реализации сложных долгосрочных проектов преобразования социальной реальности (социосферы). Экономика культурной идентичности, таким образом, позволяет изучать специфическую сферу хозяйствования, — управления производством, потреблением, распределением и обменом факторами формирования культурной идентичности, — а также рационально применять результаты исследований этой сферы в совершенствовании практик управления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдалина Л.В., Коваль Н.А., Плаксина Н.И. Развитие корпоративной культуры преподавателя вуза: от теории к практике // ПНИО. 2020. № 3 (45). С. 475–487.
2. Бакуменко Г.В. Пределы культурной травмы в условиях COVID-19 // «Вызов» в повседневной жизни населения России: история и современность: мат. международной научной конференции / ред. В. А. Веремко (Санкт-Петербург, 1–3 апреля 2021 г.). СПб.: ЛГУ им. Пушкина, 2021. С. 61–66.
3. Бакуменко Г.В. Традиция и новация в символизации успеха духовных практик // Социальные смыслы спортивной духовности: Мат. II Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием (Армавир, 13–14 ноября 2020 г.). Армавир: АГПУ, 2021. С. 8–14.
4. Бакуменко Г.В. Ценностная динамика символов успеха: на материале статистики кинопроката. М.: Сам Полиграфист, 2021. 276 с.
5. Воробьева Е.В., Леван Т.Н. Особенности организационной культуры детских садов в ракурсе отношения педагогов к этическим дилеммам // Образование и наука. 2018. № 8. С. 88–111.
6. Драч Г.В. Цивилизационное самоопределение России в пространстве культурологического дискурса // Культурное наследие — от прошлого к будущему: программа и тезисы докладов V Российского культурологического конгресса с международным участием (СПб., 8–10 ноября 2021 г.). М.: Институт Наследия, 2021. С. 30–31.
7. Коростылева Н.Н. Формирование гендерной экосистемы современной организации: тенденции и перспективы // Женщина в российском обществе. 2019. № 3. С. 27–39.
8. Куприна Т.В., Иванова Г.О. Влияние культурных показателей на экономическую деятельность международных компаний // Экономика региона. 2021. № 2. С. 593–606.
9. Малыгина И.В. Культурология «после глобализации»: время собирать камни // Культурное наследие — от прошлого к будущему: программа и тезисы докладов V Российского культурологического конгресса с международным участием (СПб., 8–10 ноября 2021 г.). М.: Институт Наследия, 2021. С. 34–35.
10. Момджян К.Х. К вопросу о конструировании социальной реальности // Философский журнал. 2021. № 4. С. 38–52.
11. Оносов А.А., Гаспаршвили А.Т., Шафранец К. Культурная модель русской идентичности: аксиология, семантика и коммуникативный потенциал // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. № 3. С. 494–506.
12. Паули Ю.С., Короткина Е.С. Дискурсивные стратегии построения корпоративного нарратива // Сибирский филологический журнал. 2017. № 1. С. 173–183.
13. Региональная культурная политика: методология, институты, практики (ценностно-нормативный подход) / И.И. Горлова, Т.В. Коваленко, А.В. Крюков [и др.]. М.: Институт наследия, 2019. 206 с.
14. Симонова О.А. Эмоциональные императивы позднесовременного общества и их социальные последствия // Социологический журнал. 2021. Т. 27. № 2. С. 25–45.
15. Синецкий С.Б. Культурная политика как отражение норм социального взаимодействия // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 5 (97). С. 82–89.
16. Denes A. Critical Reflections on Safeguarding Culture: The Intangible Cultural Heritage and Museums Field School in Lamphun, Thailand / A. Denes, P.C. Koanantakool, P. Davis and etc. // Heritage & Society. 2013. Vol. 6. Is. 1. P. 4–23.
17. Lähdesmäki T. Politics of tangibility, intangibility, and place in the making of a European cultural heritage in EU heritage policy // International Journal of Heritage Studies. 2016. Vol. 22. Is. 10. P. 766–780.
18. Ortiz S.L., de Madariaga C.J. The UNESCO convention for the safeguarding of the intangible cultural heritage: a critical analysis // International Journal of Cultural Policy. 2021. Jul 30. DOI: 10.1080/10286632.2021.1941914
19. Pozzi F., Alivizatou M., Dagnino F.M., Ott M. Going beyond Preservation: How to Support Technology-Enhanced Learning in ICH Education // International Journal of Heritage in the Digital Era. 2015. Vol. 4 Is. 1. P. 21–40.
20. Rosa H. Alienation and Acceleration. Towards a Critical Theory of Late-Modern Temporality. Aarhus University Press, 2010. 111 p.
21. Rosa H. Resonanz: Eine Soziologie der Weltbeziehung. Berlin: Suhrkamp, 2016. 816 s.
22. Seifi L., Soltanabadi M. Iranian Public Libraries' Capacities in Preserving and Disseminating Intangible Cultural Heritage // IFLA Journal. 2019. Vol. 46. Is. 4. P. 359–368.
23. Заседание Совета по межнациональным отношениям // Президент России, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65252> (дата обращения 20.02.2022).
24. Указ Президента Российской Федерации О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (с изменениями на 6 декабря 2018 года) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов / АО «Кодекс», 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902387360> (дата обращения 23.02.2022).

© Орлов Сергей Николаевич (orlovs_n_99@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ: РОДИТЕЛЬСТВО ИЛИ САМОРЕАЛИЗАЦИЯ?

Салимова Аида Геннадьевна

Аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
aidia@mail.ru

TRANSFORMATION OF FAMILY VALUES IN MODERN CULTURE: PARENTHOOD OR SELF-REALIZATION?

A. Salimova

Summary: The article deals with the problems of parenthood in modern culture associated with the transformation of family values. Today, the family faces not only economic, geopolitical, and environmental challenges, but also a value reorientation. And, if the family is the most important socio-cultural institution, then parenthood is the core component of the family. Through the chosen forms of interaction, values, accumulated experience are transferred, a personality is formed. If we talk about the fact that a person is formed in a family: socialized, cultivated, develops an identity, then with distorted forms of parenthood, these processes break down.

Keywords: transformation, parenthood, family, family values, culture.

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы родительства в современной культуре связанные с трансформацией семейных ценностей. Сегодня семья сталкивается не только с вызовами экономического, геополитического, экологического характера, но и с ценностной переориентацией. И, если семья важнейший социокультурный институт, то родительство – это стержневая составляющая семьи. Через выбранные формы взаимодействия передаются ценности, накопленный опыт, формируется личность. Если мы говорим о том, что человек формируется в семье: социализируется, окультурируется, вырабатывает идентичность, то при искаженных формах родительства эти процессы надламываются.

Ключевые слова: трансформация, родительство, семья, семейные ценности, культура.

Интерес исследователей к проблемам современной семьи неуклонно растет. Это продиктовано вызовами современному обществу, угрозами, с которыми сталкивается человечество. И где семья остается основным и важным социальным институтом. Обладая особой функцией – воспроизводства человека в культуре, призванная сохранить человечество в целом, сегодня, семья подвергается определенным испытаниям. Процессы глобализации, цифровизации, экономические и геополитические факторы обостряют процессы трансформации общества и связанную с ним трансформацию семьи. Поэтому, часть исследователей говорит о кризисе семьи (философы, психологи, социологи, педагоги и пр.). Но есть и другие, считающие, что семья меняется, подстраиваясь под новые вызовы, но, как и прежде наделена основными функциями.

По мере того, как изменяются основы современного общества, - изменяется и семья. Одной из основ общества является его ценностная составляющая, показывающая ориентир будущего развития. Сегодня, ценностные ориентиры и установки людей меняются. Пространство культуры расширяется, условно предоставляя человеку новые возможности для личностного роста и развития, но при этом, порой становясь враждебным для него самого. Интенсивность информационных потоков, процессы цифровизации, проникающие во все сферы жизни, социальные трансформации – все это непосредственно воздействует на сознание меняя мировоззренческие

установки. Меняются базовые ценности, приоритетными становятся ценности индивидуалистского характера, происходит «переосмысление закрепившихся и устоявшихся в обычной жизни правил, норм, ориентиров и принципов поведения, смещение выбранных приоритетов индивидуума». Все это касается не только личности, общества в целом, но и семьи как важнейшего социокультурного института. Определенно – это вызов семье, ее устойчивости. На сегодняшний день виден высокий рост расторжения браков, вместе с тем, растет количество незарегистрированных браков, альтернативных союзов, все чаще приходится сталкиваться с проблемой отложенного родительства. «Связь, которая устойчиво существовала между деторождением, браком и сексуальностью по причине нивелирования ценности семьи, трансформации семейных норм и ценностей оказалась разрушенной» [1]. Трансформация ценностей, смыслов и установок в обществе неизменно ведут к трансформационным процессам семейных ценностей [2].

Трансформация – понятие, которое начинает занимать особые позиции в культуре. Трансформация семьи, семейных ценностей сегодня стремительна. Современные исследователи делают акцент на том, что современные видоизменения институтов родительства и семьи неразрывно вписаны в глобальный контур процессов развития общества и его модернизации [3,4,5].

Одной из главных ценностей семьи является роди-

тельство. Рождение и воспитание смысложизненная ценность, однако, под воздействием социально-экономических факторов дети становятся в большей степени статьей расходов, ограничителями свободы и личного развития. Возрастающее число разводов, распространение незарегистрированных союзов, внебрачное рождение детей, бездетность, отложенное родительство – все это обращает внимание на то, что в обществе происходит формирование «новых социальных институтов, социальных статусов и норм поведения» [1]. Более того, как отмечает Антошко Е.А. «для современного общества характерным является широкое распространение вследствие глобализации культурных ценностей человека, эгоцентризма, гедонизма, самовыражения, которые в совокупности с кризисом экономическим и связанным с ним ценностями выживания влекут за собой деинституциализацию семьи и брака и институциализацию индивидуализма» [1].

Самореализация становится главной составляющей успеха современного человека. С одной стороны, современное пространство создает условия для раскрытия собственного потенциала: обучение, расширение познавательной деятельности, овладение новыми компетенциями. С другой, создает угрозу из-за обилия информации из непроверенных источников, навязывает стереотипы соответствия быть самореализованным, если не в профессиональной, так в личной сфере. Для мужчин создаются лидерские программы, для женщин проекты, связанные с их самореализацией в карьере и быстрым переключением на собственное развитие после выхода из декрета или параллельно с воспитанием детей. Такое понимание самореализации в обществе как профессиональное или личностное создает определенные шаблоны, в которые человек должен вписаться. Однако, в массовом сознании пока нет понимания, что самореализация может быть в семейной сфере, в воспитании детей. Это никак не культивируется, а, скорее, наоборот.

В настоящий момент назревает необходимость привлечения внимания к вопросам самореализации в семейной сфере, в родительстве. Самореализация закрывает определенные запросы человека, такие как: быть признанным, ощущать себя значимым. Именно это можно реализовать в родительстве, получая ощущения своей значимости, своего бесценного вклада и видя резуль-

тат своих действий в последующих поколениях. Но для этого необходимо осознание важности родительства, понимания ценности, что очень сложно в современных условиях, где обществом, массовым сознанием диктуется отрыв от традиционных ценностей (в частности семьи, родительства, супружества) и навязывание индивидуалистских.

Сегодня, проблему родительства рассматривает целый ряд социальных и гуманитарных наук, что свидетельствует о значимости поднимаемых вопросов. Родительство само по себе является очень сложным, многогранным культурным феноменом, который предполагает наличие широко спектра смыслов и практик, напрямую связанных с детством, воспитанием, установками сложившихся отношений между детьми и родителями, женщинами и мужчинами [6].

Для родительства характерными являются основополагающие признаки социального института, вследствие чего оно определяется как осознанно регулируемая и контролируемая, устойчивая форма реализации совместной деятельности отцов и матерей, касающаяся детопроизводства [1]. Важным является то, что именно в семье через родительско-детские отношения передаются ценности, смыслы, нормы поведения подрастающему поколению. На примере модели семьи выстраивается понимание мира, формируются мировоззренческие установки.

А. Антонов рассматривает семью с позиции неделимого триумvirата супружества-родительства-родства, а рамках которого родительство представляет собой основополагающее звено для создания и развития семьи [7]. Как отмечает Беляева «семья на сегодняшний день сформировалась в качестве ключевой социальной модели существования и воспроизводства человека» [8]. Дети являются основным показателем семьи – основной ценностью. А сама форма семьи – традиционная ценность. Показавшая на протяжении веков свою значимость, эффективность сохранения человеческого рода. Таким образом, поднимая на повестку вопросы семьи важно говорить и о проблемах родительства, поскольку не только создание союза между мужчиной и женщиной, но и рождение, воспитание будущего поколения является смыслообразующей ценностью для общества, человека и человечества в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Клишова М.Н. Родительство как ценность в современном российском обществе // Символ науки. 2015. №7-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/roditelstvo-kak-tsennost-v-sovremenno-rossijskom-obschestve> (дата обращения 11.02.2022)
2. Черникова В.Е., Мазаева Н.И. Динамика семейных ценностей: от традиционных до постсовременных // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Том 8. №1 А. С.267-275

3. Чернова Ж.В., Шпаковская Л.Л. Профессионализация родительства: между экспертным и обыденным знанием // ЖИСП. 2016. № 4
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalizatsiya-roditelstva-mezhdu-ekspertnym-i-obydennym-znaniem> (дата обращения 10.02.2022)
4. Вишневецкий А.Г. Демографическая революция меняет репродуктивную стратегию вида Homo sapiens // Демографическое обозрение. 2014. №1 (1).
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/demograficheskaya-revolutsiya-menyayet-reproduktivnuyu-strategiyu-vida-homo-sapiens> (Дата обращения 10.01.2022)
5. Малева Т. М., Овчарова Л.Н. Социальная модернизация России: теория, история, вызовы // SPERO. Весна-лето 2009. №10. С. 11-32.
6. Чернова Ж.В., Шпаковская Л.Л. Дискурсивные модели современного российского родительства // Женщина в российском обществе. 2013. №2 (67).
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskursivnye-modeli-sovremennogo-rossiyskogo-roditelstva> (Дата обращения: 10.02.2022)
7. Антонов А.И. Кризис семьи и родительства // Проблемы родительства и планирования семьи. – М., 1992. – С.11-27
8. Беляева А.Б. Традиционные семейные ценности // Вестник ТГУ. 2008. N11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnye-semeynye-tsennosti> (Дата обращения: 12.03.2022).

© Салимова Аида Геннадьевна (aidia@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕОРИИ МУЗЫКАЛЬНОГО ИСКУССТВА¹

Сюй Цянь

Доцент, Цзилинский педагогический университет
xhqian@jlnu.edu.cnRESEARCH INTO THE THEORY
OF MUSICAL ART²

Xu Qian

Summary: The article is devoted to the formulation of the problem of the theory of the musical-historical process. The significance of periodization for scientific knowledge (musicology) is discussed, an analysis of the current situation with the study of theory in music and a review of approaches to solving this problem in non-musical experience are given.

Keywords: music theory, art, history, research, musical tradition.

Аннотация: Статья посвящена постановке проблемы теории музыкально-исторического процесса. Обсуждается значение периодизации для научного познания (музыковедения), дается анализ современной ситуации с изучением теории в музыке и обзор подходов к решению этой проблемы в немusical опыте.

Ключевые слова: теория музыки, искусство, история, исследования, музыкальная традиция.

Музыкальное искусство издревле занимает особое место среди других видов искусства, так как оно является наиболее массовым и активно влияет на эмоции и чувства людей. Эти особенности музыки также привели к тому, что философы, эстеты, а также представители естественных наук - математики, физиологии, психологии, акустики и др. Известно, что древние философы, начиная с Пифагора, на примере музыки, сформулировал законы художественной гармонии и исследовал характер ее воздействия на человека [1].

Кажется, что музыкальное искусство должно быть достаточно и всесторонне изучено музыковедами и музыкальными критиками, поскольку первые определяют характеристики музыки как формы искусства, а вторые наблюдают, анализируют и переоценивают музыкальную жизнь общества в каждую эпоху, произведения или произведения композиторов в целом [2].

Но, как правильно пишет Т. Чередниченко, на какое-то время «исследования искусства вышли за узкие» рамки гильдии, включив широкие идеологические, социально-философские и культурные вопросы и «эстетизировав» музыковедение, выделив музыкальную эстетику. Этот процесс берет свое начало в древности, активизировался в XIX веке и теперь стал почти обязанностью музыковедов заниматься проблемами, решение которых считается прерогативой философской эстетики [3].

С древности до наших дней музыкальное искусство

находится в центре философских, эстетических и научных исследований его общей природы, общих характеристик, исторического развития и нынешнего состояния. Философско-эстетический подход как первая форма музыкального исследования давно определил и усовершенствовал методы исследования общей природы музыкального искусства - его структуры, процедурных особенностей и функций в жизни человека и общества.

В философии и эстетике Платона, Аристотеля, И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля, Ф.В. Шеллинга, А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, Ж.-П. Сартра музыка рассматривалась в системе других жанров искусства, что позволило выявить ее общие и специфические черты, интерпретация которых во многом зависела от характера этих философских систем. С определенной корректировкой и с учетом развития философии, музыкальной эстетики в системе других искусств, она продолжилась в произведениях отечественной эстетики - Ю.Б. Борева, Ю.Н. Давыдова, А.Я. Зися, М.С. Качан, И.В. Малышева, В.П. Михайлова, Д.Ф. Маркова, А.А. Оганова, М.Ф. Овсянникова, Г.Н. Поспелова, В.И. Тасалова, И.Г. Хангельдиева, В.П. Шестакова, Э.Г. Яковлева и др. [3].

В двадцатом веке идея сочетания национальных элементов с европейской академической традицией охватила многих композиторов Востока. Шанхайский композитор Хэ Хунтянь написал выразительный концерт для двухструнного китайского скрипичного эрху и симфонического оркестра.

1 Проект Фонда социальных наук провинции Цзилинь тема "Исследование истории современного вокального искусства в провинции Цзилинь" номер проекта: 2020C094

2 Social Science Foundation Project of Jilin Province selected topic "Research on the history of contemporary vocal music art in Jilin Province" Project's number: 2020C094

Армянский композитор А. Тертерян, следуя своей национальной традиции монодического пения, ввел соло мужского голоса как отдельную часть Второй симфонии с европейским составом оркестра [4].

Напротив, европейские композиторы академической культуры начали использовать в своей музыке как элементы философии, так и инструментарий Востока. Яркий пример - российский композитор С. Губайдулина. В концепциях своих произведений - кантаты «Ночь в Мемфисе», концерта для барабанщика и симфонического оркестра «Час души» - она использовала идею философии дзен примирения людей с окружающей их средой. А из музыкальных инструментов восточный чанг приравняла к скрипкам (в «Часе души» для перкуссиониста с оркестром), сочиняла композиции с участием японского кото, пытался освоить индийские и китайские инструменты [4].

И существует бесконечное количество таких идей, которые веками направляли развитие академической музыки.

Неоднократно упоминалось, что человеческие эмоции неразрывно связаны с природой музыки, которая, казалось, родилась с возможностью и желанием ее воплотить. Однако методология их теоретического анализа, хотя и разработана в России и во многих странах мира, до сих пор не выработала систематических методов ее описания. Теперь мы можем с уверенностью полагаться на явление, известное как «базовые эмоции» или «базовые эмоции». Их смысл в том, что они присущи всем людям во всем мире. Приведу описание из Энциклопедии практической психологии: «Базовые эмоции - это эмоции, которые присущи каждому здоровому человеку и одинаково проявляются у представителей разных культур, проживающих на разных континентах. Эмоции присущи каждому... Большинство основных эмоций являются врожденными» [4].

Психологи полагаются на метод распознавания лиц: эти четыре эмоции четко отражаются на лице человека и четко распознаются. Д. Морозов, работавший с певцами, отметил те же четыре эмоции, которые ярко выражены в голосе певца и хорошо понятны публике [2].

Следует отметить, что наибольшая эффективность определенных теоретических и музыкальных позиций часто проявлялась при непосредственном взаимодействии с музыкальной практикой. Для многих древних трактатов характерна «цель написания всего произведения: это произведение с заданной педагогической целью» [3].

В то время теория была не только результатом обобщающих посвящений практического характера, но и от-

крывала перспективы для развития музыкальных процессов во многих отношениях. Неслучайно К. Еременко придает большое значение теоретическим постулатам античности. В отношении кроманьонца он выводит следующий тезис: «Впервые он разделил внешне однородное музыкальное искусство на такие большие компоненты, которые также вошли в нашу жизнь, такие как теория и практика, которые дадут действительно значимый и эффективный результат. Кроме того, ведущую роль в этом блоке играла теория - изучение объективной акустической реальности и обеспечение условий для успешного развития на каждые следующие десять тысяч лет» [2].

Возможно, что «октава», введенная Бозцием в названия и обозначения звуков латинскими буквами, в конечном итоге привела к появлению октавных мод гармонической системы. Другой важный исторический прецедент - реформа Гвидо Аретинского, который был «первым средневековым теоретиком, приблизившим теорию музыки к реальным требованиям музыкальной практики». Его реформа нотной грамоты была продиктована потребностями вокальной практики с упором на расширение репертуара за счет ускорения (сокращения времени) его развития. Благодаря этой реформе появилась возможность поставить вопрос о музыкальной подготовке человека как о владении нотной грамотой в прямом смысле этого слова. Реформа Гвидо, направленная на изначальную связь в музыкальном образовании, как известно, оказала драматическое влияние на все развитие европейского музыкального искусства с точки зрения формирования и развития музыки письменной традиции.

То же касается так называемой дидактической нотации (письменности), приведшей в конечном итоге к возникновению партитуры [3]. Вне музыки письменной традиции невозможно существование ни симфонии, ни оперы, как невозможно существование романа вне литературы. Древнерусская теория музыки, согласно исследованию М. Бражникова, концентрировалась в предисловиях к азбукам, которые утверждают существование и сознательное внедрение в русскую художественную жизнь музыкальной теории как науки» [4]. Ещё один прецедент - оценка Г. Риманом ситуации, сложившейся в европейской музыке конца XVI века: «В данном случае теория, рассудочное понимание сделалось матерью практики, творческой деятельности фантазии» [2].

Теоретический расчет равномерно темперированной гаммы и ее реализация в конструкции клавишного инструмента в конечном итоге привели к созданию художественных шедевров композиции - циклов во всех тональностях.

Включение музыкальных элементов в другие виды

деятельности (связанные с искусством и не связанные с ними - спорт, язык, математика) показывает их способность управлять поведением человека в различных ситуациях и вводить новый уровень порядка в действия. Именно возможность этой связи с другими сферами деятельности открывает еще одну, пока малоисследованную область музыковедения, напрямую связанную с гуманитарной наукой, - антропологию. Предполагается, что только в рамках теории музыки может быть проведено сравнение и сравнение законов музыки с общими

законами жизни, общества, мышления, что приведет к выводу законов высшей гармонии и превращению их в основы различных видов деятельности.

В настоящее время открываются широкие перспективы для пробуждения общественного интереса ко всем видам музыкальной деятельности, особенно в области «консервативного искусства», и, таким образом, для повышения истинной ценности оригиналов музыкального искусства в системе художественных ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арановский М.Г. Мышление, язык, семантика / М.Г. Арановский - М., 2017. - С. 90-128.
2. Зарина К. Эффективные способы изучения теории музыки / Зарина К. - Scientific progress, 2021. - С. 29-31.
3. Родина Т. Вопросы теории и практики развития музыкальных способностей / Родина Т. - Преподаватель XXI век, 2019. - С. 98-102.
4. Цыпин Г.М. Музыкально-исполнительское искусство: Теория и практика. - СПб., 2001.

© Сюй Цянь (xuqian@jlnu.edu.cn).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Цзилиньский педагогический университет

ГЕНДЕРНОЕ ВОСПИТАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

GENDER EDUCATION: PROBLEMS AND SOLUTIONS

**Zh. Ermakhan
R. Suleimenova
A. Turgambayeva
A. Musina
R. Aigaraev**

Summary: The purpose of the study is to study the attitude of adolescents and young people to the issues of gender education and to determine the most appropriate form for them to receive information on this issue.

Materials and methods: an anonymous survey of 372 young people (268 girls and 104 boys) aged 13 to 19 years was conducted. The questionnaire consisted of 2 parts: general - gender, age, place of study / level of education, and the second, including questions about respondents' awareness and sources of information about gender education, opinions about its relevance.

Results: the analysis of the results revealed that the majority (85.2%) of the respondents consider gender education relevant, despite the insufficient actual level of knowledge of the issue (a quarter of the respondents 25.3%). The majority (70.2%) of the respondents considered school age to be the optimal age to start getting acquainted with the issue. At the same time, when choosing a format for receiving answers, opinions were divided almost equally: 58.1% of respondents named school programs and / or family, 41.9% - anonymous resources (helpline, Internet portals). The indication by the majority of respondents (70.8%) as sources of information of the Internet, friends and acquaintances, the media and television raises questions about the reliability and objectivity of the information received, which is the same as the presence among the respondents of 9.4% of young people who do not know and do not want to have information on gender education indicates the urgency of the problem.

Conclusions: the data obtained confirm the need to develop a state step-by-step program of gender education taking into account age - starting from primary school and/or pre-school education system.

Keywords: gender education, psychological well-being, adolescents, youth, health.

Ермахан Жанерке Темирболатовна

НАО «Медицинский университет Астана»

zhanerkeermakhan@gmail.com

Сулейменова Роза Калдыбековна

к.м.н., доцент, НАО «Медицинский университет Астана»

rozasuleimenova@mail.ru

Тургамбаева Асия Каурбаевна

к.м.н., ассоциированный профессор, НАО «Медицинский университет Астана»

takk1973@mail.ru

Мусина Айман Аяшевна

Д.м.н., профессор, НАО «Медицинский университет Астана»

mussina.a@amu.kz

Айгараев Рахымжан Дайрабаевич

Заместитель главного врача по хирургии,

Многопрофильная городская больница №1 г. Нур-Султан

rakhymzhan.a.d@gmail.com

Аннотация: Цель исследования – изучение отношения подростков и молодых людей к вопросам гендерного воспитания и определение наиболее приемлемой для них формы получения информации по этой проблеме.

Материалы и методы: проведено анонимное анкетирование 372 молодых людей (268 девушек и 104 юноши) в возрасте от 13 до 19 лет. Анкета состояла из 2-х частей: общей - пол, возраст, место учебы/уровень образования и второй, включающей вопросы об информированности респондентов и источниках информации о гендерном воспитании, мнении о его актуальности.

Результаты: анализ результатов выявил, что большинство (85,2%) респондентов считают гендерное воспитание актуальным, несмотря на недостаточный фактический уровень знаний вопроса (четверть опрошенных 25,3%). Оптимальным возрастом для начала знакомства с вопросом большинство (70,2%) опрошенных посчитали школьный. При этом при выборе формата для получения ответов мнения разделились почти поровну: 58,1% респондентов назвали школьные программы и/или семью, 41,9% - анонимные ресурсы (телефон доверия, интернет-порталы). Указание большинством опрошенных (70,8%) в качестве источников информации интернета, друзей и знакомых, СМИ и телевидения вызывает вопросы к достоверности и объективности получаемой информации, что также, как и присутствие среди опрошенных 9,4% молодых людей не знающих и не желающих иметь информацию по гендерному воспитанию говорит об актуальности проблемы.

Выводы: полученные данные подтверждают необходимость разработки государственной поэтапной программы гендерного воспитания с учётом возраста - начиная с начальной школы и/или системы дошкольного образования.

Ключевые слова: гендерное воспитание, психологическое благополучие, подростки, молодежь, здоровье.

Гендер – это совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола.

Гендерная идентичность формируется в раннем детстве, но её становление происходит в подростковом и юно-

шеском возрасте, когда ребёнок переходит из детства в юность и во взрослость. Этот период определяет его дальнейшее отношение к себе, своей самореализации в жизни и к противоположному полу. То есть в этот период формируются основы мужественности/женственности,

традиционные для окружающего его общества. Молодёжь, вступающая в самостоятельную жизнь, осваивает гендерную культуру, что способствует сохранению традиций и передаче их будущим поколениям. Однако молодые люди, подражая поведению, транслируемому из средств массовой информации, подчас путают любовь с влюбленностью и оказываются не готовы к ответственности и семейной жизни [1,4].

Основы гендерной культуры, сформированные в семье и близким окружением, юноша/девушка проявляют в период обучения и профессиональной подготовки, поэтому большое значение в формировании мужественности/женственности играют и учреждения образования, которым приходится решать задачи не только обучения, но и коррекции воспитания и полоролевой социализации. Необходимость повышения качества полоролевой социализации юношества обусловлено ростом сексуальной активности молодёжи и её негативных проявлений, деформацией «мужских» и «женских» ролей, девальвацией ценностей дружбы, любви, целомудрия и верности [1,6,7].

Кроме того, учащаяся молодёжь все чаще становится объектом негативных тенденций, прочно вошедших в социальную жизнь общества: масштабное потребление эротической продукции; «сексуальная активность» девушек в возрасте 15-17 лет; рождение детей вне брака; аборт в подростковом возрасте, гинекологические заболевания; разводы после одного-двух лет совместного проживания и прочее [1,5].

Многие подростки, ведущие активную половую жизнь, могут быть недостаточно проинформированы о контрацепции и заболеваниях, передающихся половым путем, в том числе о гепатите С и ВИЧ-инфекции.

Рост числа аборт и родов в подростковом возрасте могут быть обусловлены с одной стороны низкой вероятностью использования противозачаточных средств и барьерных контрацептивов в связи с импульсивностью, незапланированностью полового контакта и сопутствующим употреблением алкоголя и/или наркотиков, с другой - правовыми, социальными и финансовыми барьерами для использования средств контрацепции несовершеннолетними [2,5].

Для подростковой беременности характерны: высокий риск эклампсии, послеродового эндометрита и системных инфекций у роженицы, рождение ребёнка с низкой массой тела, высокая заболеваемость и смертность новорожденных в перинатальный и младенческий периоды. Юные матери составляют одну из групп риска по девиантному материнству, что обусловлено в первую очередь стрессом от создавшейся ситуации, так и недо-

статочностью ресурсов для выполнения роли родителя. Поэтому беременные подростки и юные матери нуждаются в особом внимании со стороны общества [1,5].

Решение проблем гендерного воспитания в Республике Казахстан в настоящее время выведены на государственный уровень - принята Концепция семейной и гендерной политики до 2030 года, утвержденная Указом Президента республики в декабре 2016 года. В документе признается проблема «ранних браков, подростковой беременности, абортов в раннем возрасте», которые являются следствием непросвещенности молодежи в сексуально-половых вопросах. Согласно документу, одним из инструментов борьбы с этими проблемами является: «расширение программ обучения подростков и молодежи вопросам охраны сексуального и репродуктивного здоровья, безопасного сексуального поведения, профилактики нежелательных беременностей, профилактики передачи ИППП/ВИЧ» в системе среднего и профессионально-технического образования [2,3].

Целью настоящего исследования явилось определение отношения подростков и молодых людей к вопросам гендерного воспитания и определение наиболее приемлемой для них формы получения информации по этой проблеме.

Материалы и методы

Дизайн исследования: количественное, индивидуальное, анонимное, анкетирование. В исследование были включены 400 респондентов. Однако при обработке результатов было выявлено, что 28 анкет были заполнены частично: респонденты пропустили некоторые вопросы или выбрали несколько вариантов вместо одного и так далее. В связи с этим в дальнейшую обработку были взяты данные 372 анкет.

Текст анкеты состоял из 2 частей. Первая часть включала вопросы по общей информации о респонденте: пол, возраст, место учебы/уровень образования.

Вторая часть была посвящена сбору данных об информированности респондентов о гендерном воспитании; об источниках гендерного воспитания и о мнении респондентов об актуальности гендерного воспитания.

В заключительной части была собрана информация о том какие методы и источники гендерного воспитания являются наиболее удобными и интересующими для подростков и молодежи.

Полученные данные были обработаны статистически с помощью пакета прикладных программ IBM SPSS Statistics 6.0.

Результаты и их обсуждение

Анализ первой части анкет выявил, что среди респондентов большинство (72%, 268 человек) составили девушки, а 28% (104 человека) – юноши в возрасте от 13 до 19 лет.

Возрастной состав респондентов составил: 13-15 лет -102 подростка (27,4%), 16-17 лет -127 человек (34,1%) и 18-19 лет -143 человека (38,5%).

Анализ уровня образования респондентов выявил, что 112 (30,1%) подростков имеет среднее образование (общеобразовательная школа), 117 человек (31,5%) – среднее специальное (колледж) и 143 респондента (38,4%) обучаются в высших учебных заведениях.

Таким образом, анализ данных первой части анкеты выявил однородность выборки респондентов по возрастному параметру и уровню образования, что позволяет предположить объективность результатов второй части анкеты.

Во вторую часть анкеты были включены вопросы об отношении опрашиваемых к проблеме гендерного воспитания.

На вопрос об актуальности гендерного воспитания большинство (317; 85,2%) ответили утвердительно, 20 человек (5,4%) – затруднились ответить, а 35 респондентов (9,4%) ответили отрицательно. При этом знают о том, что включает это понятие только четверть (94; 25,3%) ре-

спондентов, 104 (28%) опрошенных затруднились с ответом и почти половина – 174 человека (46,8%) не знают, что обозначает этот термин.

Основными источниками информации по вопросам гендерного воспитания были указаны: интернет (148 человек – 39,8%), друзья и знакомые (103 опрошенных –27,7%) и родители (67 человек- 18%) (диаграмма).

На вопрос о возрасте, в котором можно начинать гендерное воспитание большинство (261;70,2%) респондентов ответили, что эти вопросы должны обсуждаться в рамках школьной программы, 21% (78 человек) – что в семье с рождения, 18 (4,8%) опрошенных решили что начинать занятия нужно в рамках детского сада и 15 человек (4%) –после совершеннолетия.

При этом на вопрос о способах предохранения от нежелательной беременности и инфекций, передающихся половым путем 153 (41,1%) респондентов ответили, что владеют этой информацией; 184 (49,5%)- что не знают и 35 опрошенных (9,4%) – что не знают и знать не хотят.

На вопрос о предпочтительном источнике информации в рамках гендерного воспитания 156 (41,9%) респондентов указали анонимную телефонную службу и/или приложение для гаджетов, 70 (21,2%) – указали семью как основной источник информации, 82(22%) – только школу и 55 (14,8%) – и семью и школу.

Таким образом, анализ результатов анонимного анкетирования 372 молодых людей в возрасте 13-19 лет

Диаграмма. Структура источников информации по вопросам гендерного воспитания молодежи по данным анонимного анкетирования

выявил, что большинство (85,2%) респондентов считают гендерное воспитание актуальным, несмотря на недостаточный фактический уровень знаний вопроса (четверть опрошенных 25,3%).

Оптимальным возрастом для начала знакомства с вопросом большинство (70,2%) опрошенных посчитали школьный. При этом при выборе формата для получения ответов мнения разделились почти поровну: 58,1% респондентов назвала школьные программы и/или семью, 41,9% - анонимные ресурсы (телефон доверия, интернет-порталы).

Указание большинством опрошенных (70,8%) в качестве источников информации интернета, друзей и знакомых, СМИ и телевидения вызывает вопросы к достоверности и объективности получаемой информации, что также, как и присутствие среди опрошенных 9,4% молодых людей не знающих и не желающих иметь информацию по гендерному воспитанию говорит об актуальности проблемы.

альности проблемы.

Выводы

Полученные в результате анкетирования 372 молодых людей в возрасте 13-19 лет данные подтверждают необходимость разработки государственной поэтапной программы гендерного воспитания с учётом возраста - начиная с начальной школы и/или системы дошкольного образования.

Одним из оптимальных способов гендерного воспитания является использование анонимных интернет-ресурсов, платформ и мобильных приложений, однако так как они являются в большинстве своём частными – высока вероятность дезинформации и некорректной трактовки данных. Поэтому необходимо повысить конкурентоспособность имеющихся государственных образовательных ресурсов – например в формате анонимного мобильного приложения с познавательным мультимедийным интерфейсом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ СПб.: ТОО ТК Петрополис, 1998. – 276 с.
2. Кабатова К., Маринин С. Половое просвещение в системе школьного образования Республики Казахстан: учить нельзя, молчать? 2018
3. Концепция семейной и гендерной политики в Республике Казахстан до 2030 года. Утверждена 6.12.2016 №384
4. Крайник В.Л., Микова М.В. Сущность и содержание понятия «гендерное воспитание» Мир науки, культуры, образования. 2016; № 5 (60):130-132
5. Крысько А.А. Ланцбург М.Е. Подростковая беременность и юное материнство. Причины, проблемы и пути решения. Современная зарубежная психология. 2013;1:88-99
6. Макеенко Е.П. Проблемы гендерного воспитания в современной педагогике Вестник Донецкого педагогического института 2018;3: 235-242
7. Тартаковская И. Гендерные отношения в приватной сфере: постсоветские трансформации семьи и интимности. Laboratorium 2010;3:5-11

© Ермахан Жанерке Темирболатовна (zhanerkeermakhan@gmail.com), Сулейменова Роза Калдыбековна (rozasuleimenova@mail.ru), Тургамбаева Асия Каирбаевна (takk1973@mail.ru), Мусина Айман Аяшевна (mussina.a@amu.kz), Айгараев Рахымжан Дайрабаевич (rakhymzhan.a.d@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СУБЪЕКТИВНАЯ ОЦЕНКА ВНУТРИСЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ БОЛЬНЫХ ПСОРИАЗОМ ВО ВЗАИМОСВЯЗИ С ИХ ЛИЧНОСТНЫМИ ХАРАКТЕРИСТИКАМИ

SUBJECTIVE ASSESSMENT OF INTRA-FAMILY RELATIONS IN PATIENTS WITH PSORIASIS IN RELATION TO THEIR PERSONAL CHARACTERISTICS

*P. Korabelnik
E. Karpova*

Summary: Psoriasis is a common polyetiological disease that affects significant elements of the patient's personality relationship system, including his personal characteristics and intra-family relationships. The study showed that the perception of the family microclimate in the family and the features of interpersonal interaction in patients with psoriasis have features depending on the positive and negative assessment of intra-family relations. In addition, there is an originality in the relationship between personal characteristics and the perception of the family microclimate within the studied groups of patients.

Keywords: psoriasis, family relationships, personality characteristics, family environment scale.

Корабельник Полина Юрьевна

аспирант, ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет
p.korabelnik@spbu.ru

Карпова Эльвира Борисовна

К.псих.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет
e.karpova@spbu.ru

Аннотация: Псориаз – распространенное полиэтиологическое заболевание, которое затрагивает значимые элементы системы отношений личности больного, в том числе его личностные характеристики и внутрисемейные отношения. Проведенное исследование показало, что восприятие семейного микроклимата в семье и особенности межличностного взаимодействия больных псориазом имеют особенности в зависимости от положительной и негативной оценки внутрисемейных отношений. Кроме того, существует своеобразие во взаимосвязи личностных характеристик и восприятия семейного микроклимата внутри изучаемых групп больных.

Ключевые слова: псориаз, внутрисемейные отношения, личностные характеристики, шкала семейного окружения.

Введение

Псориаз является полиэтиологическим заболеванием, имеющим тенденцию не только роста заболеваемости (по данным 2016 г. этим заболеванием страдает около 3,66% населения России), но и увеличения числа резистентных к лечению форм [19]. Согласно научным исследованиям, в 20-89% случаях манифестация и возникновение рецидивов псориаза являются психогенно спровоцированными [6, 20].

Псориазическая болезнь проявляется чрезмерно сухими, красными, приподнятыми над поверхностью кожи пятнами, псориазическими бляшками, которые обуславливают повышенную тревожность и обеспокоенность косметическим дефектом больных [19, 21]. Высыпания на коже, видимые для окружающих, могут порождать неуверенность, повышенную сенситивность и избирательную общительность [4, 20], что влечет за собой нарушения в супружеской и социальной адаптации [1; 2].

В настоящее время существует значительное количество отечественных научных работ, направленных на изучение личностных особенностей больных псориа-

азом: [7; 9; 12; 16; 20, 22], в то время как стратегии выстраивания собственных семейных отношений псориазическими больными и характер этих отношений до сих пор остаются сравнительно мало описанными [8; 10]. При этом семейные связи как важнейшая сторона системы отношений больного становятся сильно затронутой ввиду проявления заболевания, особенно подходу к больному и его личностных характеристик [13; 19; 20]. Родственники больного псориазом становятся также включены в ситуацию болезни, и весь быт становится направленным на снятие симптомов, при этом тяжелое протекание болезни приводит к тому, что больной псориазом зачастую не может работать на прежнем месте и выполнять домашние обязанности из-за физического самочувствия, собственной чувствительности и эмоциональной напряженности [8; 11; 18; 20].

Целенаправленное изучение данной проблемы дает возможность выявить субъективную оценку внутрисемейных отношений больных псориазом и проследить ее влияние на показатели внутрисемейного и межличностного взаимодействия, а также исследовать взаимосвязь личностных характеристик больного и восприятия семейного микроклимата, что может способствовать

повышению эффективности психологической работы с данной группой пациентов.

Гипотезами исследования являются следующие предположения:

1. В группах больных с положительной и негативной оценкой внутрисемейных отношений существуют различия в восприятии социального климата в семье и межличностного взаимодействия.
2. В группах больных с положительной и негативной оценкой внутрисемейных отношений существует своеобразие во взаимосвязи личностных характеристик и восприятия социального климата в семье.

Материалы и методы

В исследовании приняли участие 66 больных с различными формами псориаза (30 мужчин и 36 женщин) в возрасте от 23 до 56 лет, проходящие лечение в дерматологическом отделении Первого медицинского университета им. Павлова. Средний возраст больных в обеих группах – 38,23 лет, $SD=17,68$. Средняя продолжительность заболевания – 12,66 лет, $SD=7,78$.

Большинство пациентов, страдающих псориазом, (59%) состоят в браке, при этом у 9% – это второй брак по счету. У 76% больных есть дети, 8% опрошенных находятся в разводе, 6% овдовели, 12% не состояли в браке и 15% отметили, что сейчас не состоят в супружеских отношениях.

Большинство из опрошенных больных псориазом относят к своей семье супругу/супруга и своих детей (53%), 17%, помимо партнера и детей, включают в свою семью родителей, а еще 14% из них – сиблингов, племянников и племянниц. 14% относят к своей семье только детей, 11% – только родителей, 6% считают своей семьей родителей и детей.

В соответствии с целью исследования использовался следующий методический аппарат:

1. Полуструктурированное интервью, направленное на сбор анамнеза заболевания и информации по социальной ситуации больного, а также субъективной оценки семейного окружения;
2. Модифицированный вариант методики «Незаконченные предложения» [15], включающий предложения, выражающие отношение испытуемых к членам своей семьи, а также субъективную оценку отношения родственников больного к нему самому [14];
3. Опросник Шкала семейного окружения (ШСО) Rudolf H., Bernice S. Moos (в адаптации Куприянова С.В., 1985) [18]. В данной методике основное

внимание уделяется исследованию отношений между членами семьи, направлениям личностного роста, организационной структуре семьи и нарушениям семейных ролей. Опросник состоит из десяти шкал («Сплоченность», «Экспрессивность», «Конфликт», «Независимость», «Ориентация на достижения», «Интеллектуально-культурная ориентация», «Ориентация на активный отдых», «Мораль и нравственность», «Организация» и «Контроль»), каждая из которых направлена на изучение характеристик семейного окружения (надежность шкал оценена с помощью алгоритма Альфа Кронбаха (α) [3];

4. Гиссенский личностный опросник (Бодалев А.А., Столин В.В., 1987), отражающий индивидуальные особенности и характер социального поведения: шкала «Социальное одобрение», шкала «Доминантность», шкала «Контроль», шкала «Преобладающего настроения», шкала «Открытость — замкнутость», шкала «Социальные способности» [5].

В качестве математико-статистических методов использовались: параметрический критерий t-Стьюдента для независимых выборок для тех случаев, когда критерий Ливиня для оценки однородности дисперсий не давал значимого результата, а также непараметрический аналог критерия Стьюдента для независимых выборок — U-критерий Манна-Уитни — для случаев, когда дисперсии выборок по критерию Ливиня достоверно различались. Для изучения взаимосвязи изучаемых показателей внутри групп использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Статистическая обработка результатов осуществлялась с помощью программы Statistica 12 для Windows.

Результаты

По результатам полуструктурированного интервью и методики «Незаконченные предложения» все обследуемые с диагнозом псориаз были разделены на три группы в зависимости от того, как они оценивают взаимоотношения с семьей и степень их поддержки. Для этого было выбрано два вопроса из интервью: «Как влияет заболевание на отношение к вам со стороны родственников / близких людей?», «Как влияет заболевание на ваше отношение к родственникам?», а также два пункта из методики «Незаконченные предложения»: «В моей семье...» и «Я всегда могу рассчитывать на...». Ответы по каждому из четырех вопросов оценивались единицей или нулем в зависимости от того, использовались ли в ответе слова, положительно характеризующие отношения с семьей – 1, или исключительно нейтральные / негативные оценки – 0. Один балл ставился также в случае, если предложение о том, на кого обследуемый может рассчитывать, заканчивалось упоминанием хотя бы одного члена се-

мы.

В результате суммарные оценки варьировались от нуля до четырех: обследуемые с суммарным баллом от нуля до единицы были определены в группу с негативной оценкой семейного микроклимата (22 человека), обследуемые с суммарным баллом два были определены в группу с умеренными жалобами на характер семейных взаимоотношений (20 человек), а обследуемые с тремя баллами и выше — в группу с положительной оценкой семейного микроклимата (24 человека).

Для сравнительного анализа различий в восприятии социального климата в семье и межличностного взаимодействия больных псориазом мы использовали данные групп с негативной оценкой внутрисемейных отношений (группа 1) и с положительной оценкой внутрисемейных отношений (группа 2).

Последовательное сравнение групп с помощью t-критерия Стьюдента (в случае однородности дисперсий) и U-критерия Манна-Уитни (в случае неоднородности дисперсий) показало статистически значимые различия по шкале «Мораль и нравственность» ($t = -2,15, p = 0,037$) и шкале «Контроль» ($t = -2,27, p = 0,028$) Шкалы семейного окружения. Так, больные псориазом с положительной

оценкой семейного микроклимата в большей степени отмечают уважение к этическим и нравственным ценностям и положениям ($M = 6,12, \sigma = 1,4$), а также иерархичность семейной организации, ригидность семейных правил и процедур, контроль членами семьи друг друга ($M = 4,91, \sigma = 1,4$), чем больные с негативной оценкой внутрисемейных отношений ($M = 5,14, \sigma = 1,7$; $M = 3,91, \sigma = 1,6$). При этом средние показатели в группе больных с положительной оценкой семейного микроклимата по данным шкалам превышают нормативные: «Мораль и нравственность» $M = 5,72, \sigma = 1,1$; «Контроль» $M = 3,93, \sigma = 1,3$ (данные С.Ю. Куприянова [18]) – см. рис. 1.

Сопоставление средних оценок больных изучаемых групп с нормативными (данные С.Ю. Куприянова [18]) также показало склонность больных псориазом в независимости от характера оценки внутрисемейных отношений открыто выражать негативные чувства и входить в конфликт с членами семьи (шкала «Конфликт» ШСО), но при этом самостоятельно обдумывать проблемы и принимать решения (шкала «Независимость») – см. рис. 1.

Исследование взаимосвязи субъективной оценки внутрисемейных отношений с личностными характеристиками больных псориазом с помощью коэффициента r-Спирмена показало статистически достоверные ре-

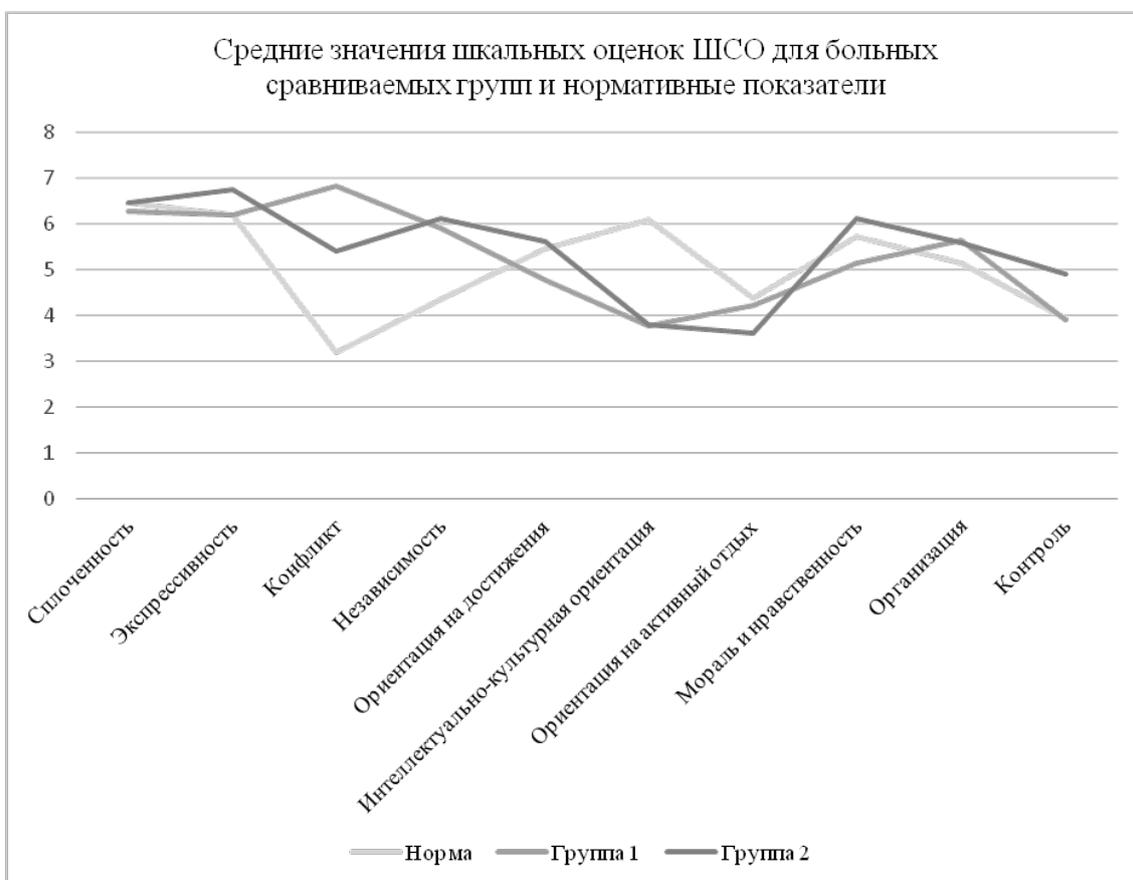

Рис. 1.

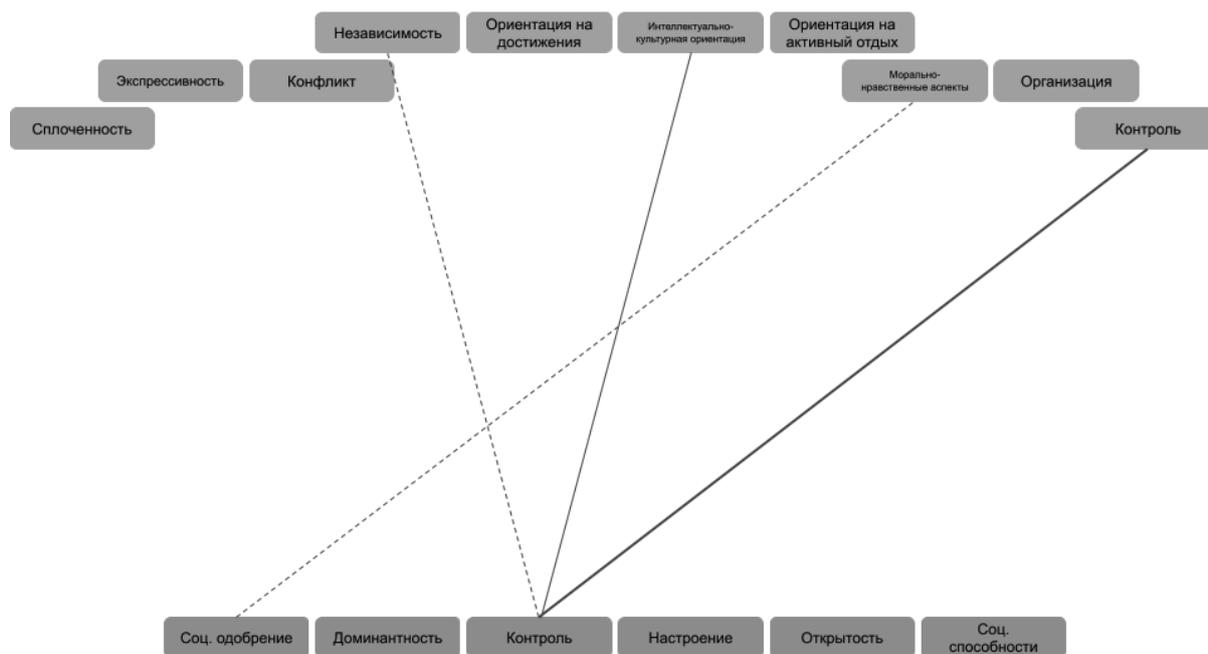

Рис 2. Корреляционная плеяда показателей Шкалы семейного окружения и шкал Гиссенского опросника по группе больных псориазом с негативной оценкой внутрисемейных отношений

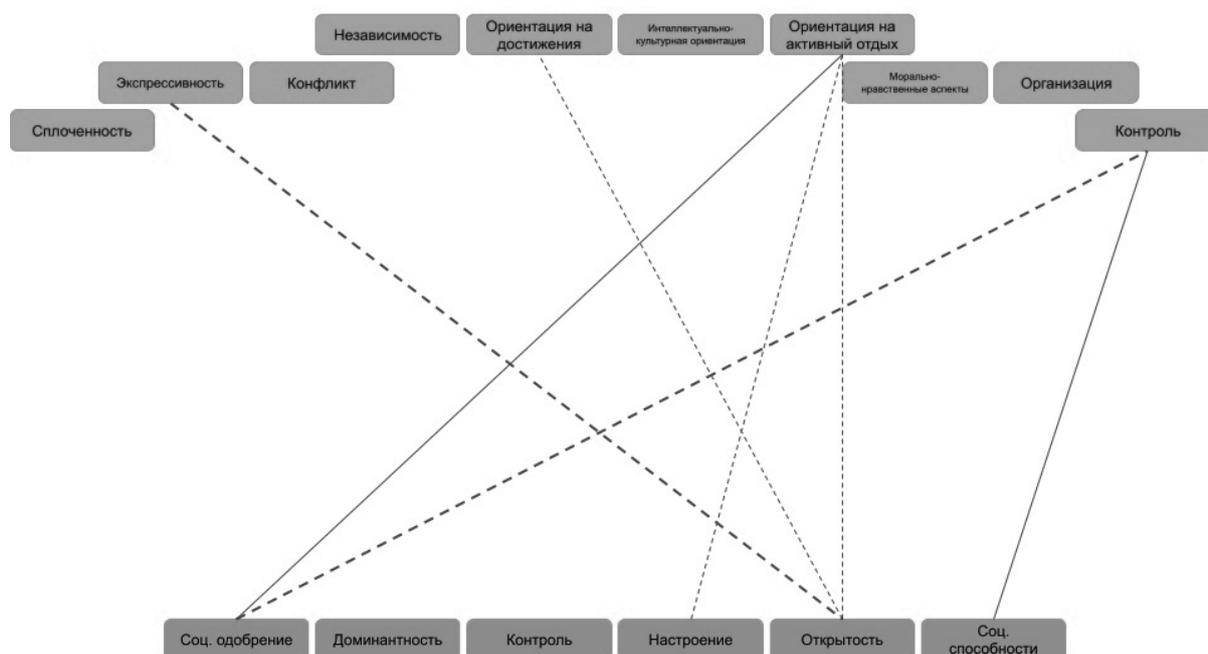

Рис 3. Корреляционная плеяда показателей Шкалы семейного окружения и шкал Гиссенского опросника по группе больных псориазом с положительной оценкой семейного микроклимата

зультаты внутри изучаемых групп. Так, в группе пациентов с негативной оценкой семейного микроклимата шкала «Контроль» Гиссенского опросника отрицательно связана с «Независимостью» ($r = -0,48, p = 0,04$), а положительно — с «Интеллектуально-культурной ориентацией» ($r = 0,43, p = 0,05$) и «Контролем» по ШСО ($r = 0,58, p \leq 0,01$) – см. рис. 2. Самоконтроль и педантичность

тем выше, чем социально и интеллектуально активны члены семьи, чем в большей степени выражена иерархичность семейной организации и чем ниже их независимость друг от друга.

Кроме того, в данной группе больных шкала «Социальное одобрение» Гиссенского опросника отрицатель-

но связана со шкалой «Мораль и нравственность» ШСО ($r = -0,45$, $p = 0,03$). Негативное представление о своей репутации взаимосвязано с приверженностью этическим и нравственным идеалам внутри семьи – см. рис. 2.

Также были отмечены статистически значимые различия по шкале «Открытость — замкнутость» Гиссенского личностного опросника ($t = 3,4$, $p = 0,001$) внутри групп больных псориазом с положительной и негативной оценкой семейного микроклимата. Обследуемые с положительной оценкой внутрисемейных отношений оценивают себя как более общительных, откровенных и доверчивых, чем пациенты, указывающие на трудности во внутрисемейном взаимодействии. Важно отметить, что в группе больных с положительной оценкой семейного микроклимата «Открытость — замкнутость» достоверно отрицательно связана с «Ориентацией на активный отдых» ($r = -0,42$, $p = 0,05$), «Ориентацией на достижения» ($r = -0,42$, $p = 0,05$) и «Экспрессивностью» ($r = -0,55$, $p = 0,01$) – см. рис. 3. Таким образом, открытость к другим людям в данной группе пациентов тем выше, чем больше развит соревновательный дух, направленность на активные виды спорта и привычка свободно выражать свои чувства внутри семьи.

Вместе с тем в данной группе больных псориазом «Социальное одобрение» достоверно положительно связано с выраженностью шкалы «Ориентация на активный отдых» ($r = 0,45$, $p = 0,05$) и отрицательно — со шкалой «Контроль» ШСО ($r = -0,63$, $p = 0,01$) – см. рис. 3. Выраженность депрессивного настроения достоверно отрицательно связана с выраженностью ориентации семьи на отдых ($r = -0,48$, $p = 0,05$). «Социальные способности» достоверно положительно связаны со степенью иерархизованности семьи (шкала «Контроль» ШСО) ($r = 0,47$, $p = 0,03$) – см. рис. 3. Общительность, активность и уверенность в своем социальном положении больных псориазом, положительно оценивающих семейный микроклимат, взаимосвязаны с направленностью на активные виды деятельности и приверженностью к семейным традициям внутри семьи.

Выводы и заключение

1. Для больных псориазом, указывающих на трудности во внутрисемейных отношениях, свойственна замкнутость, недоверчивость, отстраненность от

других людей, стремление скрывать собственную потребность в любви.

2. Больные псориазом с положительной оценкой семейного микроклимата в большей степени отмечают уважение к этическим и нравственным ценностям, а также иерархичность семейной организации, чем больные с негативной оценкой внутрисемейных отношений.
3. В группе больных псориазом, имеющих негативную субъективную оценку внутрисемейных отношений, негативное представление о своей репутации взаимосвязано с приверженностью этическим и нравственным идеалам внутри семьи.
4. Выраженность самоконтроля больных псориазом, оценивающих внутрисемейную обстановку как негативную, тем выше, чем социально и интеллектуально активны члены семьи, чем в большей степени они друг друга контролируют и чем ниже их независимость друг от друга.
5. Общительность, активность и уверенность в своем социальном положении больных псориазом, положительно оценивающих семейный микроклимат, взаимосвязаны с направленностью на активные виды деятельности, приверженностью к семейным традициям и привычкой свободно выражать свои чувства внутри семьи.
6. Для больных псориазом, которые не отмечали трудностей в семейных отношениях, степень депрессивного настроения тем ниже, чем более выражена ориентация на активный отдых с членами семьи.

Полученные результаты показали, что восприятие семейного микроклимата в семье и особенности межличностного взаимодействия больных псориазом имеют особенности в зависимости от положительной и негативной оценки внутрисемейных отношений. Кроме того, существует своеобразие во взаимосвязи личностных характеристик и восприятия семейного микроклимата внутри изучаемых групп больных. Таким образом, наши гипотезы подтвердились. Проведенное исследование позволяет расширить представления об особенностях субъективной оценки внутрисемейных отношений больных псориазом и способствует повышению эффективности психологической работы с пациентами, страдающими данным заболеванием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агарков С.Т. Супружеская дезадаптация. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
2. Бабюк И.А. Психические и соматические расстройства в нарушении сексуального здоровья. Донецк: Донеччина, 2002. 215 с.
3. Барский Ф.И., Воронин И.А., Гиндина Е.Д., Лобаскова М.М., Малых С.Б. Восприятие семейной обстановки близнецами подросткового возраста: генетические и средовые факторы // Теоретическая и экспериментальная психология. 2014. №4. С.26–39.

4. Бахлыкова Е.А., Филимонкова Н.Н., Матусевич С.Л., Котельникова А.Б., Ковкова Г.Ю. Пустулезный псориаз: качество жизни пациентов и методы терапии // ПМ. 2014. №8 (84). С. 27–31.
5. Гиссенский личностный опросник // Методики/ Опросники. URL: http://psylab.info/Гиссенский_личностный_опросник (дата обращения: 04.04.2022).
6. Карякина Л.А., Смирнова О.Н., Пирятинская В.А. Псориаз: учебное пособие. СПб.: Изд-во СЗГМУ им. И.И. Мечникова, 2017. 52 с.
7. Касьянова В.Е., Шамаева В.С., Малышева Л.А. и др. Псориаз: личностные особенности больных // Психосоматические и интегративные исследования. 2018. Том 4. № 3. С. 301.
8. Корабельник П.Ю., Карпова Э.Б. Особенности восприятия межличностного взаимодействия больными псориазом // Научные исследования выпускников факультета психологии СПбГУ. 2020, № 8. С. 52–59.
9. Кубанов А.А., Каримова А.Э., Знаменская Л.Ф. и др. Индекс PASI (Psoriasis Area and Severity Index) в оценке клинических проявлений псориаза // Вестник дерматологии и венерологии. 2016. Том 92, № 4. С. 33–38.
10. Луценко А.Г. Типовое состояние семейных отношений при псориазе у мужчин // Медицинская психология. 2014. Том 9, № 3. С. 102–104.
11. Николаева Н.Н., Якубович А.И. Особенности акцентуаций личности пациентов, страдающих псориазом // Материалы междисциплинарной региональной научно-практической конференции дерматовенерологов и косметологов «Актуальные вопросы дерматовенерологии, косметологии и репродуктивного здоровья» (г. Красноярск, 27 ноября 2020 г.). Красноярск: Изд-во «КАСС», 2020. С. 200–205.
12. Николаевская А.О., Алехина Е.А. Личностные особенности и качество жизни больных, страдающих псориазом, с различной длительностью заболевания // Сибирский психологический журнал. 2018. № 69. С. 100–112. doi: 10.17223/17267080/69/6
13. Пазина М.В. Эпидемиологические и медико-социальные аспекты заболеваемости хроническими дерматозами: Автореф. дис. . . . канд. мед. наук. Екатеринбург, 2010. 165 с.
14. Пахомов А.П. Методика «Незаконченные предложения» Сакса-Леви как учебное пособие // Экспериментальная психология. 2012. Том 5. № 4. С. 99–116.
15. Румянцев Г.Г. Опыт применения метода «незаконченных предложений» в психиатрической практике // Исследования личности в клинике и в экстремальных условиях / Под. ред. В.Н. Мясищева, Б.Д. Карвассарского. Л.: Изд-во НИПНИ им. В. М, Бехтерева, 1969. С. 266–275.
16. Терентьев С.Ю., Ермошина Н.П., Яковлева Н.В. Психологические особенности больных экземой и псориазом // Российский медико-биологический вестник им. академика И.П. Павлова. 2009. № 3. С. 1–5.
17. Усубалиев М.Б., Кожанов А.С. Социально-гигиеническая характеристика больных вульгарным псориазом // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 6. С. 121–122.
18. Шкала семейного окружения [Электронный ресурс] // Электронная библиотека психодиагностики. URL: https://psylab.info/Шкала_семейного_окружения (дата обращения: 04.04.2022).
19. Юцковский А.Д., Дубняк Н.С., Федорова Е.Б. и др. К проблеме психогенных дерматозов // Российский журнал кожных и венерических болезней. 2006. № 4. С. 29–32.
20. Яговдик Н.З., Сятковский В.А., Азарова Л.А. и др. Социально-психологические особенности личности больных псориазом // Белорусский медицинский журнал. 2013. № 1. С. 110–111.
21. Dueñas M., Ojeda B., Salazar A. et al. A review of chronic pain impact on patients, their social environment and the health care system. J Pain Res. 2016. № 9. P. 457–467. doi: 10.2147/JPR.S105892
22. Eghlileb, A.M., Davies, E.E.G., Finlay A.Y. Psoriasis has a major secondary impact on the lives of family members and partners. British Journal of Dermatology. 2007. Vol. 156. № 6. P. 1245–1250. doi: 10.1111/j.1365-2133.2007.07881.x

© Корабельник Полина Юрьевна (p.korabelnik@spbu.ru), Карпова Эльвира Борисовна (e.karpova@spbu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕСТА БАШНЯ ЛОНДОНА В ДИАГНОСТИКЕ УПРАВЛЯЮЩИХ ФУНКЦИЙ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Меньшикова Надежда Дмитриевна

Аспирант, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский
государственный педиатрический медицинский
университет» Министерства здравоохранения
Российской Федерации
Menshikova191@gmail.com

Корнев Александр Николаевич

К.м.н., д.псх.н., профессор, ФГБОУ ВО
«Санкт-Петербургский государственный
педиатрический медицинский университет»
Министерства здравоохранения Российской Федерации
k1949@yandex.ru

APPLICATION OF THE TOWER OF LONDON TEST IN THE DIAGNOSIS OF EXECUTIVE FUNCTIONS IN PRIMARY SCHOOL CHILDREN

**N. Menshikova
A. Kornev**

Summary: This review presents a description of executive functions, their ontogenesis, methods for diagnosing executive functions in children. «The Tower of London Test» relevance for assessing the formation of executive functions. The executive functions of the brain are a multicomponent structure that involves different parts of the brain. The applied diagnostic methods are aimed at assessing all components included in the concept of «executive function»: the ability of children of different ages to plan and organize activities, solve problems, analyze the formation of generalization processes and cognitive flexibility.

Keywords: executive functions, planning and organization, cognitive flexibility, working memory, The Tower of London Test, executive functions models.

Аннотация: В данном обзоре представлено описание управляющих функций их онтогенеза, способы диагностики управляющих функций у детей, а также актуальность применения «The Tower of London Test» для оценки сформированности управляющих функций. Управляющие функции мозга представляют собой многокомпонентную структуру, которая задействует различные отделы головного мозга. Применяемые диагностические методы направлены на оценку всех компонентов, входящих в понятие «executive function»: способности детей разных возрастов к планированию и организации деятельности, решению задач, анализ сформированности процессов обобщения и когнитивной гибкости.

Ключевые слова: управляющие функции, планирование и организация, когнитивная гибкость, рабочая память, Тест Башня Лондона, модели управляющих функций.

Современный подход к пониманию управляющих функций с позиций когнитивной психологии постулирует наличие нескольких условных уровней: более высокого порядка и управляющие функции базовые. К базовым относятся – процессы торможения, в том числе когнитивное торможение, самоконтроль, избирательность внимания; рабочая память – зрительная и слухоречевая, процессы ее обработки и обновления; когнитивная гибкость. К функциям более высокого порядка относят способность к формированию суждений, решение проблем (проблемно ориентированное поведение) и задач, а также планирование деятельности. Отличительной чертой актуального подхода к пониманию управляющих функций стало понимание их единства и разнообразия, которое проявляется в наличии диссоциаций между нарушениями различных компонентов управляющих функций [10].

Нарушения управляющих функций приводят к целому ряду поведенческих и когнитивных нарушений: задействуются компоненты памяти, внимания, мышления,

когнитивной гибкости, способности к переключению, а также произвольному торможению уже начатой операции деятельности [11].

Методы оценки управляющих функций

Рассмотрим ряд тестов и задач, предназначенных для оценки различных компонентов управляющих функций. Условно, методики можно подразделить на вербальные, невербальные группы и блоки, оценивающие различные аспекты управляющих функций, такие как: импульсивность, процессы произвольного торможения, аспекты планирования деятельности и рабочей памяти.

Начнем с невербальной методики на оценку явлений импульсивности – Matching Familiar Figures Test (Тест на соответствие знакомых фигур), позволяет оценить рефлексивность-импульсивность выбранного ответа, учитывает время, затраченное испытуемым на выбор ответа [9]. Тест показал свою достаточную валидность для применения на детях в возрастном диапазоне от 6 до 12 лет

[7]. Тест оценивает только изолированные компоненты управляющих функций, такие как импульсивность и торможение, не включает в себя компонент планирования деятельности. Porteus Mazes (Лабиринт Портеуса) еще один невербальный тест для оценки рефлексии и импульсивности, позволяет измерить кратковременное торможение действий. Данный тест имеет высокую корреляцию с тестом на соответствие знакомых фигур, что позволяет использовать их, как аналоги друг друга [12].

Test of Variables of Attention (TOVA) (Тест переменных внимания) – применяется для анализа компонентов внимания, в частности скрининга импульсивности, устойчивости внимания и торможения импульсивных ответов [13,14]. В качестве достоинств данного метода можно выделить точность измерения временных параметров, так как метод представлен в виде компьютерной программы. Возрастной диапазон применения варьирует от 4,5-5 лет (дошкольники), 5,5- 17 лет (школьники) и от 17 до 80+ лет (взрослый вариант теста). Область применения преимущественно диагностика синдрома дефицита внимания и гиперактивности, не применим для полноценной диагностики управляющих функций. The Rey-Osterrieth Complex Figure (Сложная фигура Рея-Остеррица) также может применяться для оценки таких управляющих функций, как планирование и организация, данная методика задействует зрительно-конструктивные способности и зрительную рабочую память [23]. Использование данного теста может помочь отследить возрастную динамику формирования стратегии выполнения, так для 5-8 летнего возраста характерна фрагментарная, хаотичная стратегия, в то время как после 9-летнего возраста стратегия становится последовательной, поэтапной. Начиная с 13 лет стратегия выполнения практически ничем не отличается от взрослых испытуемых [24]. Ограничением к применению данной методики является её чувствительность к формированию пространственных представлений и графо моторных навыков ребенка, что может вносить дополнительные ошибки, не связанные непосредственно с нарушением компонентов управляющих функций.

The Brixton Spatial Anticipation Test (Тест пространственной осведомленности Брикстона) активно задействует зрительно-пространственные представления и требует переключения между инструкциями. Валидность данного теста в качестве чувствительного инструмента для измерения лобных функций неоднозначна, были получены неоднозначные данные [18]. Нередко данная методика используется в паре с тестом на завершение фраз Хейлинга. The Hayling Sentence Completion Test (Тест на завершение фраз Хейлинга) измеряющий скорость инициирования и подавления реакции. Тест устный, включает в себя договаривание фраз [22]. Ограничением к применению данного метода может стать наличие у ребенка речевой патологии.

Следующий вербальный тест - The Stroop Color and Word Test (тест Струпа или методика словесно-цветовой интерференции) широко применим для оценки изменения избирательности внимания и когнитивной гибкости, то есть процессов торможения и подавления доминирующего ответа в пользу нерелевантного стимула, то есть интерференции [15]. Кроме того, имеет значение то, что выполнение теста Струпа имеет одноактный характер, а тесты типа Башни – многоактные, многошаговые. Т.е. они создают большую нагрузку на планирование и контроль, стратегическую составляющую. Применение методики Струп-тест обосновано на детях начиная с младшего школьного возраста, так как метод требует умения читать и различать цвета. Помимо этого, Струп-тест может создавать исследовательские помехи, так как скорость артикуляции и скорость опознавания цвета могут влиять на достоверность получаемых данных.

The Wisconsin Card Sorting Test (Висконсинский тест сортировки карточек) является наиболее традиционным и популярным методом оценки управляющих функций. Данная методика нацелена на исследование более высоких когнитивных функций, таких как способность к абстрагированию, переключению произвольного внимания, а также концентрации внимания продолжительный период времени. Данный метод обладает высокой надежностью и валидностью для применения данной методики, как нейропсихологической пробы [16]. Был предложен детский вариант Висконсинского теста сортировки карточек, нормативные данные к использованию методики предложены от 6,5 летнего возраста до взрослых групп испытуемых [19]. Ограничением к применению данного метода является его значительная энергоёмкость, требуемое время проведения 20-30 минут, что может провоцировать явления утомления у детей.

The Tower of Hanoi (тест Ханойская Башня) применяется для исследования управляющих функций наряду с The Tower of London Test (тест Башня Лондона) зачастую рассматриваются как аналоги для измерения управляющих функций [4]. Посредством теста Башня Лондона можно оценить следующие компоненты управляющих функций:

- способность к планированию (разработка плана действий);
- определение подцелей и выстраивание алгоритма двигательной последовательности;
- самоконтроль достижения подцелей при сохранении схемы действий в рабочей памяти.

Нарастающая сложность задач теста провоцирует возникновение стратегии, в которой планирование деятельности необходимо начинать «от конца к началу», то есть выстраивать алгоритм до начала действия, а не на основании предыдущих ходов [2].

В отличие от Ханойской Башни тест Башня Лондона оказался более чувствительным к анализу процессов торможения импульсивных и автоматических реакций [5, 6].

Актуальность применения теста Башня Лондона для диагностики управляющих функций у детей

Среди многообразия методов, позволяющих оценить различные компоненты, входящие в состав управляющих функций, наиболее неразработанным направлением является методический аппарат оценки планирования, формирования и реализации целей [26]. Тест Башня Лондона был предложен Шаллис, как достоверно чувствительная методика для оценки планирования деятельности у пациентов с повреждением лобных долей головного мозга. Данная методика послужила альтернативным вариантом теста Ханойской Башни [4, 21]. Позже, были получены нормативные данные, указывающие на высокую валидность применения теста Башня Лондона, для исследования компонента планирования у детей без особенностей развития и у детей с синдромом дефицита внимания и гиперактивности в возрастном диапазоне от 7 до 12 лет [8]. При этом неоднозначна роль влияния сопутствующих расстройств на результаты выполнения теста Башня Лондона. Так, коморбидные тревожные расстройства, аффективные нарушения, наблюдающиеся у детей с синдромом дефицита внимания и гиперактивности, не оказали значимого влияния на результаты выполнения теста «Башня Лондона» [20]. В то время, как была обнаружена взаимосвязь между дефицитом управляющих функций и различными психопатологическими и поведенческими нарушениями [3].

Таким образом, были установлены две стратегии, которые используют дети при решении задач теста «Башня Лондона»:

1. немедленная, тенденция переместить шар в целевую позицию сиюминутно, если целевая позиция свободна
2. взгляд через один ход или стратегия вперед, требующая от ребенка умения планировать ходы вперед.

Сравнительный анализ результатов выполнения теста «Башня Лондона» детьми в возрасте 3-4 и 5-6 лет указывает на наличие значимых различий в выполнении пробы, так дети в возрасте 3-4 лет демонстрируют более низкие показатели, что связано с невозможностью произвольного торможения более простых когнитивных стратегий выполнения пробы [2]. Была установлена возрастная динамика изменения сформированности управляющих функций у детей. Тест признан пригодным для использования на детях, так как он не требует значительных временных затрат на проведение – время проведения от 10 до 15 минут, а формат методики близок к

игровой [8]. Ограничением для использования методики являются моторные нарушения у испытуемых, мануальный тест требует достаточной точности и плавности движений, а также достаточно развитой зрительно-моторной координации. Не следует применять тест, если ребенок не знает названий или не различает цветов.

В зарубежной практике тест «Башня Лондона» зарекомендовал себя, как достаточно чувствительный инструмент диагностики управляющих функций. С его помощью возможно определять как возрастные различия в выполнении задач, так и межгрупповые различия. Так, тип школы, которую посещает ребенок (государственная или частная), оказался значимым фактором для получения межгрупповых различий при выполнении теста «Башня Лондона» бразильскими детьми, что показывает довольно широкий спектр применения методики [17].

В русскоязычных источниках не так много данных о применении теста «Башня Лондона», особенно на детской популяции, в частности в статье Ахутиной Т.В., Гориной Е.Ю. The London of Tower Test упоминается лишь в качестве одной из шкал, входящих в зарубежную батарею тестов для оценки управляющих функций BRIEF (Behavior Rating Inventory of Executive Function) [25].

Кроме того, сравнительный анализ выполнения теста детьми с различными академическими трудностями, такими как: дислексия и дискалькулия, показывает более выраженные нарушения в звене планирования у детей страдающих дискалькулией [22]. Дефицит управляющих функций характерен для детей страдающих дислексией, в связи с чем необходима своевременная диагностика данных нарушений [1].

Таким образом, тест «Башня Лондона» может быть полезен для выявления и оценки различных подтипов неспособности к обучению.

Выводы

Онтогенез управляющих функций весьма длительный процесс, который начинается в раннем детстве и продолжает своё развитие в пубертатном периоде. Нарушение формирования управляющих функций может приводить к значительному снижению качества жизни ребенка, ухудшению школьной успеваемости, дезадаптации, а в более тяжелых случаях – инвалидизации. Отсутствие единой модели управляющих функций и вариативность их состава в зависимости от теоретической парадигмы не позволяет в достаточной мере отследить единообразную хронологию их созревания. В связи с компонентным составом управляющих функций, диагностический аппарат также нацелен на тестирование и анализ отдельных аспектов управляющих функций. Наименее разработанным направлением является диа-

гностика целеполагания, планирования и реализации деятельности особенно детской популяции. В связи с этим достаточно валидным инструментом, способным оценить возможность планирования и реализации де-

ятельности является методика Башня Лондона, так как она применима на детях начиная с младшего школьного возраста, чувствительна к различным проявлениям школьной неуспеваемости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Barbosa, T., Rodrigues, C., Mello, C., Silva, M. S., & Bueno, O. (2019). Executive functions in children with dyslexia. *Arquivos de Neuro-Psiquiatria*, 254-259.
2. Baughman, F., & Cooper, R. (2007). Inhibition and young children's performance on the Tower of London task. *Cognitive Systems Research*, 216-226.
3. Benavides-Nieto, A., Romero-López, M., Quesada-Conde, A., & Corredor, G. (2017). Basic Executive Functions in Early Childhood Education and their Relationship with Social Competence. *Procedia - Social and Behavioral Sciences*, 471-478.
4. Berg, W., & Byrd, D. (2002). The Tower of London Spatial Problem-Solving Task: Enhancing Clinical and Research Implementation. *Journal of Clinical and Experimental Neuropsychology*, 586-604.
5. Bishop, D., Aamodt-Leeper, G., Creswell, C., McGurk, R., & Skuse, D. H. (2001). Individual differences in cognitive planning on the Tower of Hanoi task: neuropsychological maturity or measurement error? *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 551-556.
6. Bull, R., Espy, K., & Senn, T. (2004). A Comparison of Performance on the Towers of London and Hanoi in Young Children. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 743-754.
7. Carretero-Dios, H., De los Santos-Roig, M., & Buela-Casal, G. (2009). Role of the Matching Familiar Figures Test-20 in the Analysis of Theoretical Validity of the Reflection-Impulsivity: A Study with Personality. *International Journal of Psychological Research*, 6-15.
8. Culbertson, W., & Zillmer, E. (1998). The Tower of LondonDX: A Standardized Approach to Assessing Executive Functioning in Children. *Archives of Clinical Neuropsychology*, 285-301.
9. Egeland, B., & Weinberg, R. (1976). The Matching Familiar Figures Test: A Look at Its Psychometric Credibility. *Child Development*, 483-491.
10. Friedman, N.P., & Miyake, A. (2017). Unity and diversity of executive functions: Individual differences as a window on cognitive structure. *Cortex*, 186-204.
11. Godefroy, O., Cabaret, M., Petit-Chenal, V., & Pruvot, J.-P. (1999). Control functions of the frontal lobes. Modularity of the central-supervisory system? *Cortex*, 1-20.
12. Gow, L., & Ward, J. (1982). The porteus maze test in the measurement of reflection/impulsivity. *Perceptual and Motor Skills*, 1043-1052.
13. Grane, V., Endestad, T., Pinto, A., & Solbakk, A. (2014). Attentional Control and Subjective Executive Function in Treatment-Naive Adults with Attention Deficit Hyperactivity Disorder. *PLoS ONE*, 1-27.
14. Greenberg, L., & Waldman, I. (1993). Developmental Normative Data on The Test of Variables of Attention (T.O.V.A.™). *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 1019-1030.
15. Homack, S., & Riccio, C. (2004). A meta-analysis of the sensitivity and specificity of the Stroop Color and Word Test with children. *Archives of Clinical Neuropsychology*, 725-743.
16. Kopp, B., Lange, F., & Steinke, A. (2019). The Reliability of the Wisconsin Card Sorting Test in Clinical Practice. *Assessment*, 1-16.
17. Malloy-Diniz, L., Cardoso-Martins, C., Nassif, E., Levy, A., Leite, W., & Fuentes, D. (2008). Planning abilities of children aged 4 years and 9 months to 8 ½ years Effects of age, fluid intelligence and school type on performance in the Tower of London test. *Dementia & Neuropsychologia*, 26-30.
18. Mole, J., Foddai, E., Chan, E., Xu, T., & Cpolotti, L. (2020). Is the Brixton Spatial Anticipation Test sensitive to frontal dysfunction? Evidence from patients with frontal and posterior lesions. *Journal of Clinical and Experimental Neuropsychology*, 1-13.
19. Romine, C., Lee, D., Wolfe, M., Homack, S., George, C., & Riccio, C. (2004). Wisconsin Card Sorting Test with children: a meta-analytic study of sensitivity and specificity. *Archives of Clinical Neuropsychology*, 1027-1041.
20. Sarkis, S., Sarkis, E., Marshall, D., & Archer, J. (2005). Self-Regulation and Inhibition in Comorbid ADHD Children: An Evaluation of Executive Functions. *Journal of Attention Disorders*, 96-108.
21. Shallice, T. (1982). Specific Impairments of Planning. *Philosophical transactions of the Royal Society of London. Series B, Biological sciences*, 199-209.
22. Siqueira, L., L.C., S., Reppold, C., & Fonseca, R. (2010). Hayling Test – adult version: applicability in the assessment of executive functions in children. *Psychology & Neuroscience*, 189-194.
23. Watanabe, K., Ogino, T., Nakano, K., Hattori, J., Kado, Y., Sanada, S., & Ohtsuka, Y. (2005). The Rey-Osterrieth Complex Figure as a measure of executive function in childhood. *Brain & Development*, 564-569.
24. Вассерман, Л., & Чередникова, Т. (2013). Невербальная методика «комплексная фигура» Рея–Остерриета и ее психодиагностическое значение для квалификации нейрокогнитивного дефицита. *Сибирский психологический журнал*, 13-25.
25. Горина, Т., & Ахутина, Т. (2011). Оценка функций программирования и контроля у первоклассников: нейропсихологическое обследование, анализ ошибок на письме, опросник BRIEF. *Культурно-историческая психология*, 105-113.
26. Курганский, А. (2021). Оценка управляющих функций у детей 3-6 лет: состояние, проблемы и перспективы. *Журнал Высшей Нервной Деятельности*, 468-484.

ТЕХНИКА «ПСИХОСОЛИПТИЧЕСКАЯ ГЕНЕАЛОГИЯ» В ТЕРАПИИ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Соловьёва Юлия Олеговна

клинический психолог, руководитель, Институт
доказательной психосоматики «ЭВИРА», г. Москва
js07@mail.ru

THE TECHNIQUE OF "PSYCHOSOLIPTIC GENEALOGY" IN THE THERAPY OF FAMILY RELATIONS

Yu. Solovyova

Summary: In recent years, statistics have noted a significant increase in the number of requests to psychologists, including those regarding the working out of intrapersonal and interpersonal conflicts related to family relationships of clients.

The family is the basic institution of society, and a healthy psychological climate within each individual family is a guarantee of the progressive development and stability of the whole society as a whole.

The purpose of this article is to substantiate the effectiveness of the use of the author's technique «Psychosoliptic Genealogy (PSG)» in the psychotherapy of family relationships. The methods of observation, diagnostics, analysis, synthesis, induction, deduction, as well as the biographical method are used as the methodological basis of the study.

As a result of the work carried out, the key characteristics of the PSG technique were considered and studied, the uniqueness of this technique was substantiated, as well as its effectiveness in the family relationship therapy.

Since it was found that the introduction of this tool makes it possible to increase the effectiveness of both other psychological techniques and the entire family psychotherapy as a whole, it is logical to conclude that it is possible and expedient to use the PSG technique in the practice of psychologists.

Keywords: arrangement, psychocorrection technique, interpersonal conflict, intrapersonal conflict, Psychosoliptic genealogy, family psychotherapy.

Жизнь в современном мире – непростое испытание для любой семьи. Повышенный уровень общей тревожности в обществе, неблагоприятные социально-экономические условия, пандемия, регулярные стрессы, эмоциональное давление атмосферы «больших городов» – все это негативно сказывается на психологическом здоровье каждого человека и, разумеется, не способствует формированию экологических внутрисемейных отношений [7, с.259]. Подобная обстановка создает определенные предпосылки для роста количества обращений за психологической помощью к специалистам, что и подтверждается динамикой текущей статистики.

Участившиеся случаи запросов клиентов к психоло-

Аннотация: В последние годы статистика отмечает значительный рост количества обращений к психологам, в том числе, по поводу проработки внутриличностных и межличностных конфликтов, связанных с семейными отношениями клиентов.

Семья является базовым институтом общества, и здоровый психологический климат внутри каждой отдельной семьи – это гарант поступательного развития и стабильности всего общества в целом.

Целью настоящей статьи является обоснование эффективности применения авторской расстановочной техники «Психосолиптическая генеалогия (ПСГ)» в психотерапии семейных отношений. В качестве **методологической основы** исследования используются методы наблюдения, диагностики, анализа, синтеза, индукции, дедукции, а также биографический метод.

В результате проведенной работы были рассмотрены и изучены ключевые характеристики техники ПСГ, обоснованы уникальность данной техники, а также ее эффективность в терапии семейных отношений.

Поскольку было выявлено, что внедрение данного инструмента позволяет повысить эффективность как иных психологических техник, так и всей семейной психотерапии в целом, закономерным является **вывод** о возможности и целесообразности применения техники ПСГ в практике действующих психологов.

Ключевые слова: расстановки, техника психокоррекции, межличностный конфликт, внутриличностный конфликт, психосолиптическая генеалогия, семейная психотерапия.

гам по поводу оказания помощи в урегулировании конфликтов, связанных с семейными отношениями [5], свидетельствуют о необходимости поиска психологических техник, позволяющих эффективно разрешать конфликты данного типа.

Таким образом, на сегодняшний день, особый интерес и актуальность для специалистов психологии представляет исследование психологических техник с точки зрения выяснения их практической эффективности в терапии семейных отношений.

Психологической техникой, подлежащей исследованию в настоящей статье, является Психосолиптическая генеалогия (ПСГ) – авторская разработка клинического

психолога Ю.О. Соловьёвой.

Схематически, суть Психосолиптической генеалогии заключается в мысленном переносе клиента, находящегося в полугипнотическом состоянии, на виртуальную временную прямую, относительно которой он находится в точке настоящего, а члены его семьи располагаются соответственно ощущениям клиента. При этом, каждое расположение (спереди, сзади, справа, слева, близко, далеко и т.д.) имеет значение, так как метафорично отражает взаимоотношения между клиентом и фигурой соответствующего члена семьи.

Таким образом, данная временная прямая становится отражением родовой линии, аналогом генеалогического древа, сформированного исходя из внутренних ощущений клиента. Понимание того, насколько отклоняется порядок расстановки членов семьи клиента внутри данной генеалогической модели от классического генеалогического древа, позволяет специалисту сделать вывод о наличии внутриличностных и/или межличностных конфликтов в данной семье.

При этом, что интересно, конкретные конфликтные ситуации психологом напрямую не затрагиваются, а вся терапия происходит посредством использования индивидуальных метафор, понятных и комфортных для клиента. Таким образом, результат терапии, направленной на разрешение внутриличностных и межличностных конфликтов, связанных с семейными отношениями клиента, в данном случае достигается без введения последнего в стрессовое состояние. Это, в свою очередь, облегчает терапию для клиента, так как отсутствует лишний стресс, а конфликт разрешается на подсознательном уровне.

Особая эффективность данной психологической техники обуславливается также возможностью ее применения как в индивидуальной, так и в семейной терапии. Клиент в любом случае получает возможность увидеть себя и свое место (как он это ощущает) в системе родовых отношений.

Следует отметить, что наиболее ярко эффект от применения подобной техники проявляется, в первую очередь, в отношениях родители-дети (особенно мать-ребенок, поскольку именно эта связь является наиболее крепкой с точки зрения психологии). Необходимо также иметь в виду, что, если за терапией обращается клиент, занимающий согласно ПСГ позицию фигуры «ребенок», то на момент терапии он обязательно должен быть старше 18 лет; если же к психологу обращается клиент, занимающий согласно ПСГ позицию фигуры «родитель» – возраст ребенка не имеет значения.

Рассмотрим в качестве примера ситуацию, в которой клиентом специалиста психологии является мать.

Как уже отмечалось, психологическая (ощущаемая как энергетическая) связь между матерью и ребенком – сильная и устойчивая. Именно через мать ребенок чувствует свою связь с семьей и со своим родом в целом [1, с.247]. Следовательно, психолог сразу должен понимать и соблюдать два важных правила. Первое – данную связь разрывать нельзя, так как это приведет лишь к углублению внутриличностного конфликта клиента, вызванного отрывом от рода. Второе – необходимо донести до клиента (будь то мать или ребенок), что данная связь может и должна метафорично растягиваться, удлиняться и утончаться (но не рваться полностью) – это позволит клиенту сепарироваться от других членов семьи и обрести самостоятельность, почувствовать, не теряя при этом связи с родом, свое личное «Я», не зависимое от внутрисемейных установок.

В случае, если за психологической помощью обратилась мать, специалисту необходимо при применении данной техники выяснить следующее: первое – как метафорично выглядит связь между клиентом и ребенком (тонкая золотая нить, толстый канат и т.д.), второе – насколько длинная эта связь (может ли мать дотронуться до ребенка рукой, либо нужно делать шаг, либо ребенок очень далеко и едва различим и т.д.), третье – как расположен относительно матери ребенок – впереди, сзади, сбоку, лицом либо спиной к ней и т.д., четвертое – насколько комфортно подобное его расположение для матери и для самого ребенка.

В зависимости от того, какое представление у матери о данной связи, каким образом и насколько близко к клиенту расположен ребенок, насколько комфортно фигурам ребенка и клиента такое расположение, а равно насколько последнее коррелируется с правильным, с точки зрения семейной психологии, расположением, специалист может сделать вывод о наличии либо отсутствии конфликта у матери (например, непринятие взросления ребенка, нежелание его отпускать от себя и проч.).

В случае обнаружения наличия подобного конфликта психолог должен предложить клиенту представить, что психологическая связь мать-ребенок является одновременно энергетическим каналом, по которому по запросу можно передавать ресурсы. После этого специалист спрашивает, чего именно не хватает фигуре ребенка или же самой материнской фигуре, чтобы она почувствовала себя комфортно в данной временно-родовой прямой (если обнаружен конфликт, то презюмируется, что какой-то либо каким-то (например, несколько детей) из фигур некомфортно их положение). После того как клиент называет то, чего, по его мнению, не хватает для гармонии

зации расположения, специалист предлагает передать это что-то (чаще всего ресурс) по энергетической связи.

После гармонизации расположения фигур ребенка и матери конфликт разрешается на уровне бессознательного.

В том случае, если для такой гармонизации недостаточно одно лишь виртуальной передачи ресурсов от матери к ребенку, то допустимо использовать внутри техники Психосолиптической генеалогии иные психологические техники по усмотрению специалиста [4, с.99], например, родительский ритуал.

После того как будет разрешен конфликт, существующий в настоящий момент времени, психолог в рамках ПСГ проводит подстройку к будущему.

Данная подстройка проводится по точкам кризисов возрастов [2, с.113]. При этом, если ребенок не достиг возраста 18-20 лет, то подстройка на будущее осуществляется от ближайшего к настоящему возрасту ребенка кризиса до, соответственно, кризиса 18-20 лет.

Если же ребенок уже взрослый, то есть старше 18-20 лет, то подстройка производится на ближайшие 3-5 лет.

Суть подстройки заключается в виртуальном прохождении соответствующих фигур матери и ребенка по временно-родовой прямой на заданный промежуток времени, после которого психолог задает вопросы, аналогичные тем, что были заданы в начале ПСГ. За счет этого предварительно выясняется, какие страхи уже присутствуют или же могут возникнуть у матери относительно взросления ребенка [3, с.49], и, после этого, специалистом предлагаются упражнения для преодоления данных страхов.

В результате подобной подстройки мать становится спокойнее, поскольку снижается неопределенность относительно ребенка, и, как итог, появляются ресурсы для естественного взросления последнего.

На этом этапе техника Психосолиптической генеалогия завершается.

В целом, аналогичные принципы применения ПСГ используются и при работе с родителем-отцом. Однако, если при работе с клиентом-матерью, техника применяется фактически по единой схеме, то в ситуации с клиентом-отцом всегда есть индивидуальные особенности применения ПСГ, поскольку связь отец-ребенок в большинстве случаев уникальна [6, с.201] и требует первоначального выяснения специалистом модели отношений

клиента-отца с его собственными родителями.

Исходя из вышесказанного, становится очевидным, что основной целью данной техники является разрешение внутрличностных и межличностных конфликтов клиента, связанных с его семейными отношениями. ПСГ позволяет достичь данной цели за счет ряда факторов:

1. Психосолиптическая генеалогия направлена на сохранение родовых связей клиента и на работу с конфликтами клиента через индивидуальные метафоры;
2. соблюдается экология отношений психолога и клиента – психотерапевт применяет принцип «чистого языка» и не привносит в терапию ничего «своего»;
3. любой специалист может трансформировать технику «под себя», главное – сохранить прохождение клиента по точкам времени и правильно оценить расположение родовых фигур;
4. техника ПСГ может сочетаться с иными техниками: внутри ПСГ допустимо применять любые техники и упражнения, которые специалист сочтет необходимым для применения;
5. ПСГ позволяет улучшить эмоциональное состояние клиента путем ресурсирования;
6. если после применения ПСГ конфликтная ситуация остается, но при этом по расстановкам очевидна положительная динамика – специалист совершает переход к другим техникам, поскольку у клиента появился ресурс для глубинной проработки запроса, соответственно, ПСГ усиливает эффективность работы с другими техниками.

Кроме того, дополнительно было проведено исследование техники ПСГ на проверку практической эффективности данного инструмента в терапии отношений. В исследовании участвовало 9 независимых специалистов-психологов и 109 клиентов. У 102 клиентов после применения техники была отмечена положительная динамика в терапии.

Таким образом, с учетом личной практики автора данной техники, суммарно в течение 2 лет ПСГ позволило повысить эффективность и добиться значительных сдвигов терапии более, чем у 170 клиентов!

Следовательно, можно обоснованно утверждать, что использование авторской расстановочной техники Психосолиптической генеалогия (ПСГ) как самостоятельно, так и в сочетании с иными психологическими техниками показывает высокую эффективность в психотерапии семейных отношений. В связи с этим, закономерным является вывод о возможности и целесообразности применения техники ПСГ в практике действующих психологов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Веракса А.Н., Веракса Н.Е. Детская психология: Учебник 1-е изд. - Москва: Издательство Юрайт, 2015. – 446с.
2. Гиппенрейтер Ю.Б. Общаться с ребёнком. Как? — Москва: АСТ, 2014. — 238с.
3. Демьяненко К.Е. Теоретические аспекты исследования проблемы родительской компетентности в отечественной психологии // Психология и педагогика в системе современного образования. Новосибирск: Общество с ограниченной ответственностью «Центр развития научного сотрудничества». 2018. С.48-53
4. Карabanова О.А. Психология семейных отношений: Учебное пособие. — Самара: Издательство СИОКПП, 2001. — 122с.
5. Мингазов С. Число обращений к психиатрам и психологам выросло в России в пандемию [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/obshchestvo/421821-chislo-obrashcheniy-k-psihiatram-i-psiologam-vyroslo-v-rossii-v> (дата обращения 07.04.2022).
6. Сулова Т.Ф., Шаповаленко И.В. Психология семьи с основами семейного консультирования: Учебник и практикум // Москва, 2020. – 343с.
7. Юрченко А.С. Современное детство и особенности воспитания и образования в эпоху цифровизации // Актуальные вопросы психологического состояния общества как фактора общего благополучия. Махачкала, 2021. С. 258-262.

© Соловьёва Юлия Олеговна (js07@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАРУШЕНИЯ ПСИХОМОТОРНЫХ ФУНКЦИЙ У ШКОЛЬНИКОВ С РАССТРОЙСТВАМИ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА

DISORDERS OF THE PSYCHOMOTOR FUNCTIONS IN SCHOOLCHILDREN WITH AUTISM SPECTRUM DISORDERS

*N. Stepanova
S. Ionova*

Summary: The article is devoted to the disorder of psychomotor development of primary schoolchildren with autism spectrum disorders. The authors present the theoretical information revealing the content of the concept of «psychomotor development». The diagnostic methods which allow to study the state of development of the psychomotor sphere through the study of its parameters are given. The article describes the results of an empirical study of psychomotor development in elementary schoolchildren with ASD, reveals the specific disorders in the development of psychomotor functions and provides their qualitative analysis.

Keywords: psychomotor development, autism spectrum disorders, primary school age, praxis, psychomotor disfunctions.

Степанова Наталья Анатольевна

*к.псих.н., доцент, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
stepanova_na@inbox.ru*

Ионова Софья Александровна

*Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
chenxmins@gmail.com*

Аннотация: Данная статья посвящена нарушению психомоторного развития младших школьников с расстройствами аутистического спектра. Авторами приведены теоретические сведения, раскрывающие содержание понятия «психомоторное развитие», представлены диагностические методики, позволяющие изучить состояние развития психомоторной сферы через исследование ее параметров. В статье описаны результаты эмпирического исследования психомоторного развития детей младшего школьного возраста с РАС, выявлены специфические нарушения в развитии психомоторных функций и представлен их качественный анализ.

Ключевые слова: психомоторное развитие, расстройства аутистического спектра, младший школьный возраст, праксис, дисфункции психомоторики.

Введение

Активное развитие областей специальной психологии и педагогики, осуществляемое в настоящее время, имеет своей целью усовершенствование системы оказания специализированной помощи детям, входящим в категорию детей с ограниченными возможностями здоровья. Наличие у данной группы особых образовательных потребностей обуславливает важность реализации принципа индивидуального подхода к обучению и воспитанию с учетом возрастных и психофизических особенностей каждого ребенка, включенного в образовательный процесс. Одним из основных условий указанной деятельности является опора на психомоторное развитие этих детей, что определяется неразрывной взаимосвязью психики и моторики в процессе становления человека как личности.

Целью настоящего исследования является качественный анализ особенностей психомоторного развития младших школьников с расстройствами аутистического спектра.

Задачи исследования включают в себя: изучение психолого-педагогической литературы по проблеме исследования; подбор и реализация на практике диагностического инструментария, предназначенного для выявления особенностей психомоторного развития младших школьников с расстройствами аутистическо-

го спектра; количественный и качественный анализ результатов эмпирического исследования.

Психомоторное развитие как научное понятие не имеет однозначного определения в психологии и разнотрактуется различными авторами: как психическая деятельность, обусловленная мышечными движениями и двигательной активностью в целом (Сеченов И.М.) [8]; как целостный комплекс биохимических, физиологических и психологических аспектов, определяющий все двигательные отправления (Бернштейн Н.А.) [1]; как взаимосвязь сознательного, автоматического и автоматизированного аспектов двигательного акта (Озерский Н.И. и Гуревич М.О.) [2]; как объективация всех видов психической деятельности двигательными процессами и актами (Платонов К. К.) [7]; как сложно организованная функциональная система, включающая в себя комплексное сочетание сенсорной, моторной и когнитивно-мыслительной подсистем и предназначенная для управления сложной двигательной деятельностью (Озеров В.П.) [5] и пр.

На основе данных трактовок полноправно можно обобщить следующее: психомоторное развитие представляет собой ключевое звено психической активности, обусловленное совокупностью сознательно регулируемых, т.е. тесно связанных с психическими процессами, двигательных актов.

К параметрам психомоторного развития, в соответствии с трудами Лурия А.Р., относятся кинестетический, динамический, пространственный и регуляторный праксисы, а также сложные двигательные программы [3].

Кинестетический праксис, или же праксис позы, обуславливается способностью человека выполнять в процессе двигательной деятельности тонкие движения или целые уклады поз и сохранять определенное положение тела или его отдельных частей в пространстве.

Динамический праксис определяется воспроизведением сложных моторных программ, состоящих из комплекса отдельных и различных по своим топологическим и порядковым характеристикам элементов, переключаемостью между ними и способностью к удержанию серии движений.

Пространственный праксис проявляется в способности человека выполнять пространственно-ориентированные движения, координировать совместные действия разных частей тела в пространстве, организовывать и управлять зрительно-моторными двигательными актами, а также конструировать целый образ схемы тела, собственного «Я» и окружающего мира из отдельных элементов.

Регуляторный праксис обуславливается умением человека сохранять целенаправленное внимание и произвольный контроль над выполнением движений, удерживать и регулировать двигательную программу с привлечением в работу психомышечного напряжения.

Сложные двигательные программы включают в себя способность человека к выбору реакции при выполнении сложных серий движений, состоящих из ряда простых двигательных действий, параллельно сопровождающихся вербальными или невербальными стимулами, инструкциями, комментариями и прочими коммуникационными проявлениями.

Неоценимая значимость психомоторного развития в процессе становления психической деятельности у детей обуславливается связью всех их психомоторных функций с функционированием высших отделов центральной нервной системы, т.е. вся психическая деятельность, присущая ребенку, определяется его двигательными актами и непосредственной двигательной активностью в целом.

У детей с ограниченными возможностями здоровья, как правило, отмечается специфическое формирование и развитие психомоторики, что преимущественно характерно для младших школьников с расстройствами аутистического спектра.

Описательные характеристики особенностей психомоторного развития у детей данной категории представлены в исследованиях Плаксуновой Э.В., Никольской О.С., A. Paquet, B. Olliac, M-P. Bouvard, M. DiRenzo, F. Bianchi di Castelbianco, M.J. Maenner, K.A. Shaw.

В работах Плаксуновой Э.В. отмечается, что преобладающему числу детей с расстройствами аутистического спектра характерны разнообразные нарушения мышечной деятельности, в т.ч. ее регуляции, а также недостаточная координация в процессе осуществления движений [6]. Никольская О.С. свидетельствует о грубых нарушениях мелкой и крупной моторики у аутичных детей, скованности и механистичности движений; в некоторых случаях возможны отсутствие способности к подражанию, что определяет невозможность самостоятельного выполнения действий, и мутизм как выражение полного отказа от двигательной активности [4]. В научных трудах A. Paquet, B. Olliac и M-P. Bouvard приведены сведения о наличии у детей с РАС имитационных, статических и динамических нарушений, а также значительный дефицит координации, являющийся, по мнению авторов, одним из основных психомоторных симптомов аутистических расстройств [12]. M. DiRenzo и F. Bianchi di Castelbianco указывают на трудности восприятия детьми с расстройствами аутистического спектра собственного тела при ориентировке в пространстве, отсутствие сплоченности в движениях различных частей тела и самоконтроля над двигательными действиями [10]. По M.J. Maenner и K.A. Shaw, у аутичных детей младшего школьного возраста наиболее часто наблюдаются двигательные нарушения различного характера, которые выступают в качестве одного из показателей РАС как расстройства, оказывающего патологическое влияние на все сферы психики, в т.ч. на психомоторное развитие [11].

В соответствии с приведенными выше сведениями наиболее актуальным в области специальной психологии, но к настоящему моменту не достаточно изученным, направлением является разработка более совершенной системы качественной диагностики уровня психомоторного развития у младших школьников с медицинским заключением «расстройства аутистического спектра», что необходимо для дальнейшей коррекционно-развивающей помощи детям данной категории. Данная сфера деятельности базируется на пересмотре и модернизации имеющихся научных знаний, а также на проектировании адаптированных диагностических методик для получения наиболее точных сведений о состоянии развития психомоторики у указанных лиц.

Методы исследования

В соответствии с целями и задачами данного исследования нами подобран диагностический инструментарий, позволяющий выявить особенности психомотор-

ного развития у младших школьников с расстройствами аутистического спектра, в который вошли следующие методики: методика «Диагностика моторного развития» (Озерецкий Н.И.); методика «Проба на пальцевый гнозис и праксис»; методика «Пробы Г. Хэда» (H. Head); методика «Заштрихуй фигуры»; методика «Стежки» (Мытацин В.).

Выбранные методики направлены на комплексное изучение всех основных психомоторных показателей: кинестетического, динамического, пространственного, регуляторного праксисов и сложных двигательных программ, а также на качественный анализ состояния их развития у указанной категории детей.

Ход исследования и его результаты

Исследование проводилось на базе Тульской региональной общественной организации содействия инвалидам детства с расстройствами аутистического спектра и их семьям «Маленькая страна — Мы есть!» и ГОУ ТО «Тульский областной центр образования (отделение № 1)». В выборку вошли дети младшего школьного возраста с медицинским заключением «расстройства аутистического спектра».

В процессе исследования выбранные нами диагностические методики реализовались на практике в апробированном виде и в соответствии со всеми принципами работы с аутичными детьми.

Исследование позволило выявить, что нарушения психомоторного развития у младших школьников с расстройствами аутистического спектра наблюдаются по всем заявленным параметрам [9].

Кинестетический праксис у 84,6% обследуемой группы выявлен на низком уровне, у 15,4% – на среднем. Динамический праксис у 92,3% младших школьников с расстройствами аутистического спектра выявляется на низком уровне, у 7,7% – на среднем. Диагностическое исследование пространственного праксиса демонстрирует, что у 69,2% обследуемых детей отмечается низкий уровень развития данного параметра, у 30,8% – средний. Регуляторный праксис у 61,5% младших школьников с РАС наблюдается на низком уровне, у 38,5% – на среднем. Диагностика указывает, что сложные двигательные программы и их выполнение у 76,9% участвующих в исследовании детей находится на низком уровне, у 23,1% – на среднем.

Высокий уровень не выявлен в данной выборке ни по одному из заявленных параметров психомоторного развития.

Полученные данные по обобщенному состоянию психомоторного развития у исследуемой группы детей

представлены на рис. 1.

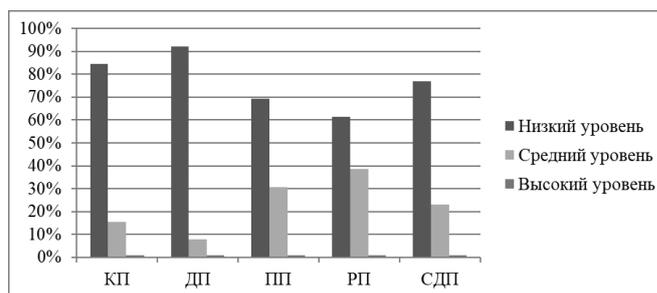

Рис. 1. Уровни развития психомоторных параметров у младших школьников с расстройствами аутистического спектра.

Анализ полученных результатов позволил определить преобладание низкого уровня развития психомоторики и выявить целый спектр качественных характеристик психомоторного развития, характерных для младших школьников с РАС.

У детей данной группы наблюдаются множественные аномалии двигательной функции, что проявляется в трудностях сохранения определенного положения тела или его частей, в обилии синкинезий, сопровождающих преобладающее число движений, а также в нарушениях способности к подражанию и имитации по зрительному образцу. Воспроизведение тонких движений затруднено и сопровождается значительным количеством ошибок. Наблюдается запаздывание психомоторных реакций, что приводит к увеличению времени в процессе поиска поз. Для нормативного выполнения действий необходима помощь специалиста, выражающаяся в непосредственной тактильной поддержке.

Младшие школьники с РАС отличаются ригидными телесными схемами и отсутствием способности к переключению между отдельными элементами двигательного акта. У лиц выбранной группы отмечаются нарушения общей динамической координации и организации, влияющие на локомоцию, т.е. на обусловленное активными движениями перемещение в окружающем пространстве, динамическое равновесие, бег, прыжки и ходьбу. Воспроизведение сложно организованных и серийных моторных программ грубо нарушено, что выражается в выпадении их двигательных структурных элементов. Выполнение подобных программ возможно лишь при наличии зрительного образца и при работе в медленном темпе.

Для данной выборки характерны серьезные трудности с позиционированием собственного тела, которые в процессе активной деятельности усугубляются собственными поведенческими особенностями аутичных детей: искаженным восприятием собственного тела и пространства, недостаточным уровнем развития воображения, нарушенными навыками взаимной коммуни-

кации и неадекватным социальным взаимодействием с людьми и окружающей средой.

У младших школьников с расстройствами аутистического спектра выражены серьезные нарушения пространственной ориентировки, затрудняющие адаптацию детей в социуме, и зрительно-моторных координаций. Большая часть детей с РАС не способны контролировать действия по схеме глаз-рука, что значительно нарушает всю воспроизводимую двигательную деятельность. Грубо нарушена постуральная ориентация, выражающаяся в неумении сохранять необходимую взаимосвязь между отдельными элементами тела или между телом и внешним окружающим пространством. Ухудшенный синтез зрительной, вестибулярной и кинестетической информации затрудняет целостное восприятие и оценку детьми окружающего мира и самих себя.

Обследуемые демонстрируют патологическую мышечную лабильность: аутичные дети склонны к быстрой смене утомляемости перевозбуждением и наоборот. Для них также характерны грубые нарушения регуляции мышечной деятельности и ее тонуса, вследствие чего контроль над движениями не способен своевременно образовываться, что приводит к трудностям или полной неспособности формирования целенаправленных двигательных актов. Нарушения регуляторного праксиса выражаются следующим образом: младшие школьники с расстройствами аутистического спектра не могут самостоятельно и произвольно управлять мышечным напряжением и, следовательно, контролировать силу нажатия при письме. Вследствие этого данным детям, как правило, требуется специально организованная помощь взрослого.

При выполнении сложных моторных программ с наличием дополнительных вербальных или невербальных стимулов, реализация которых возможна только

посредством целенаправленно организованных движений, у детей из указанной категории проявляются значительные трудности в восприятии и понимании данных дополнительных инструкций. Процесс имитации движений по принципу подражания также искажается. Дефекты выполнения сложных двигательных актов выражаются и в нарушениях функционирования моторных компонентов речи, обусловленных недостаточным уровнем развития крупной и мелкой моторики и артикуляционных органов.

Выводы

Таким образом, проведенное эмпирическое исследование позволяет нам сделать заключение, что у младших школьников с расстройствами аутистического спектра наблюдается многообразие особенностей психомоторного развития, выражающееся в качественных нарушениях всех психомоторных показателей. У данных детей грубо нарушен произвольный аспект всей двигательной деятельности. Исходя из психологического определения понятия «психомоторное развитие», центральное место в симптоматике занимают общая дисгармония мышечной регуляции и трудности в формировании произвольных движений, а также в становлении их целенаправленности, управляемости и координированности.

Качественное описание психомоторного развития у аутичных детей обеспечивает лучшее понимание возникающих у них моторных дисфункций и позволяет определять конкретные механизмы, приводящие к их возникновению. Использование данных улучшенных знаний о психомоторном развитии младших школьников с РАС представляет возможным выбор наиболее целесообразного варианта коррекционно-развивающего обучения, приводящего к эффективной работе и положительным результатам в процессе ее выполнения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бернштейн Н.А. Биомеханика и физиология движений. М.: Изд-во Ин-та практ. психологии. Воронеж: МОДЭК, 1997. 608 с.
2. Гуревич М.О. Психомоторика // М.О. Гуревич, Н.И. Озерский [Электронный ресурс]. М.: Гос. мед. изд., 1930. 72 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_rc_2644247/ (дата обращения: 28.02.2022).
3. Лурия А.Р. Высшие корковые функции человека. СПб.: Питер, 2018. 768 с.
4. Никольская О.С., Баенская Е.Р., Либлинг М.М. Аутичный ребенок. Пути помощи. 10-е изд. М.: Теревинф, 2016. 288 с.
5. Озеров В.П. Формирование психомоторных способностей человека [Электронный ресурс]. Ставрополь: Сервисшкола, 2011. 279 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004898238/ (дата обращения: 02.03.2022).
6. Плаксунова Э.В. Особенности двигательной сферы и психомоторики детей с аутизмом [Электронный ресурс] // Аутизм и нарушения развития. Т. 6. № 3. 2008 г. С. 10-12. URL: <https://psyjournals.ru/files/80340/plaksunova.pdf> (дата обращения: 27.02.2022).
7. Платонов К.К. Структура и развитие личности. М.: Наука, 1986. 255 с.
8. Сеченов И.М. Элементы мысли. СПб.: Питер, 2001. 416 с.
9. Степанова Н.А., Ионова С.А. Выявление особенностей психомоторного развития у младших школьников с расстройствами аутистического спектра // Психолого-педагогическое сопровождение общего, специального и инклюзивного образования детей и взрослых: материалы Всерос. науч.-практ. конф.

- с междунар. участием (Тула, 1 апр. 2021 г.) / редкол.: С.Н. Башинова [и др.]. Чебоксары: ИД «Среда», 2021. С. 73-75.
10. DiRenzo M., Bianchi di Castelbianco F., Vanadia E., Racinaro L., Rea M. The Psychomotor Profile in Children with Autistic Spectrum Disorders: Clinical Assessments and Implications for Therapy // *AutismOpenAccess*. Vol. 7:209. 2017. P. 1-8. URL: <https://www.longdom.org/open-access/the-psychomotor-profile-in-children-with-autistic-spectrum-disorders-clinical-assessments-and-implications-for-therapy.pdf> (дата обращения: 26.02.2022).
 11. Maenner M.J., Shaw K.A., Baio J. et al. Prevalence of Autism Spectrum Disorder Among Children Aged 8 Years — Autism and Developmental Disabilities Monitoring Network, 11 Sites, United States, 2016 // *MMWRSurveillSumm*. Vol. 69: 55-4. 2020. P. 1-12. URL: <http://dx.doi.org/10.15585/mmwr.ss6904a1external> (дата обращения: 26.02.2022).
 12. Paquet A., Olliac B., Bouvard M-P., Golse B., Vaivre-Douret L. The Semiology of Motor Disorders in Autism Spectrum Disorders as Highlighted from a Standardized Neuro-Psychomotor Assessment // *Front. Psychol*. Vol. 7: 1292. 2016. P. 1-11. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2016.01292/full> (дата обращения: 27.02.2022).

© Степанова Наталия Анатольевна (stepanova_na@inbox.ru), Ионова Софья Александровна (chenxmins@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ САМОАКТУАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ

Федотов Владислав Кириллович
Директор, ГБУ ЦССВ «Лесной»
vladis0702@gmail.com

PSYCHOLOGICAL DETERMINANTS OF SELF-ACTUALIZATION OF ORPHANS AND CHILDREN WITHOUT PARENTAL CARE

V. Fedotov

Summary: The article examines the problem of self-actualization of orphans and children who were left without parental care. The humanistic approach in its classical and modern form is chosen as the main core of the consideration of this problem. The general context and relevance of the study are outlined, as well as the main approaches to the analysis of self-actualization in orphaned children are considered. Special attention in the article is paid to children in adolescence, since the processes of their self-actualization coincide with the biological processes of growing up. The author suggests that teenagers are characterized by actualization of axiological attitudes at the expense of other (significant) people, which leads to the formation of certain collectives and communities.

Keywords: self-actualization, deprivation, orphans, psychological determinants.

Аннотация: В статье исследуется проблема самоактуализации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. В качестве основного ядра рассмотрения данной проблемы избран гуманистический подход в его классическом и современном виде. Обозначен общий контекст и актуальность исследования, а также рассмотрены главные подходы к анализу самоактуализации у детей-сирот. Особое внимание в исследовании уделяется детям в подростковом возрасте, так как процессы их самоактуализации совпадают с биологическими процессами взросления. Автор выдвигает предположение о том, что для подростков характерна актуализация аксиологических установок за счёт других (значимых) людей, что ведёт к складыванию определённых коллективов и сообществ.

Ключевые слова: самоактуализация, депривация, дети-сироты, психологические детерминанты.

Введение

Необходимо начать с того, что дети-сироты представляют собой уязвимую социальную группу, чьи проблемы являются принципиально важным не только для них самих, но и для социума в целом. Если ранее данная проблематика могла быть «спрятана» в рамках сословного общества, где расслоение в финансовом смысле слова было нормой, то в актуальное время — это не может восприниматься как само собой разумеющееся параметр жизни (не требующий внимания).

Непосредственно научный подход к проблеме оформляется примерно к середине XX века, что условно указывает на последствия мировых войн, где множество детей остались без родителей из-за военных действий и политических конфликтов. В исследованиях того времени участвовали педагоги, а также медицинские работники, но даже это не позволило полноценно рассмотреть социальные аспекты проблем детей-сирот. С нашей точки зрения, это вызвано тем акцентом, который исследователи сделали изначально (анализируя работу интернатов и социальных учреждений, но потеряв из виду другие сферы существования детей-сирот) [5].

В настоящий момент в мире около 160 миллионов детей-сирот, что примерно равно, или даже превышает общую численность жителей Российской Федерации. Это факт указывает на то, что технический и информационный прогресс не позволили человечеству решить данную проблему, однако изменились средства, которые могут быть применены, чтобы обеспечить процедуру самоактуализации детей-сирот. Очевидно, что дети, не обладающие полноценной семьёй, должны быть интегрированы в общество за счёт институциональной культуры, способной заменить естественное воспитание, но в таком случае особенно важным становится ответ на вопрос о детерминантах актуализации личности [2]. Каковы они и каким образом институты социального типа могут их формировать без ущерба по отношению к индивидуальным характеристикам ребёнка?

Материалы и методы

Психологическое моделирование, биографический метод, диалектический и системный метод.

Литературный обзор

Следует отметить, что в психологии существует не-

сколько подходов к изучению процессов самоактуализации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. С одной стороны, это гуманистическая психология, позволяющая рассматривать самоактуализацию как полноценную и отдельную характеристику личности (данное направление представляют Абрахам Харольд Маслоу, Карл Рэнсом Роджерс, Виктор Эмиль Франкл). Стремление к изменению себя и мира, поиск баланса в части эмоциональных состояний, а также доминирование познавательных и исследовательских интенций трактуется авторами как позитивная характеристика, необходимая для нормального функционирования человека в социуме. Согласно данному подходу, у детей-сирот всегда есть несколько путей развития и наиболее опасными являются те, которые ведут к негативной динамике и саморазрушению [7].

Отечественная школа мысли также не остаётся в стороне от исследования самоактуализации и предлагает разные векторы исследования. Во-первых, самоактуализация рассматривается как жизненная стратегия и здесь уместно сослаться на работы К.А. Абульхановой-Славской (Психология и сознание личности: Проблемы методологии, теории и исслед. реал. личности : Избр. психол. тр.: Моск. психол.-соц. ин-т ; Воронеж: МОДЭК, 1999 –216), а также Т.И. Артемьева (Методологический аспект проблемы способностей; АН СССР, Ин-т психологии. – Москва: Наука, 1977. – 184 с.), Е.И. Головахи (Жизненная перспектива и профессиональное самоопределение молодежи. — К., Наук. думка, 1988. — 142 с.), в которых указывается, что дети-сироты чаще всего стратегически ошибаются по жизни. Однако проблема даже не в этом, а в том, что ими не может быть избрана позитивная стратегия по объективным обстоятельствам условий функционирования. Во-вторых, самоактуализация является выбором свободного типа, а значит жизнь воспринимается сторонниками данного подхода (например, В.А. Петровским. можно ознакомиться его Монографией, 1996. – 272 с. в 1994г.) как альтернативность путей развития человека в рамках социальной среды. В-третьих, самоактуализация может рассматриваться как одна из интегральных характеристик, указывающих на устойчивость человека к социальным изменениям (в рамках данного направления наиболее известными исследователями являются В.С. Мерлин («Основы психологии личности», Пермь, 1977 г., «Личность как предмет психологического исследования», Пермь, 1988 г.) Б.А. Вяткин (Избранные психологические исследования индивидуальности: теория, эксперимент, практика; Пермь: Кн. мир, 2005 (ИПК Звезда). – 390с.), М.Р.Шукин (Структура индивидуального стиля деятельности и условия его формирования: диссертация доктора психологических наук – Пермь, 1994. – 330 с.), Л.Я. Дорфман и Панов Ю.Л. (Склонность к девиантности, мотивы достижения и Я-концепция у курсантов и юношей, не принятых в военный ВУЗ ВВ МВД РФ.// Образование и общество. 2013. Т. 1. № 78. С. 59-64.).

Результаты

Итак, мы исходим из тезиса, что самоактуализация подростков, лишенных родительского попечения, является интегральным показателем сформированности сущностных сфер личности. Данный показатель является связующим для практической и волевой, а также мотивационной и эмоциональной сфер жизни человека.

Рассматривая детерминанты самоактуализации, мы не можем игнорировать тот факт, что значительную роль в данном случае играет опыт жизни и количество депривационных событий, в которых участвовал ребёнок. Последнее утверждение позволяет нам перейти к анализу переживаний и социальной трансформации восприятия ребёнком замещающих семей, или же интернатов, участвующих в процессе самоактуализации [11-12].

Отсутствие родителей не может полностью дестабилизировать стремление человека к актуализации себя, однако вектор признания и самоутверждения меняется (теперь он обращён к референтной группе). Желание изменить свой статус может проявляться по отношению к сверстникам, или же взрослым, которые (в идеале детей-сирот) могут оценить состоятельность и социальную успешность другого человека. Примечательно, что такие оценивающие группы зачастую могут быть как социально нормализованными, так и сами прибывать в депривационном состоянии. Естественно, что последняя ситуация никаким образом не может быть отслежена самим сиротой, что и является одной из проблем в определении вышеуказанных детерминант.

Если апеллировать к изначальному значению понятия «самоактуализация» (способность перестройки организма под воздействием травм), то становится очевидным, что его автор (К. Гольдштейн) уже заложил в данное понятие тесную связь депривационной ситуации и детей-сирот [1, С. 12]. Фактически немецкий исследователь указал на суть проблемы, заключающуюся в мотивации детей-сирот к самореализации за счёт другого других. Другими словами, самоактуализация не просто побочное явление, а условие нормального развития всего человеческого организма. Гольдштейн писал, что нормальный, здоровый организм это тот, в котором «тенденция к самоактуализации действует изнутри и который преодолевает сложности, возникающие из-за столкновений с внешним миром не на основе тревоги, но благодаря радости победы» [Там же, С. 138]. Фактически самоактуализация позволяет привнести в жизнь индивида порядок и системность, хотя изначально направлена на удовлетворение потребностей.

Итак, мы рассматриваем самоактуализацию с точки зрения становления человека как субъекта собственной жизнедеятельности, что связано с осознанием им пра-

вил общежития, норм и способов совместной жизни людей в обществе. Данная теория рассматривает человека как самоопределившуюся самость среди других людей, осознающую необходимость бытия в мире действительности, что позволяет человеку открыть свою субъективную реальность как проекцию самости [3, С. 42].

Современный этап исследования самоактуализации личности показывает, что акценты смещаются в сторону пределов, или же детерминант (устойчивых постоянных характеристик). Другими словами, самоактуализация может быть рассмотрена как положительная (в случае успеха), так и отрицательная реакция (в случае неудачи) человека. Особое внимание следует уделить тем ситуациям, которые являются сложными для ребёнка, так как именно в них правильный и корректный поступок является не очевидным, или же сложным в достижении. Самоактуализация – это поиск возможностей принять такое решение, которое сможет развить индивида, или же сохранить его целостность в ценностном смысле слова. Для подростков, которые потеряли родителя(ей) также важно обнаруживать те ситуации, в которых происходит раскрытие их способностей и качеств.

Таким образом, самоактуализацию можно определить, как процесс саморазвития личности, ее роста «изнутри», когда усилия человека приводят к осознанию того, что он умеет и знает, когда выстраивается стратегия жизни, формируется социальная и личная компетентность, что способствует становлению человека как субъекта собственной жизнедеятельности. Детерминантами в данном случае будут выступать: рефлексия – способ осмысления мира и анализа других позиций в коммуникативном обмене; мышление – способность составления онтологических характеристик мира и приведение их к единой логике; понимание – способ выявления «лакун» в знании о мире за счёт соотнесения полученной информации с уже известной.

Обсуждение

Одним из чрезвычайно сложных моментов в рамках рассмотрения данной темы является то, что когнитивные параметры самоактуализации совпадают с физическим и половым развитием в подростковом возрасте. Этот период подростки переживают особенно остро, они становятся раздражительными, чрезмерно обидчивыми и резкими. Все это связано с изменениями, происходящими в организме подростка (с биологической точки зрения – это влияние усиленного функционирования желез внутренней секреции). Поэтому в период полового созревания у подростков оформляется интерес к другому полу и усиливается внимание к своей внешности. В подавляющем большинстве случаев поведение подростка определяется тем, как окружающие его взрослые смогут помочь ему разрешить возникающие у него внутренние

противоречия [8-9]. Действительность такова, что во многих случаях взрослые почти не влияют на подростка, или банально не могут оказать помощь в нужной мере. С нашей точки зрения, именно поэтому дружба становится в подростковом периоде наиболее ценной, что сказывается и на тех требованиях, которые подростки предъявляют к своим друзьям. Здесь мы подразумеваем верность, честность, преданность, но с оговоркой на то, что эти свойства могут выступать и в качестве тех, которые могут актуализироваться в самих дружеских отношениях. Более того, стремление самоутвердиться за счёт другого (или же вместе с другим) настолько сильно, что подросток в целом может даже пересечь границу разумного в части законов и принятых традиций [5, С. 101]. Другими словами, основной детерминантой ставится авторитет, требующий постоянной поддержки и обновления. Возможно, именно поэтому подростки так остро реагируют на замечания со стороны, если находятся при этом в компании друзей. Фактически такие замечания уязвляют их возможность актуализации в коллективе, задевают их авторитет. Молодые люди всячески начинают стремиться расширить свои права и ограничить права старших в отношении их личности [10]. Психическое развитие молодых людей в подростковом возрасте тесно связано с таким важнейшим новообразованием личности, как самосознание. Последнее рассматривается в данном случае как способность оценить себя, то есть понятие близко к тому, что люди называют самооценкой. Мы предполагаем, что самооценка в какой-то степени является зеркалом воспитательного процесса, а последний по сути формирует идеалы человека. Именно самооценка оказывает огромное влияние на самовоспитание молодых людей в подростковом возрасте. Воспитание же приводит к формированию идеальных конструкций и представлений. Выбор же идеала в основном зависит от характера самооценки. В случае, если у подростка самооценка адекватная, то выбранный им идеал способствует образованию у него таких качеств, как уверенность в своих силах, самокритичность, требовательность, настойчивость. Верно и обратное – молодой человек, или же девушка, обладающие неадекватной самооценкой, сталкиваются с тем, что у них формируются следующие качества: неуверенность или излишняя самоуверенность, не критичность и повышенная самооценка, которая приводит к конфликту с окружающими ему людьми. Нужно отметить, что самооценка может формироваться в процессе общения молодого человека подросткового возраста с окружающими ему людьми. Подросток сравнивает себя с другими и познает себя на основе этого сравнения. Оценка других людей в основном формирует его самооценку. Для формирования позитивной самооценки, оценка должна быть адекватная и обладать поддерживающей составляющей (семья, наставники и т.д.). В противном случае, при недооценности или переоценности у подростка формируется неадекватная самооценка, а последнее приводит к изменениям в восприятии мира

и созданию неадекватных ситуаций [6-7].

Вышеназванные аргументы тесно связаны с процессом формирования эмоционального фона, который может отличаться у подростка вспыльчивостью, грубой силой, а также трудностью в управлении ими (т.е. подростки просто не в состоянии себя сдерживать и контролировать). Когда возникают трудности у молодых людей подросткового возраста могут возникать чувства противоречия, потери заинтересованности, выдержанности, которые могут привести к тому, что подросток может начатое дело не довести до конца, или же вовсе перейти к отказу и разрушению уже созданного [14, С. 367-368]. Последнее может касаться как материальных оснований, так и не материальных, когда подросток резко обрывает отношения с возлюбленным человеком, или же принимает решение отказаться от друзей в пользу одиночества. Принципиально важно (!), чтобы в подобные моменты у подростка была возможность коммуникации с старшими и опытными людьми, способными помочь не только советом, но и делом (обеспечить временный каркас защиты психологического плана) [4]. Взрослым людям нужно помнить, что подросткам свойственно бурное проявление своих чувств и отношение к этому должно быть нормальным. Реакции подобного плана зачастую проявляются в состоянии утомления, возмущения, или невыносимого напряжения. Кроме того, следует помнить, что со временем подросток становится более устойчивым в своих эмоциях, хотя противоречивость может надолго остаться вместе с ними. Например, подросток может быть и внимательным, и грубым, обладать высоким чувством собственного достоинства и в то же время плакать от незаслуженной обиды, позабыв о своем достоинстве.

Заключение

Подростки в возрасте 15-17 лет часто задаются во-

просами, которые должны упростить поиск своего места в этом мире. Они совершают массу глупостей, при этом страдая и порой доставляя неприятности окружающим. Подросток старательно пытается донести до взрослых одну простую мысль: «Я уже давно не ребёнок, я - личность!». Однако объяснить это взрослым, когда сам не можешь найти правильные слова для обсуждения, почти невозможно. Кроме того, подростки слишком остро переживают собственные чувства, а потому мы принимаем их высказывания в первоизданном виде, то есть они ещё не прошли своеобразную сознательную и психологическую «цензуру» [13-15].

Если обратить внимание на внешний вид подростка, то мы замечаем, как часто они проявляют решительную и неожиданную самостоятельность: делают безумные причёски, различные татуировки, одевают «кричащую» одежду и т.д. Это достаточно стандартно для подростковой действительности. В этом возрасте у развивающейся личности появляется ряд абсолютно новых социальных потребностей, они стремятся к обособленности, проявляют свою самостоятельность, пытаются выделиться из общей массы, обозначив свою элитарность. С другой стороны, боясь отличаться от большинства, часть подростков хочет во всем походить на других, а потому они перенимают идеи, моду, походку, манеры, популярные в среде, где они живут (конформизм в чистом виде). Именно в подростковый период стремление приспособиться становится наиболее сильным и именно это является основным признаком того, что подросток предпочитает проводить время в коллективе. Задачей же взрослых и родителей, а также воспитателей и работников интерната, является переход от классической модальности поведения к детерминантной, то есть обеспечивающей усиление характеристик личности за счёт кооперативной деятельности. Подросток – это не та цель, которой нужно противостоять, а тот будущий человек, который в данный момент находится в поисках значимого «другого».

ЛИТЕРАТУРА

1. Гольдштейн К., цит. по Холл, Линдсэй, 1997. – 238 с.
2. Конвенция о правах ребенка [Электронный ресурс]: Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 года // Конвенции и соглашения / Организация Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon (дата обращения: 22.02.2022).
3. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. /А.Н Леонтьев - М.: Академия, 2004. – 121 с.
4. Леонтьев Д.А. Психология свободы: к постановке проблемы самодетерминации личности// Психологический журнал. – Т. 21. – 2000 – № 1. – С. 15-25
5. Маклаков А.Г. Общая психология [Текст]: Учеб. пособ. / Маклаков А.Г. - СПб.: Питер, 2007. - 592 с.
6. Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики [Текст] / А. Маслоу- СПб.: Евразия, 1999. – 430 с.
7. Маслоу А. Мотивация и личность. 3-е изд. [Текст] / А. Маслоу. - СПб.: Питер, 2010.
8. Afework T.A Comparative Study of Psychological Wellbeing between Orphan and Nonorphan Children in Addis Ababa [Электронный ресурс]: The Case of Three Selected Schools in Yeka Subcity. Addis Ababa: Addis Ababa university. School of psychology clinical, health, and counseling psychology programs unit, 2013. – 89 p. URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0195377> (дата обращения: 22.02.2022).
9. Bailey J.D. Orphan Care: An Introduction [Электронный ресурс] // Social Work and Society. 2009. – Vol. 7. – № 1. – P. 1-12. URL: <https://ejournals.bib.uni-wuppertal.de/index.php/sws/article/download/40/97/145> (дата обращения: 27.04.2015).

10. Busuttill F. Orphaned Children Around the World [Электронный ресурс] // Humanium: together for children's rights. 2011. URL: <http://www.humanium.org/en/orphans/> (дата обращения: 22.02.2022).
11. Caring for children affected by HIV and AIDS / United Nations Children's Fund (UNICEF). Florence, Italy: UNICEF Innocenti Research Centre. 2006. – 53 p.
12. Children's Statistics [Электронный ресурс] // SOS children's villages. USA. 2022. URL: <https://data.unicef.org/resources/resource-type/country-profiles/> (дата обращения: 22.02.2022).
13. Ganga E., Chinyoka K. Exploring Psychological Disorders Caused By Poverty amongst Orphans and Vulnerable Children Living Within Child — Headed Households // Journal of Sustainable Development in Africa Clarion University of Pennsylvania. Clarion, Pennsylvania. 2010. – Vol. 12. – № 4. – P. 186-198.
14. Persisting mental health problems among AIDS orphaned children in South Africa / L. Cluver [et al.] // Journal of Child Psychiatry and Psychology. 2012. № 53. P. 363-370. doi:10.1111/j.146967610.2011.02.
15. Psychological distress and its predictors in AIDS orphan adolescents in Addis Ababa city [Электронный ресурс]: A comparative survey / Getachew, H. [et al.] // Ethiopia journal of health development. 2011. – Vol. 25. – № 2. – P. 135-142. URL: <https://pesquisa.bvsalud.org/portal/resource/pt/afr-196102> (дата обращения: 22.02.2022).

© Федотов Владислав Кириллович (vladis0702@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ГБУ ЦССВ «Лесной»

ПОСТРОЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ПСИХОЛОГА И ЧЕЛОВЕКА С ВИДИМЫМИ ОТЛИЧИЯМИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Чебарыкова Светлана Васильевна

К.псх.н., доцент, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский
государственный университет»
svfspp@mail.ru

Куклина Ирина Валерьевна

ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный
университет»

THE ESTABLISHMENT OF A PROFESSIONAL RELATIONSHIP BETWEEN THE PSYCHOLOGIST AND THE PERSON WITH VISIBLE DISTINCTIONS: THEORETICAL ASPECT OF THE RESEARCH PROBLEM

**S. Chebarykova
I. Kuklina**

Summary: The article deals with the problem of the establishment of a professional relationship between the psychologist (psychotherapist) and the person with visible distinctions. The presence of a distinctive feature in one's appearance can in itself complicate the social interaction of its bearer with others, become a cause of pronounced difficulties and lead a person to the need for professional assistance of a psychologist. However, in the process of establishment and development of professional relationships with the psychologist, this peculiarity is bound to have some influence.

Keywords: professional relationships, practicing psychologist, client, visually distinctive features.

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению проблемы построения профессиональных отношений между практическим психологом (психотерапевтом) и его клиентом, имеющим во внешности видимые отличия. Наличие отличительной особенности во внешности может само по себе осложнять социальное взаимодействие ее носителя с окружающими, стать причиной выраженных трудностей и привести человека к необходимости профессиональной помощи психолога. Однако и в процессе установления и развития профессиональных отношений с психологом эта особенность не может не оказывать влияние.

Ключевые слова: профессиональные взаимоотношения, практический психолог, клиент, видимые отличия внешности.

Введение

«Некрасивые самолеты не летают!» – авиаконструктор А.Н. Туполева давно заметил, что у «некрасивых» самолетов судьба оказывается неудачной: даже при хорошем старте и благополучных опытных полетах они не получают путевку в жизнь. Как будто в человеке интуитивно под видом эстетического вкуса заложено пред-знание того, что соответствует физическим законам мироустройства в оптимальном соотношении, а что им соответствует плохо [5]. С людьми порой происходит то же самое. «Ты должен быть красивым, чтобы заслужить любовь» – фатальная форма притеснения, которая заставляет сотни тысяч людей страдать из-за внешности и истязать себя в попытках стать любимыми и удобными. Особенно остро эта проблема стоит в случаях, когда внешняя непривлекательность является следствием недостатка здоровья и довольно часто становится причиной социальной изолированности. И с последствиями этой инсинуации и приходится иметь дело практическому психологу.

Профессиональные отношения с клиентом – важная часть деятельности практического психолога. Зона ответственности специалиста – построение особой атмосферы принятия, создание чувства связанности между психологом и клиентом. Однако консультирование и терапия с участием клиента с видимыми отличиями рождает много чувств и переживаний, с которыми практикующему психологу приходится сначала совладать, а потом, входе специально организованной работы их идентифицировать и интегрировать.

Собственный практический опыт, а также опыт участия в интервизиях и супервизиях, дает основания считать, что клиента с видимыми отличиями можно отнести к категории уникальных. Опыт длительного консультирования подобных клиентов не представлен ни в литературе, ни в рассматриваемых в профессиональном сообществе кейсах. И связано это, во-первых, с наличием специфических особенностей в эмоциональной и когнитивной сфере людей с врожденными и рано приобретенными нарушениями психофизического развития и неготовностью психологов общей практики брать таких

клиентов; во-вторых, наличием культурального барьера и связанного с этим недоверия со стороны потенциальных клиентов из числа лиц с проблемной внешностью. Третьей причиной недостаточного освещения подобного опыта может выступать социальная незащищенность названной категории лиц, низкий уровень материально-благополучия и, как следствие, – ограничения в возможности обратиться за помощью.

Цель инициированного нами исследования: теоретически обосновать и практически подтвердить наличие специфических культуральных барьеров в психологическом консультировании (психотерапии) людей с видимыми отличиями; доказать возможность использования транскультурального подхода в психологическом консультировании (психотерапии) такого клиента.

Исходными данными к работе стали:

- исследования, раскрывающие особенности формирования и развития идентичности людей с видимыми отличиями;
- положения принципа транскультуральности как базового подхода в организации профессионального общения в позитивной психотерапии;
- работы, посвященные характеристикам взаимоотношений людей через призму психологической дистанции: отношения к «Другому» как к «Своему», «Иному» и «Чужому»;
- концепции различных психотерапевтических методов и подходов, касающиеся особенностей построения профессиональных отношений между психологом и клиентом.

«Видимое отличие»: семантическое пространство ключевого понятия

Важной задачей нашего исследования является определение ключевого понятия, обозначающего целевую группу участников. Таковыми являются люди, имеющие заметные отличия внешности, природа которых определяется воздействием неблагоприятных внешних факторов и напрямую связана с состоянием здоровья. При этом имеются ввиду люди, перенесшие на ранних этапах своего психофизического развития какое-либо патологическое воздействие, оставившее заметный и практически неизгладимый след на их внешности, что, в свою очередь, повлияло на процесс идентификации и осложнило процесс социально-психологической адаптации и социализации. В центре нашего исследования располагается человек, имеющий заметные для окружающих отличия внешности, воспринимаемые повсеместно как отталкивающие. Таковыми мы считаем:

- бросающиеся в глаза дисплазии (асимметрии и диспропорции) лица и тела;
- деформации или отсутствие конечностей;
- нарушения со стороны двигательной сферы (за-

труднения в организации движений, невозможность контролировать позу, наличие сопутствующих и сопряженных произвольных движений, обездвиженность и пр.);

- проблемы со стороны органов зрения (слабовидение, слепота, наличие глазных протезов, сильным косоглазием и др.);
- проблемы со стороны органов слуха (глухота, слабослышание и др.);
- речевые проблемы (заметное нарушение темпа и плавности речи, проблемы с голосом и др.);
- ярко выраженные изменения кожных покровов (капиллярные гемангиомы, псориаз, следы от ожогов, шрамы и пр.);
- специфический (неприятный) запах, не связанный с погрешностями гигиены.

К настоящему времени в социальной практике нет общепринятого корректного термина для обозначения данной категории людей. На бытовом уровне их коротко и ясно можно было бы назвать некрасивыми, однако для научного исследования нам все же придется найти или сформулировать собственный удобный – емкий и приемлемый – термин.

Проведенный анализ первоисточников, раскрывающих особенности взаимодействия с интересующей нас категорией людей, мало помог нам. В ряде публикаций, характеризующих эту особую группу людей, авторы подчеркивают факт ослабления здоровья и по существующей традиции называют их «лицами с ОВЗ (ограниченными возможностями здоровья)». Термин, по мнению специалистов помогающих профессий, явно неудачный, так как людей с неограниченными возможностями здоровья в природе просто не существует. Но, закрепленный законодательно, он используется повсеместно, заменяя признанное некорректным понятие «инвалид». Мы не можем взять в качестве основного ни термин «люди с ОВЗ», ни тем более «инвалид», так как для нас основополагающим является не столько их функциональное состояние (целесообразная результативность их деятельности), сколько факт наличия заметного внешнего отличия, которое может и не ограничивать их жизнедеятельность на социально-бытовом уровне. По той же причине по отношению к данной категории людей не применимы определения «больные / болеющие» и понятие «нездоровье», которые также встречаются в публикациях по интересующей нас проблематике. Множество людей, определяемых как больные-болеющие-выздоровливающие переживают временный период своей жизни (зачастую длительный и тяжелый), но динамика их жизни имеет отличие от жизни людей, взятых нами в качестве целевой группы. Текущий характер болезни включает целый спектр проявлений в виде боли, снижения активности, ограничений, необходимости проведения лечебных процедур и пр., что отсутствует в сценарии жизни

наших участников. Вместе с тем, по истечении времени болезни, она может и не иметь заметных для окружающих последствий, не осложняя процессы социально-психологической адаптации и интеграции.

Наиболее удобным по причине своей лаконичности мог бы считаться термин, которыми пользуются специалисты в области специальной психологии: «дефект». По сути, это заимствование из клинической практики («физический дефект», «аномалия строения и функционирования»). Однако в этой научной области со времен Л.С. Выготского в качестве терминов для служебного пользования в ходу такие как: дефект, структура дефекта, носитель дефекта, внутренняя картина дефекта и пр. Однако используются они исключительно в публикациях научно-методического характера и не выходят в пространство социального взаимодействия.

В ходе проведения анализа литературы нам встретилась работа Н. Шакенберг «Мнимые тела, подлинные сущности: Преодоление конфликтов идентичности с внешностью и возвращение к подлинному Я» (пер. с английского). В ней автор использует довольно удобный термин «видимые отличия». Описывая свой опыт работы с клиентами, испытывающими тяжелые и травматические переживания из-за проблем с восприятием собственного тела как уродливого, она использует этот удобный оборот речи. Но проблема в том, что наряду с представителями интересующей нас целевой группы, в множество людей, характеризующихся видимыми отличиями, автор включает и людей, имеющих отличающуюся внешность как результат собственных усилий. Это люди с искусственно измененной внешностью: большим количеством филеров, с телами, покрытыми татуировками и носящими следы самоувечий. Кроме того, Н. Шакенберг в группу людей, проблемы которых ими самими объясняются конфликтами идентичности с внешностью, включает людей с внешними признаками гендерного конфликта и проблемами самопринятия из-за расовой принадлежности [15]. Взяв за основу термин, предложенный Н. Шакенберг («видимые отличия»), мы попытались его конкретизировать через ограничение мыслимой за ним выборки. Формулировка понятия с точки зрения его содержания – «видимые отличия, имеющие отношение к нездоровью» – получилась довольно громоздкой и не отличается благозвучием, хотя в данной редакции отвечает требованию корректности, так как не содержит дискриминирующего контекста. Вероятно, нам все же придется использовать более лаконичную формулировку, объяснив при изложении материалов исследования что под ней подразумевается. Работа по поиску формулировки для обозначения участников исследования еще не окончена. К настоящему моменту нами определены и представлены на суд профессионального сообщества несколько вариантов: «клиент с видимыми отличиями», «визуально отличный клиент».

«Свой», «Иной» и «Чужой»: три лика клиента

Какая-либо группа выступает не как простая совокупность своих членов, но как целостность, единство, если имеет явные социальные границы и отстаивает их во взаимоотношениях и противодействии с другими группами [8; 9; 10]. Существование социальных границ обозначает один из важнейших социальных институтов, направленных как на стабилизацию, так и на развитие нашего общества. В числе маркеров социальных границ, имеющих неприродную (т.е. культурную) основу, относят, помимо языка, религии и идеологии еще и так называемый антропологический тип, используемый для обозначения обобщенного описания тех или иных групп человеческих популяций, сходных по наличию каких-либо признаков, вне связи с классификационными категориями. Таким признаком может выступать как, собственно, нетипичность (внешнее проявление отклонения в психофизическом развитии), так и переживание ее экзистенциального состояния [10; 17].

Каждая культура любого уровня развития на фоне собственных представлений о нормах и ценностях своему воспринимает, воссоздает и закрепляет в памяти образы как своих, принадлежащих к данной культуре, так и других, ей не принадлежащих. Конструирование этих образов осуществляется с помощью традиционных механизмов, таких как стереотип и имидж [14]. Заявляя транскультуральный аспект построения взаимоотношений с людьми, имеющими видимые отличия, мы имеем ввиду тот факт, что восприятие не может быть свободным от наличия такой яркой особенности. Там, где появляется противопоставление «мы – они», антагонистическая позиция «вы – не мы», встает и проблема наличия культурального барьера общения.

В случае, когда в общение вступают люди, отличающиеся чем-то очень важным (в частности, внешне заметными проявлениями неблагополучия со стороны здоровья), то возникшие при этом барьеры могут быть заметны по меньшей мере одному из участников. Но чаще всего, их замечают оба, потому что каждый из них относит другого к общности, в которую сам не входит. Даже если общего у них очень много (возраст, пол, образовательный и культурный уровни, интересы и ценности, социальный статус и пр.) факт принадлежности к особой группе неблагополучных в части внешности разводит общающихся по разные стороны этого психологического барьера. Партнер воспринимается непохожим, не-Своим. В рамках статьи невозможно остановиться подробно на анализе всех причин, по которым одних людей мы принимаем как похожих на себя и поэтому понятных нам, а других – как чужаков, вызывающих опасение. Невозможно в кратком сообщении отразить все аспекты этой проблемы: фило-софский, антропологический, лингвистический, культурологический, этологический. Остановимся лишь на пси-

хологическом аспекте, на том, что, отделяя окружающих от себя, их можно определять как «Других», но при этом как «Своих», «Иных» или «Чужих». И различия это определяются той психологической дистанцией, которая складывается и поддерживается в процессе общения.

По мнению ряда исследователей (Т.Н. Кочеткова, Л.С. Перепелкин, В.В. Феррони и др.) Другой воспринимается «Своим», если в его присутствии мы чувствуем психологическое родство: партнер по общению имеет с нами близкие взгляды, позиции, убеждения, разделяет общие ценности, живет в едином социальном и смысловом пространстве; благодаря ему, осуществляется самопознание и личностное развитие. Среди «Своих» всегда существует равенство, отношения расцениваются как безопасные. «Свое» – это родное, которое служит отправной точкой в восприятии и составлении образа всякого другого, инородного. Слово «свой» восходит к тому же корню, что и «свобода» [8, С.60], и если эта этимология верна, то понятие «Свой» указывает на ситуацию, в которой человек чувствует себя наиболее комфортно, а «своя группа» – это группа, в которой сосредотачивается социальный мир и личная свобода [8, С.68].

«Иной» – это непохожий на нас человек, отличающийся непривычной точкой зрения на важные вопросы, позволяющий увидеть мир по-новому. «Иной» – не один из «Своих», он явно отличается, он тот, кто не разделяет мои ценности «здесь и сейчас», но потенциально готов их, если не разделить, то понять мой выбор. Общение с «Иным» построено на обоюдном интересе и предполагает намерение к созданию общности. И это не поверхностное любопытство, а попытка понять глубинные причины непохожести «Иного» на меня и на «Своих». Попытка понять «Иного» представляет собой взаимное пробуждение мысли посредством диалога, предполагающее с одной стороны объединение с «Иным» посредством узнавания, воспроизведения и присвоения какой-то части его системы ценностей и смыслов, а с другой – сохранение самосознания как дистанции. При обоюдной попытке понять непохожего «Иного», он может стать другом, «Своим», но в то же самое время может и обернуться ликом «Чужака» – смотря по обстоятельствам меняющегося контекста взаимодействия. При построении взаимоотношений с «Иным» все не так просто, и прежде, чем понять «Иного» необходимо понимание того – кто есть этот «Иной» и что делает его таковым? В чем вообще цель понимания «Иного»?

Совсем другое дело – «Чужой», «Чуждый». Он далек психологически, поэтому вызывает опасение, страх, желание уклониться от общения. «Чужой» небезопасен в силу своей непохожести, он является источником неопределенности, которая заключается в невозможности спрогнозировать то, как он может себя повести [3, С. 73]. Неприязнь зарождается на основе незнания и нежела-

ния узнать непохожего, действиям которого автоматически приписываются негативные качества. Если «Свой» всегда идеален, то «Чужой» – его зеркальное отражение – всегда наделен отрицательными коннотациями [11, С. 148]. Выступает ли «Чужой» в облике иностранца-гастарбайтера, преступника, террориста или просто другого человека, который по каким-то неясным для нас причинам отказывается от «диалога», – всегда воспринимается как навязывающий себя и свои ценности, стремящийся к насилию. «Чужой» непонятен потому, что мы не хотим и не можем его понимать, ему нет места в нашей привычной реальности ровно как и то, что нам нет места в его реальности [12, С.124-125].

Модели восприятия Другого как «Своего», «Иного» и «Чужого» формируют не только позитивное, негативное или нейтральное отношение человека к окружающему миру – физическому и социальному, а также к событиям в нем происходящим. Эти дискурсивные факторы оказывают влияние на процесс формирования идентичности. Идентификация – это процесс осмысления человеком себя самого, в результате которого происходит осознание принадлежности к какому-либо определенному классу/типу. Данное осознание осуществляется, как правило, на фоне контактов с представителями другого класса/типа. Иными словами, «свое» познается только на фоне «чужого» и «иного» [1, С. 163].

Проведение исследования оппозиции «Свой» – «Иной» – «Чужой» считаем важным этапом своей работы, так как полученные сведения раскрывают суть процессов формирования идентичности у людей с видимыми отличиями с одной стороны и основы разворачивания коммуникации с ними в ходе профессионального общения практического психолога с другой. Мы считаем, что основная задача специалиста при организации профессионального взаимодействия с клиентами, имеющими видимые отличия – это установка и поддержание границ с тем, чтобы максимально эффективно помочь им в осознании своих проблем и поиске путей их разрешения. И если в ходе этой работы психолог сможет стать для клиента «Иным» или «Своим», то профессиональная задача будет решена наилучшим способом.

Построение профессиональных взаимоотношений в позитивной психотерапии

Отношения между практическим психологом (психотерапевтом) и клиентом – сложная система, в которой тот и другой исполняют целую гамму ролей [2; 6; 7; 13]. Анализируя профессиональные отношения, складывающиеся в процессе терапии, нужно учитывать, что они, как и любые другие, подчинены закономерности трехэтапного взаимодействия: зависимость (стадия слияния, создающая у клиента чувство защищенности и развивающая концепции оптимизма и принятия себя), диффе-

ренциация (стадия, характеризующаяся приобретением навыков, знаний и паттернов поведения, заимствованных у объекта привязанности и одновременно с этим появлением стремления отделиться и подчеркнуть свою самостоятельность) и самостоятельность (стадия, на которой клиент способен понимать других людей, брать на себя ответственность). В зависимости от личных особенностей психотерапевта и клиента каждый из них может быть склонен удерживать терапевтические отношения на той или иной стадии [2, С. 183–191].

Для нашего исследования в равной степени важно и описание поведения терапевта, и фокус его деятельности, и описание поведения клиента, имеющего видимые отличия. При этом обе стороны в ходе взаимодействия получают опыт инореальности (нахождения в реальности, в которую при обычных условиях, у них нет доступа). Для клиента же возможность осмысления себя и собственной жизни через иноопыт (новый опыт отношений, которые в реальной жизни трудно достижимы вследствие неразвитости отдельных способностей или недостаточной их интегрированности) – важный результат терапии.

В теории и практике позитивной психотерапии разработаны и с успехом используются инструментарии для анализа паттернов психодинамики отношений клиента и его субъективных реакций, которые он раз за разом использует для подтверждения своей основной концепции. В профессиональных отношениях эти базовые концепции социализации имеют возможность развиться и углубиться. Ценность осуществляемой работы в том, что полученный опыт может быть перенесен на область отношений с партнерами (Ты), с обществом (Мы), с будущим мировоззрением (Пра-Мы) и, что на наш взгляд наиболее ценно, – на область отношений с самим собой (Я) [2, С. 195–207].

Выводы

1. Клиент с видимым отличием может быть рассмо-

трен как принадлежащий к особой группе (особой культуре). Формирование его личности происходило под влиянием патогенных факторов, оставивших неизгладимый след на внешности и тем самым искаживших процесс и результат его идентификации.

2. Наличие видимого отличия ставит его носителя по одну сторону культурального барьера в то время, как люди с внешностью, не выходящей за границы так называемой нормальности (обычности) находятся по другую сторону. Этот барьер ощущается обеими сторонами в виде противопоставления «Я – Другой».
3. Восприятие Другого может складываться по разным моделям: «Свой», то есть похожий на меня, родственник, близкий; «Иной», не похожий на меня во многих проявлениях, но готовый к диалогу и рассматриваемый как потенциальный ресурс для развития; «Чужой», то есть чуждый, непонятный и враждебный.
4. Концепции восприятия Другого как «Своего», «Иного» или «Чужого» у людей с видимыми отличиями являются результатом опыта выстраивания внутригруппового и межгруппового взаимодействия. В том случае, если коммуникации носили деструктивный характер, восприятие окружающих будет отличаться неполнотой, а сами люди будут представляться источником опасности.
5. Изменение патологических паттернов в отношениях с окружающими может быть достигнуто только в процессе получения позитивного опыта – через выстраивание эффективного взаимодействия, примером которого могут выступать профессиональные взаимоотношения с психологом.
6. Позитивная психотерапия является методом, созданным изначально на стыке культур Востока и Запада. Сегодня это активно развивающийся метод, использующий различия культур как ресурс оказания помощи клиентам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойко М.А. Роль дискурсивных факторов «Свой», «Чужой» и «Другой» в процессе формирования коллективной идентичности средствами массовой информации // Язык, коммуникация и социальная среда. Воронеж: ВГУ, 2006. С. 139–148.
2. Кириллов И. Позитивная психотерапия: базовый курс. М.: Страна Оз, 2019. 328 с.
3. Кислякова Е.Ю., Соломина В.В. Концептуальная триада «Свой–Чужой–Иной» в английском и русском языках: теоретико-методологический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 2 (10). С. 72–76.
4. Кочеткова Т.Н. «Другой», «Иной», «Чужой»: взаимосвязь и взаимообусловленность // Научное обозрение: Гуманитарные исследования. 2016. № 1. С. 104–110.
5. Красота как критерий летальности // Живой журнал. Режим доступа: <https://neuport.livejournal.com/147109.html> (Дата обращения: 5 марта 2022)
6. Пезешкиан Н. В поисках смысла: Психотерапия маленькими шагами. Киев: Изд-во Ростислава Бурлаки. 2019. 304 с.
7. Пезешкиан Х. Транскультуральная психотерапия в России // Московский психотерапевтический журнал. 1999. № 3–4. С. 47–69.
8. Перепелкин Л.С. «Свой–Чужой–Другой–Враг»: к антропологии межгрупповых взаимодействий // Личность. Культура. Общество. 2015. Том XVII. Вып. 1–2 (№ 85–86). С. 63–75.

9. Романова А.П. Концепт чужого в системе толерантных отношений // Каспийский регион: политическая регионалистика. 2009. № 3(20). С. 55-59.
10. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Политика инвалидности: Социальное гражданство инвалидов в современной России. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2006. 260 с.
11. Садохин А.П. «Свой–Чужой» в межкультурной коммуникации: подходы к изучению проблемы // Вопросы культурологии. 2007. № 3. С. 15–19.
12. Феррони В.В. Три лика другого: «Другой», «Иной», «Чужой» // Вестник ВГУ. Серия: Философия. 2012. № 1. С. 112–130.
13. Чебарыкова С.В. Личность в условиях дизонтогенеза: внутренняя картина дефекта. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2017. – 140 с.
14. Черникова А.Е. Восприятие образов «Свой–Чужой» и «Другой» в отечественной иммагологии // Запад и Восток: история и перспективы развития: сб. статей 30-ой Юбилейной Международной научно-практической конференции / под ред. И.М. Эрлихсон, Ю.В. Савосиной, Ю.И. Лосева. Рязань, 2019. С. 605–608.
15. Шнаккенберг Н. Мнимые тела, подлинные сущности: Преодоление конфликтов идентичности с внешностью и возвращение к подлинному Я. Калининград: Rhosa Books, 2018. 376 с.
16. Ямбург Е.А. Зачем больные нужны здоровым. Чувствительная тема // Народное образование, 2015. № 5. С.38–42.
17. Ярская-Смирнова Е.Р. Социокультурный анализ нетипичности. Саратов: Изд-во СГТУ, 1997. 272 с.

© Чебарыкова Светлана Васильевна (svfspp@mail.ru), Куклина Ирина Валерьевна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРЕНИНГ КАК HR-ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ВНУТРЕННЕЙ МОТИВАЦИИ МЕНЕДЖЕРОВ

Швеньк Елена Владимировна

кандидат психологических наук,

Директор по персоналу и организационному развитию,

ОАО «Всероссийский теплотехнический институт»,

elena.shvenk@mail.ru

SOCIO-PSYCHOLOGICAL TRAINING AS AN HR-TOOL FOR INCREASING THE INTERNAL MOTIVATION OF MANAGERS

E. Shvenk

Summary: This article shows the role of socio-psychological training to increase the internal motivation of managers; it is characterized what is the internal motivation of its characteristics and the author's idea of the manager's internal motivation is given; pointed out the role of training to increase the internal motivation of managers; an analysis is made of the impact of training on the managerial aspects of the manager (management style, managerial stability), as well as on the effectiveness of the manager's managerial abilities in general.

Keywords: internal motivation, manager, socio-psychological training, management style, managerial stability, effectiveness of managerial abilities.

Аннотация: В данной статье показана роль социально-психологического тренинга для повышения внутренней мотивации менеджеров; охарактеризовано, что собой представляет внутренняя мотивация, ее характеристики и приводится авторское представление о внутренней мотивации менеджеров; указано на роль тренингов для повышения внутренней мотивации менеджеров; проводится анализ влияния тренинга на управленческие аспекты менеджера (стиль управления, управленческая устойчивость), а также на эффективность управленческих способностей руководителя в целом.

Ключевые слова: внутренняя мотивация, менеджер, социально-психологический тренинг, стиль управления, управленческая устойчивость, эффективность управленческих способностей.

Целью данной статьи является определение механизмов повышения внутренней мотивации менеджеров в целом и, в частности, посредством использования социально-психологического тренинга, который, как представляется, является действенным HR-инструментом повышения внутренней мотивации менеджеров.

Проблемы внутренней мотивации руководителей и ее характеристики достаточно широко представлены в научной литературе. Так, например, ВВ. Вахнина [2] отмечает, что профессиональная мотивация специалиста управленца является специфическим многоуровневым мотивационным образованием личности, определяемым динамичным сочетанием потребностей, мотивов и ценностных ориентаций, их взаимовлиянием.

П.С. Глухов [3] считает, что внутреннюю мотивацию руководителя следует рассматривать с учетом его стиля лидерства, социокультурной и социально-ролевой идентичности; установок управленческой культуры в отношении персонала и стратегии предприятия.

В нашем представлении внутренняя мотивация менеджера связана с самим содержанием его деятельности, решением какой-либо задачи; целеполаганием

на реализацию потребности, ведущее к личному удовлетворению, а также побуждением к действию с целью улучшения ситуации, приобретения уверенности в управленческой деятельности.

Данные качества, безусловно, можно развивать посредством тренинговой работы.

Как указывает ряд авторов [3, 6], тренинги способствуют повышению энергии организма, и выработки устойчивости к отрицательным воздействиям окружающей среды. Тренинги проводятся в две стадии, где на подготовительном этапе разучиваются отдельные составляющие системы, а впоследствии происходит овладение специальной психотехникой. Все составляющие методики должны применяться комплексно.

В литературе [4; 6-8] предлагается ряд методик комплексных тренировок. Ряд из них были нами использованы в процессе проведенного исследования, в ходе которого осуществлена попытка выявить эффективность проводимого тренинга.

Автором статьи было проведено эмпирическое исследование, направленное на улучшение данных свойств менеджера.

Для исследования была использована выборка из 36 менеджеров. Объект исследования - управленческо-организационная деятельность менеджеров. Предмет исследования - управленческие аспекты менеджера (стиль управления, управленческая устойчивость), а также эффективность управленческих способностей руководителя в целом.

В ходе проведения исследования были использованы следующие методики:

1. Самооценка психической устойчивости руководителя (Тест М.Ф. Секача, В.Ф. Перевалова и Л.Т. Лаптева) [8].
2. Тест «Какой вы руководитель?» [7].
3. Методика оценки стиля руководства (адаптированный вариант методики В. П. Захарова) [5].
4. Методика определения типа руководителя по Д. Кейрси (версия Л. И. Катаевой) [9].

Проведение исследования по методике «Самооценка психической устойчивости руководителя» дает основания утверждать, что в большинстве своем опрошенные менеджеры (почти 80% респондентов) характеризуются высоким уровнем психической устойчивости. Это значит, что они могут заниматься реализацией управленческих функций в любой ситуации, не испытывая большого физического, либо психологического напряжения и дискомфорта. Около 21% респондентов продемонстрировали стабильный уровень. Это говорит о том, что менеджер может эффективно работать, не испытывая негативные психические последствия.

Интерпретация теста «Какой вы руководитель?», направленного на определение общей способности к осуществлению управленческих функций, позволяет утверждать следующее. Почти 20% респондентов набрали от 7 до 12 баллов. Это не говорит о неэффективности менеджера, но, если в коллективе все хорошо, не следует осуществлять какие-либо реформы или изменения. Они могут оказаться весьма сложными для руководителя. Необходимо обеспечить максимально эффективное управление, принимая во внимание общие тенденции. Следует считаться с мнением коллектива. Также важно установить стереотипы-блокаторы успешной управленческой деятельности, изучить и применять новые подходы к деятельности планировать ее на ближайшее и отдаленное будущее.

Почти 40% управленцев, набравшие от 13 до 18 баллов, – это в достаточной степени сформировавшиеся руководители, однако их способности должны совершенствоваться применительно к процессу управления. Чтобы достичь более высокого результата в управленческой работе, важно знать современную систему этой деятельности. Важно уделять внимание как собственному развитию и совершенствованию, так и тому, чтобы заин-

тересовывать сотрудников в использовании современных технологий, алгоритмов и моделей управленческой деятельности.

Остальные 40% опрошенных набрали от 17 до 24 баллов. Это указывает на то, что данные работники являются эффективными менеджерами. Они способны выделять основное в своей деятельности и сосредотачивать на главных направлениях все свои силы и ресурсы. Их преимущество заключается в том, что они умеют сочетать текущее и будущее планирование деятельности. Также они способны к последовательному решению основных вопросов при помощи потенциала работников. Эти менеджеры должны активнее использовать в практической управленческой деятельности современные подходы и ресурсы.

Итак, в числе опрошенных не оказалось управленцев, которые бы набрали от 25 до 30 баллов и отвечали нынешним требованиям к управленческой деятельности.

Методику «оценка стиля руководства» можно интерпретировать двояко. С одной стороны, это оценка своего стиля руководства самим управленцем, а с другой - его работниками. В целом можно говорить о совпадении этих оценок. Это указывает на то, что среди управленцев отмечается тенденция к доминированию демократического стиля управления, что было доказано в ходе опроса сотрудников.

Все респонденты сочетают разные стили управления с различной выраженностью. Авторитарный стиль почти у всех менеджеров является слабо выраженным. Это проявляется в том, что они не стремятся руководить; навыки менеджера являются пока не устойчивыми. Они достаточно упрямы, уверены в себе и стремятся к тому, чтобы довести до конца начатое дело. Только один респондент продемонстрировал высокий уровень авторитарного стиля управления (17 баллов), что и доказал опрос работников. Следует подчеркнуть, что этот руководитель обладает ярко выраженными лидерскими качествами; он нацелен на единоличную власть, решителен и непреклонен. Он не умеет считаться с мнением работников, недостаточно ответственный и требовательный.

Итак, можно говорить о тенденции к доминированию демократического стиля среди управленцев. Это говорит о том, что они способны к координации и направлению работы всего коллектива, они могут надеяться самостоятельностью самых достойных работников, развивают инициативу и знакомятся с новыми методами работы. Также они умеют убеждать и предоставлять моральную поддержку при необходимости. В спорах они тактичны и справедливы, анализируют индивидуальные черты и социально-управленческие процессы, происхо-

дящие в коллективе, способствуют развитию гласности и критики, умеют избегать конфликтных ситуаций и обеспечивают хорошую атмосферу в коллективе.

Практика свидетельствует, что эффективнее всего комбинировать демократический и авторитарный стили. Это позволяет руководителю использовать наиболее гибкие методы взаимодействия с сотрудниками и обеспечивать действенный стиль управления.

Для того чтобы выявить тип менеджера как один из основных элементов имиджа руководителя, мы воспользовались вариантом Л.И. Катаевой методики Кейрси. Обработав данные по каждому респонденту, мы установили, что тип темперамента, свойственный всем руководителям, - это Эпиметей (сочетание SJ). Это проявляется в определенных признаках, свойственных менеджерам. Они ответственны, стремятся быть полезными, рассудительны, консервативны и стремятся соблюдать традиции в управлении.

Этот тип темперамента включает в себя пять портретов, из которых четыре нам удалось выявить среди респондентов.

Пятеро менеджеров из числа опрошенных продемонстрировали тип личности «опекун» (ISTJ). Специфика данного типа состоит в том, что их ценностные ориентиры являются стабильными, и основные в их числе – это чувство долга и ответственности, а также стремление к справедливости.

Эмоциональной сфере ISTJ свойственны стабильность, адекватность, осознанность, рассудительность, умение держать себя в руках в изменяющихся условиях. «Опекуны» обладают рациональным мышлением. Рассудительность практически во всех случаях берет верх над интуицией. В коммуникации ISTJ не демонстрируют большой вовлеченности. Этот тип людей может относиться невнимательно к чувствам окружающих. Им важно, чтобы работники в точности выполняли требования и проявляли должное усердие. Интересы работы для ISTJ превыше интересов отдельно взятого работника. В профессиональной сфере этот тип руководителей всегда пытается сохранить систему, однако нельзя сказать, что они одинаково эффективны для всех руководящих позиций.

Тип личности «хранитель традиций» продемонстрировали тоже трое респондентов. Этому типу свойственна ориентированность на служение определенной модели. Их наиболее яркое качество заключается в повышенной комфортности. Это значит, что они в большой степени зависят от взаимоотношений с референтной группой либо отдельным важным человеком. Лучше всего таланты ISTJ раскрываются в исполнительской сфере. Они

очень усидчивы. В коммуникации они порой чрезмерно чувствительны и очень избирательны. Они не стремятся к тому, чтобы осуществлять организаторскую деятельность. Если менеджеру свойственен данный тип личности, то он может иметь повышенную тревожность, может быть пассивным в принятии решений, не всегда достаточно уверен в себе.

Трое опрошенных относятся к типу «торговец». Данный тип личности можно назвать социально направленным. Наиболее свойственная данному типу черта – это высокий уровень общительности. В коммуникации они ориентированы на то, чтобы выстроить гармоничные отношения. «Торговцам» нетрудно вжиться практически в любую социальную роль. Они отличные администраторы, хозяева и воспитатели. ESFJ умеют выполнять обещания, обязательны и ответственны. Способности данного типа личности к организационной работе не являются блестящими. Они более эффективны во взаимодействии с сотрудниками, так как именно в этой сфере необходима способность налаживать взаимоотношения между людьми. «Торговцы» являются эмоционально лабильным типом, в связи с этим они нередко характеризуются повышенной тревожностью.

Среди всех рассмотренных комбинаций самый эффективный тип личности для управленца - это «администратор» (комбинация ESTJ). Проанализировав результаты теста «Какой вы руководитель?» для данного респондента, следует отметить, что им было набрано максимальное количество баллов – 23. Это свидетельствует о том, что он ближе всех к уровню идеального руководителя. Подытоживая сказанное, следует подчеркнуть, что руководитель или мобилен и эффективен в своем окружении, или же его компания является достаточно целостной и стабильной.

При помощи корреляции, которая свидетельствует о степени связи между рядом нескольких независимых явлений, мы установили, что существенных отличительных показателей между сопоставляемыми признаками нет.

Это значит, что высокий уровень психологической устойчивости еще не указывает на столь же высокий уровень эффективности управления. Его можно назвать одной составляющей из признаков успешного руководства, реализуемого управленцем. Эти признаки включают в себя самые разнообразные личностные факторы, а также факторы внешнего характера. Именно поэтому четкая зависимость не прослеживается.

Для повышения внутренней мотивации менеджеров нами был проведен тренинг, целями которого являлось: а) сформировать понятие команды в управляемом коллективе, этапов ее образования и развития; б) дать

представление о роли менеджера на каждом этапе становления управляемой команды; в) сплотить участников команды в управляемом коллективе так, чтобы они вместе могли решать поставленные задачи; г) показать, насколько эффективной бывает командная деятельность при принятии управленческих решений; д) выработать алгоритм принятия групповых решений; е) определить степень взаимопонимания и взаимодействия между сотрудниками компании; ж) выработать методы и способы достижения успеха (обеспечить верные коммуникации между членами команд для максимально быстрого решения поставленной задачи, провести командную игру и таким образом достичь единой цели, получить единый результат, помочь участникам получить навыки создания команды в условиях управляемого коллектива и командной работы).

Для проверки эффективности социально-психологического тренинга для повышения внутренней мотивации менеджеров было повторно проведено тестирование по примененным ранее методикам, в результате чего были получены следующие результаты: уровень психической устойчивости повысился почти на 10%; общая способность к управленческой деятельности также повысилась на 12%; приверженность к авторитарному и демократическому стилям руководства практически не изменилась, а к уровню совершенного руководителя приблизились 5 менеджеров, что на 4 человека больше, чем до проведенного тренинга.

Данные результаты подтверждают, что социально-

психологический тренинг, является надежным инструментом повышения внутренней мотивации менеджеров, особенно при его не разовом проведении, а с последующим развивающим содержанием.

Проведенный эксперимент посредством применения тренинга с менеджерами позволил сделать следующие выводы:

1. Проведенное исследование позволило на основе анализа литературы вычленив наиболее существенные аспекты, позволяющие сформировать инструментарий повышения внутренней мотивации менеджеров, что определило научную новизну проведенного исследования.
2. Практическая значимость проведенного исследования определяется тем, что тренинг позволит менеджерам повысить свою внутреннюю мотивацию, направленную на применение эффективных тактик взаимодействия с подчиненными сотрудниками в вопросах отстаивания интересов, решения проблем, построения отношений и др.; а также анализировать свою силу и силу других работников; управлять личными эмоциями и анализировать чужие; оценивать область возможного соглашения и наилучшую альтернативу обсуждаемых условий деятельности; учитывать интересы сторон и вести структурированную коммуникацию для достижения взаимовыгодных целей; находить оптимальный результат, используя тактики кризисных, конкурентных и ориентированных на сотрудничество взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баженова Е. Мотивация и стимулирование на пути к успеху фирмы. - М.: АСТ, Сова, Харвест, 2018. - 192 с.
2. Вахнина В.В. Психологические особенности мотивации личности руководителя органов внутренних дел: Автор. дисс. ... канд. психол. наук. - М., 1999. - 26 с.
3. Глухов П.С. Социально-психологические характеристики инновационного лидерства менеджеров: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. - Челябинск, 2017. - 26 с.
4. Захарова Т.И. Стимулирование и мотивация на предприятии. - М.: ЕОАИ, 2018. - 265 с.
5. Опросник: самооценка руководителем стиля управления [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.miu.by/kaf_new/mpp/139.pdf
6. Семенов, Е.М. Тренинг эмоциональной устойчивости. - М.: Психотерапия, 2014. - 256 с.
7. Тест «Какой Вы руководитель?» [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://profitworks.com.ua/testy/test-kakoj-vy-rukovoditel>
8. Тест «Самооценка психической устойчивости руководителя» [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.gurutestov.ru/test/299/>
9. Тест Кейрси [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://teosophia.com/keirsej/index.htm>

© Швеньк Елена Владимировна (elena.shvenk@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ДОСТОИНСТВА

Андриевская Жанна Викторовна

*К.псх.н., доцент, Южный Федеральный Университет
zhandan3@gmail.com*

THE INFLUENCE OF CULTURE ON THE FORMATION OF NATIONAL DIGNITY

Zh. Andrievskaya

Summary: The article examines the actual aspects of the formation of a sense of national dignity through the prism of key cultural factors influencing a person's personality. The role of culture as the main factor in the formation of national dignity throughout the history of the Russian state and society is emphasized. The specificity of the historical development of Russia determines the typified features of human thinking that form the foundation of national identity. The conclusion is made about the importance of the basic institutions of socialization of the individual as tools for the formation of a sense of national dignity.

Keywords: national dignity, Russian people, thinking, self-awareness, culture.

Аннотация: В статье рассмотрены актуальные аспекты формирования чувства национального достоинства сквозь призму ключевых культурных факторов воздействия на личность человека. Подчеркивается роль культуры как главного фактора формирования национального достоинства на протяжении всей истории российского государства и общества. Специфика исторического развития России определяет типизированные черты мышления человека, которые составляют фундамент национальной идентичности. Сделан вывод о значении базовых институтов социализации личности как инструментах формирования чувства национального достоинства.

Ключевые слова: национальное достоинство, русский народ, мышление, самосознание, культура.

Категория «национальное достоинство» не часто попадает в фокус внимания социальных дисциплин. Как предмет исследования наук политического и правового цикла «достоинство» обыкновенно употребляется в контексте прав человека и представляет собой морально-нравственную категорию самоуважения человека, подчеркивающую его внутреннюю ценность и выступающую фундаментом всех притязаний личности на права и свободы. Национальное достоинство реже подвергается понятийному анализу и редко включается в научные исследования по культурогенезу. В философии достоинство характеризует личность вне ее связи с какими-либо внешними условиями и, восходя к кантовской моральной философии, выступает основанием выражения воли, противостоящей корыстным и утилитарным побуждениям индивида.

Выступая в качестве социально-философской категории, национальное достоинство концентрирует в себе интроспективный взгляд нации на самое себя, выступая в качестве основы для национального самосознания и самоуважения. Обращение к проблематике генезиса национального достоинства особенно актуально в контексте форсированных глобализационных процессов, традиционно рассматриваемых в качестве угрозы для национальной идентичности человека и, как следствие, угрозы его национальному самосознанию. В связи с этим чрезвычайно важно составить панорамное представление об основных историко-культурных факторах формирования национального достоинства, прилагая

данное понимание к современному российскому обществу. Здесь необходимо отметить, что национальное достоинство, рассматриваемое в антропологическом и социальном значении, фундирует базовые модели человеческого поведения, где «ядром выступает этика, постулирующая диалектику добра и зла, отношение к долгу, ответственности, свободе, справедливости, жизненным ценностям любви, семьи, смыслу жизни» [1, с. 155].

Истоки чувства национального достоинства, рассмотренного в контексте культурогенеза русского народа, связаны с процессами этногенеза славянских племен, ориентировочной точкой отсчета которого является IV век н.э. Возникновение русского этноса происходит в момент объединения ряда восточноевропейских славянских племен, хронологически предшествующий генезису древнерусской государственности. Реконструкция ранних этапов развития культуры русского народа осложнена дефицитом письменных источников. Однако в своей основе она подчиняется общим закономерностям, типичным для периода разложения родоплеменного строя. Мировоззрение славянских общностей в данную эпоху определяется процессом перехода от мифологического к религиозному мировосприятию. Славянская мифология в качестве первичного субстрата этнической культуры представляла собой совокупность базовых представлений славянских народов, концептуализирующих ценностные и регулятивные установки общественного устройства. Для мифологического мировоззрения типичным яв-

ляется недифференцированный характер социальной регуляции, предполагающий синкретизм правовых, моральных и обычных правил поведения.

Интенсивность процесса культурогенеза у древних славян усиливалась по мере становления ранних государственных образований и развития институционализированных форм вечевого управления. Княжеская власть, аккумулируя в себе военные, административные и судебные функции, постепенно приобрела свойства организующего начала социального бытия, выступающего в качестве нормы жизнедеятельности общины. Последовательное исчезновение языческой религии в результате христианизации древнерусского государства послужило каналом заимствования базовых идеологических и культурных концептов из Византийской империи. Импорт моральных ценностей и культурных традиций из Византии обеспечил закрепление в русской культуре идей христианского универсализма, превосходства духовного начала над материальным, симфоническое взаимодействие светской и духовной властей. Византия обеспечила развитие на почве древнерусского менталитета этатистских представлений о всеобъемлющей роли государства в общественной жизни. Систематическое воспроизводство нарративов справедливости в памятниках древнерусской книжности также традиционно приписывается влиянию византийско-христианских идей [3, с. 132].

Национальное мышление христианизированного древнерусского общества не могло ограничиться сообщениями формальной справедливости, но находило значимым согласование принципа воздаяния с необходимостью христианского снисхождения и милосердия к преступающим закон слабым и убогим членам общества. Тем самым основные начала православной духовности приобрели статус великих ориентирующих смыслов для культуры и мышления русского народа. Развитие государства и его системы у древнерусского народа происходило одновременно с процессом христианизации всей социальной системы.

Объединение русских земель под началом московского централизованного государства сформировало существующую по сегодняшний день центр-периферийную модель территориального развития страны, поставившую в прямую зависимость провинциальные районы от административной столицы. Отныне чаяния людей, проживающих на отдаленных землях, навсегда оказались увязаны с действиями административного центра, обуславливая социально-политическую инфантильность и государственный абсентеизм русского человека [2, с. 122].

Самодержавный характер государственного управления окончательно закрепил этатистские настроения

в качестве смыслообразующего компонента национального мышления, и связал любые позитивные социальные трансформации в последующем с проявлением доброй воли автократической власти. В результате многообразные очаги развития национального самосознания, возникшие на территории некогда единого древнерусского государства, были последовательно замещены культурой московского государства. К моменту завершения процесса объединения русских земель можно говорить о формировании целостного национального мышления и культуры, специфические черты которых определили национальную самобытность русского народа, и отчетливые элементы которых просматриваются в российском менталитете по сегодняшний день.

Другим важнейшим культурным фактором формирования национального достоинства стала непрерывный с определенного исторического момента процесс территориальной экспансии. В случае российского государства экспансия качественно отличалась от процессов европейской колонизации. Присоединение новых территорий не носила ярко выраженного характера связи «колония - метрополия», а часто приводила к этническому смешению политических элит. Фактически постоянный процесс прирастания новыми территориями формирования особую ментальную установку для русского человека, который стал связывать будущие позитивные изменения с процессами расширения и территориального государства, в более узком смысле – с необходимостью подчинения индивидуальных интересов несопоставимо более значимым интересам государственного строительства. Национальное мышление оказалось подчиненным задачам сохранения контроля над обширной территорией.

Фигура монарха представляла собой сакрализованный властный институт, наделенный непропорционально большим социальным и политическим авторитетом по отношению к промежуточным звеньям бюрократической системы управления от властной верхушки к управлению на местах. Трансмиссия религиозно-философских представлений о мировой роли государства от Константинополя к Москве («Москва - Третий Рим») создало достаточные предпосылки для политической и культурной экспансии русского государства на близлежащие территории. На психологическом уровне подобные трансформации создавали в русском народе ценностные установки безропотного подчинения сильной власти и безинициативности в деле государственно-правового строительства. Результатам рассмотренных процессов стали следствия самого различного характера. Господство государства обыкновенно рассматривается в качестве предпосылки правового нигилизма русского человека [4, с. 36].

Иными очагами формирования чувства нацио-

нального достоинства в России на протяжении всей ее истории оставались базовые социальные институты. Основным проводником национальной культуры традиционно остается семья как первичный институт социализации личности человека. Благодаря семье происходит приобщение индивида к базовым культурным постулатам и национальным традициям, что вы ступает в качестве основного культурного фактора развития чувства национального достоинства. Фактически, рассматривая проблему генезиса национального достоинства, неразрывно связанного с патриотизмом и национальной идентичностью личности, проводниками данных чувств выступают все базовые институты социализации личности – от семьи до школы, от университета до армии. Транслируя в процессе педагогического сопровождения взросления человека все элементы национальной культуры, данные институты способствуют формированию развитого чувства национального самоуважения и патриотизма.

Таким образом, следует констатировать, что основными факторами формирования чувства национального достоинства личности являются социальные институты религии, государства, семьи, образования. В разные исторические эпохи влияние этих институтов происходило в разных комбинациях и с разной степенью интенсивности. Однако их воздействие прослеживается на протяжении всей российской истории, проникавшего в структуру национального мышления человека.

Очевидно, что ключевым носителем национального достоинства является само общество и наполняющие его социальные отношения, на гармонизацию которых работает механизм трансляции культуры и традиций государства. Достоинство личности, нации, государства заключается в том, чтобы быть услышанным, признанным, авторитетным в диалоге культур, а сам диалог культур становится диалогом национальных достоинств на разных уровнях антропосоциальных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коломиец Г.Г. Национальное достоинство в социальном и антропологическом аспектах // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2016. № 7. С. 152-159.
2. Костина А.В. Общероссийская идентичность в системе национальной безопасности государства // Ученый совет. 2021. № 2. С. 120-125.
3. Мальцев К.Г., Алавердян А.Л. Гражданская нация и этническая идентичность: к вопросу о «сущности русской нации» // Социально-политические науки. 2021. Т. 11. № 2. С. 131-139.
4. Напсо М.Б. Национальная идентичность в современных условиях: к вопросу о перспективах правового признания ценностей национальной идентичности // Современное право. 2021. № 4. С. 34-39.

© Андриевская Жанна Викторовна (zhandan3@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ОСНОВА СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ КНР

Захаров Михаил Юрьевич

*Д.ф.н., профессор, Государственный университет
управления, г. Москва*

Шишкова Анастасия Викторовна

*к.ф.н., доцент, Государственный университет
управления, г. Москва
avs.guu@gmail.com*

THE SOCIO-CULTURAL BASIS OF THE MODERN SYSTEM OF PERSONNEL TRAINING FOR PUBLIC ADMINISTRATION OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

**M. Zakharov
A. Shishkova**

Summary: In old China, two main systems of managerial education have historically developed: a recommendation and control system and a multi-level system of vocational education, one way or another involving the selection of applicants for public service, their training, certification and appointment. This historical experience, which is consciously or unconsciously used in the modern system of personnel training for public administration of the People's Republic of China, requires critical reflection and study. The article analyzes the historical features and socio-cultural prerequisites of the existing system of personnel training for public administration in China and concludes that it is based on a solid socio-cultural foundation and is aimed at the digital future of Chinese society.

Keywords: public administration, public service, management education, personnel training system, China.

Аннотация: В старом Китае исторически сложились две основные системы управленческого образования: рекомендательно-контрольная система и многоуровневая система профессионального образования, так или иначе предполагающие отбор претендентов на государственную службу, их обучение, аттестацию и назначение. Данный исторический опыт, который осознанно или неосознанно используется в современной системе подготовки кадров для государственного управления КНР, требует критического осмысления и изучения. В статье проанализированы исторические особенности и социокультурные предпосылки существующей в КНР системы подготовки кадров для государственного управления и сделан вывод, что она опирается на прочный социокультурный фундамент и нацелена на цифровое будущее китайского общества.

Ключевые слова: государственное управление, государственная служба, управленческое образование, система подготовки кадров, Китай.

Исторический опыт свидетельствует о том, что на всех этапах государственного строительства Китая имел хорошо обученных управленцев, уделял много внимания их профессиональной подготовке. Именно знания всегда помогали продвигаться по карьерной управленческой лестнице, получать соответствующее качество жизни, поэтому в старом Китае понятия «ученый» и «чиновник» как правило объединялись, потому что чиновничество подразумевало высокую ученость. Отголоски этого мы встречаем и в современной китайской ментальности — в организации в первую очередь уважительно относятся к должности, к тому уровню знаний и компетенций, которые она предполагает, а лишь во вторую к личным качествам человека, занимающего ее.

В старом Китае исторически сложились две основные системы управленческого образования: рекомендательно-контрольная система и многоуровневая система профессионального образования. Обе системы так или иначе включали отбор претендентов на государственную службу, их обучение, аттестацию и назначение.

Основным принципом отбора в рекомендательной системе, просуществовавшей вплоть до династии Сун (960-1279 гг.), выступало наличие у претендента рекомендаций представителей влиятельного клана национального уровня.

Наряду с рекомендациями практиковалась система экзаменов, позволяющая более беспристрастно определять личные особенности и управленческие способности претендентов. Такие экзамены, например в философских школах (их тоже привлекали для отбора претендентов), проходили в форме сочинения, которые по замыслу устроителей отражали основные качества испытуемого и давали право судить о пригодности или не пригодности человека к управленческой деятельности.

Система экзаменов постоянно совершенствовалась, и в эпоху династии Тан (618-907 гг.) сформировалась многоступенчатая централизованная система государственных экзаменов, в которой наряду с первичными претендентами, стали принимать участие и действующие чиновники. Это была сложная в организационном

плане система, включающая множество мероприятий по подготовке и проведению экзаменов, частью которых было психологическое испытание претендента на государственную должность. Прошедших экзамен поздравляли и чествовали, их имена оглашались публично, списки развешивались на стенах сооружений, информация рассылалась во все города провинции. Затем их назначали на различные государственные должности, начиная с местных государственных органов и заканчивая первичной стажировкой в высоком чиновничьем ведомстве, что определяло уровень жалования и соответствующих льгот.

Сложившаяся система впоследствии подвергалась различным модернизациям, но всегда реализовывала базовые условия: отсутствие возрастных, территориальных и языковых ограничений (несмотря на множество диалектов на экзамене использовался лишь один язык), определенный уровень достатка обучающегося, наличие требуемых знаний, а также природных способностей к управленческой деятельности. Это позволяло в определенной мере решать задачу национального уровня — не пропускать в государственное управление людей с низким уровнем знаний и управленческих способностей, сформировать единую управленческую элиту и обслуживающую ее систему общенациональных культурных ценностей.

Следующим шагом в подготовке профессиональных управленцев стало появление специализированных учебных заведений различного уровня. Во II веке до н.э. учреждаются должности ученых-чиновников, которым предписывается заниматься изучением конфуцианских сочинений, а в 124 г. до н.э. император повелевает отбирать во всех провинциях способных для управленческой деятельности молодых людей. Так начинается целенаправленный и систематизированный процесс передачи конфуцианских знаний, так был учрежден университет, целью которого стала подготовка профессиональных администраторов, причем уровень управленческого образования определял в дальнейшем палитру карьерных возможностей и требовал постоянного подкрепления с помощью системы регулярной аттестации и управленческого рейтинга.

Традиционное управленческое образование было неразрывно связано с традиционным конфуцианским воспитанием, поэтому правильнее было бы называть традиционное управленческое образование и воспитание конфуцианским.

Специалисты по-разному оценивают традиционную систему постоянного управленческого образования и встроенную в нее систему воспитания старого Китая. С одной стороны, современные исследователи правомерно указывают на ограниченность образования опре-

деленным кругом дисциплин, узость управленческих знаний и их оторванность от реальной жизни, а также свойственные любой административной системе злоупотребления — такие как подкуп экзаменаторов, назначение на управленческую должность без соответствующих оценок и проч.[6].

С другой стороны, исследователи говорят об эффективном учете в системе управленческой подготовки исторических и национальных особенностей страны, а также доступности системы подготовки практически для всех слоев населения. Данная система подготовила первый равноправный обмен учащимися между Китаем и Северной Америкой в середине XIX века, сформировала устойчивую историческую тенденцию, в соответствии с которой Китай, по крайней мере до 1949 года, практически не имел богатых людей с плохим образованием, и любой государственный служащий в полном объеме обладал хорошими управленческими навыками. Надо отметить, что имперская экзаменационная система также привлекла внимание западных государственных деятелей. В частности, утверждает, что эта система оказала важное влияние на доклад Норткота-Тревелияна, который, в свою очередь, сыграл важную роль в реформе государственной службы в Британской Индии и Соединенном Королевстве, а также повлиял на закон Пендлтона (закон США о реформе государственной службы 1883 года, который установил собственную систему конкурсных экзаменов для работы в федеральном правительстве) [3].

Социокультурная основа хорошо просматривается в современной системе подготовки управленческих кадров, исторический опыт старого Китая активно используется в управленческой практике. Современная система управленческого образования является многоступенчатой и объединяет полный цикл, начиная от первичной подготовки кадров для государственной службы и заканчивая переподготовкой административных кадров высшего уровня. Сегодня в стране функционирует развитая сеть учебных заведений, среди которых выделяется созданная в 1993 году Государственная административная академия для подготовки высших управленческих кадров. Она выступает главным национальным научным и методическим центром управленческого образования, который курирует все элементы образовательной системы: административные институты на уровне провинций, где проходят обучение служащие среднего и нижнего звена, партийные школы, образовательные высшие учебные заведения, которым дано право подготовки управленческих кадров.

Наряду с образовательными учреждениями функционирует открытая система приема на государственную службу, которая ежегодно публикует правила приема, требования к управленческим должностям, а также про-

водит предварительную проверку соискателей и экзамен в форме тестирования (знание математики, логики и китайского языка, написание эссе по заданной тематике). Заключительным этапом является собеседование семерых экзаменаторов с претендентом на управленческую должность. По разным данным ежегодно до полумиллиона претендентов принимают участие в испытаниях, и конкурс в среднем составляет около 50 человек на одно место. Как правило, от момента подачи документов, сдачи экзамена и зачисления на государственную службу проходит около года.

Современный Китай активно поддерживает традиции управленческого образования и предпринимает шаги для профессионализации управленческих кадров. Однако несмотря на древние традиции образования государственных служащих, современный опыт обучения государственному управлению в университетах насчитывает менее 100 лет. Активное развитие китайских академических исследований началось с 1980-х годов – после конца Культурной революции в середине 1970-х годов прежняя система была разрушена, и ее пришлось выстраивать с нуля, причем на тот момент страна была практически полностью изолирована от международного исследовательского сообщества. Однако всего за четыре десятилетия исследовательский вклад Китая в мировую научную мысль превзошел ожидания многих исследователей [2]. В период серьезной социальной трансформации 50-70х годов в Китае не было исследований и преподавания в области административных наук, и ещё в начале 80-х годов в учебных заведениях отсутствовали программы общественно-государственного управления, равно как и не существовало китайских учебников по этой области знаний. Однако в 1988 году было создано Китайское общество по управлению (CPAS), а в 1994 году – Китайская академия управления. Более 200 учебных заведений получили право предлагать обучение с присвоением степени магистра государственного управления (Master of Public Administration), и в период с 1999 по 2015 год более 82000 человек получили эту степень. После 2015 года около 1000 университетов стали предлагать программы бакалавриата по данному направлению, и более 50 университетов – программы докторантуры [3]. Таким образом, приостановившись с установлением нового социалистического режима, после открытия Китая и реформ, управленческое образование и исследования в области государственного управления стали быстро развиваться: государственное управление превратилось в самостоятельную дисциплину, была создана система академического образования от бакалавров до докторов наук в области государственного управления и разработана ориентированная на государственных служащих программа МРА [4].

В настоящее время Китай предлагает свою модель государственного управления, которая была вдохнов-

лена политическим выживанием коммунистической идеологии, несмотря на распад СССР, и экономическим успехом после Великой рецессии. Среди характеристик этой модели называются следующие: превосходство Коммунистической партии Китая, которая назначает все политические и административные должности и командует вооруженными силами, сильное руководство и программа реформ; всеобъемлющая национальная стратегия, направленная на улучшение экономики, политики, общества, культуры и окружающей среды Китая; колоссальный спрос и предложение в области государственной службы (на население в 1,372 млн человек приходится более 36 млн государственных служащих разного уровня и более 300 тысяч государственных предприятий); пристальное внимание к экономике и финансам (рост ВВП является главным критерием оценки деятельности высших должностных лиц); изучение передового опыта и примирение Востока и Запада (интеграция лучших западных и восточных традиций); выход на глобальный уровень (экономическое развитие за рубежом, оказание политического и культурного влияния) [1]. Здесь нужно отметить, что одним из способов, с помощью которого Китай продвигает свое глобальное влияние и экономическое сотрудничество, является привлечение иностранных студентов в свои университетские программы. Как и высшее образование целом, китайское образование в области государственного управления активно интернационализируется – за последние два десятилетия в Китае произошла быстрая интернационализация образования в области государственного управления, сначала в связи с участием в ВТО, а затем с продвижением Китаем стратегии «Один пояс и один путь». Интересно, что интернационализация была заложена в китайские программы МРА и аналогичные образовательные программы изначально — эти программы были впервые созданы в 2001 году, когда Китай вступил в ВТО [5].

Совершенствование системы государственной службы неразрывно связано с процессом информатизации как управленческого образования, так и собственно государственного управления. Еще в 1984 году Дэн Сяопин заявил о необходимости внедрения информационных технологий в процесс модернизации государственного управления, после чего предпринимались различные, не всегда эффективные попытки создания автоматизированных систем управления в органах власти, формулирования базовых направлений китайской информатизации (планирование, государственное доминирование, единые стандарты, единая архитектура, связи между органами власти, объединение ресурсов), реализации проекта «Электронное правительство» (период 2001-2005 гг. было создано более 10 000 вебсайтов, на разработку которых затрачено свыше 100 миллиардов долларов). Сегодня обеспечена стабильная работа во всех регионах системы онлайн консультаций, оказания различного

вида цифровых услуг.

Таким образом, существующая в КНР система подго-

товки кадров для государственного управления опирается на прочный социокультурный фундамент и нацелена на цифровое будущее китайского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Chan, J.L., & Wang, X. (2018). Debate: What is public administration? PA with contemporary Chinese characteristics. *Public Money & Management*, 38(1), 51–52. <https://doi.org/10.1080/09540962.2017.1389535>
2. Horta, H., & Shen, W. (2020). Current and future challenges of the Chinese research system. *Journal of Higher Education Policy and Management*, 42(2), 157–177. <https://doi.org/10.1080/1360080X.2019.1632162>
3. Kim, P.S. (2017). The development of modern public administration in East Asia. *International Review of Administrative Sciences*, 83(2), 225–240. <https://doi.org/10.1177/0020852316685162>
4. Li, X., Han, Y., & Kim, P.S. (2018). The development of China's public administration education. *Teaching Public Administration*, 36(2), 163–177. <https://doi.org/10.1177/0144739418764537>
5. Sun, C., Bwanali, T.R., Berry, F., & Yi, H. (2021). Internationalization of public administration education in China: International students' perspective. *Journal of Public Affairs Education*, 27(1), 72–95. <https://doi.org/10.1080/15236803.2019.1699984>
6. Чжоу, С. (2010) Консерватизм в Китае конца XIX в.: модернизация конфуцианства. *Вопросы философии*, 8, 167–174.

© Захаров Михаил Юрьевич, Шишкова Анастасия Викторовна (avs.guu@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Государственный университет управления

ПРОБЛЕМА ЧЕТВЕРТОЙ ПАРАДИГМЫ ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ

THE PROBLEM OF THE FOURTH PARADIGM OF SOCIAL SCIENCE

V. Kemerov

Summary: In the last quarter of the twentieth century, all existing expectations in the field of integration of socio-economic trends have significantly increased and a new paradigm of social science has emerged that determines the overall picture of the social world and opens up ways for cooperation between different social systems. In this regard, the concept of globalization, which initially contains a contradiction, was brought to the fore. Against this background, in the article the author tries to answer the question of whether globalization means the acceptance by various societies, cultures and regional blocks of common norms and standards of interaction, or globalization takes place on the basis of one practical and scientific-ideological paradigm, to which all the others are adjusted.

Keywords: paradigm, social contacts, social science, conflict of interest, social strategy.

Кемеров Вячеслав Евгеньевич

Д.ф.н., профессор, Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург
kemerov1444@yandex.ru

Аннотация: В последней четверти двадцатого столетия существенно возросли все существующие ожидания в сфере интеграции социально-экономических трендов и возникла новая парадигмы обществознания, определяющая общую картину социального мира и открывающая пути сотрудничества разных социальных систем. В связи с этим, на первый план было выдвинуто понятие глобализации, которое изначально содержит в себе противоречие. На этом фоне в статье автор пытается дать ответ на вопрос о том, означает ли глобализация принятие различными обществами, культурами и региональными блоками общих норм и стандартов взаимодействий, либо глобализация проходит на основе одной практической и научно-идеологической парадигмы, под которую подстраиваются все остальные.

Ключевые слова: парадигма, социальные контакты, обществознание, конфликт интересов, социальная стратегия.

Парадигме, речь о которой пойдет в рамках настоящего исследования, предшествовали три иные парадигмы.

Первая парадигма длилась до середины 19 века. В ее рамках доминируют абстрактно-общие характеристики человеческого бытия, познания. Отсутствует интерес к повседневной жизни людей, влиянию их практических интересов на состояние общества. Вторая парадигма - середина 19 до середины 20 века. В заданный период имело место возникновение общественных наук с их ориентацией на естественно-научную методологию. Начинает действовать стихийное разделение труда, а затем и разделение наук о природе и наук о культуре, социальных и гуманитарных дисциплин. Естественно-научная методология перестает быть надежным ориентиром, поскольку позитивистские принципы отступают под натиском новейшего естествознания с его интересом к неклассическим объектам. Наступает эпоха методологического плюрализма.

Третья парадигма сопряжена с практическими запросами организации и использования качественных аспектов деятельности людей в решении экономических, экологических и социальных вопросов.

Системные стратегии показывают, что общество не строится как детский конструктор; оно само создает свои элементы. Причем эти элементы вырастают во вза-

имодействии человеческих индивидов, а система в своем бытии не только опирается на них, но и зависит от них в своем сохранении, функционировании и развитии. Возникает проблема изменения системы и её реконструкции в зависимости от качества человеческих взаимодействий.

Перед обществознанием вырастает задача преодоления дисциплинарной фрагментации и выработки форм, улавливающих характер влияния деятельности людей на развитие социальных форм [1]. Возникает иллюзия некой мультипарадигмы, но она нарушается тем, что формируются разные линии глобализации. Одна, в которой становятся возможными транспортные связи разных зон социального пространства и коммуникации, позволяющие соединять действия любых субъектов социального мира. И вторая, в которой общества, региональные субъекты, военно-политические блоки устанавливают жесткие границы для конкурентов. Теснота региональных и локальных взаимодействий порождает новые условия не только для интеграции, но и для конфликтности. Вторая, условно говоря, глобализация мобилизует культурные и религиозные ресурсы для укрепления отдельных социальных систем.

Первоначальная идея глобализации, предполагающая объединение социального пространства человечества, наталкивается на проблему границ. Так, они не только раздвигаются, но напротив, начинают укрепляться или проводиться вновь. Ситуация усугубляется

появлением пандемии (COVID-19). Положение начинает напоминать то, что сложилась в Средневековой Европе. Кордоны и барьеры возникают не только между регионами, странами, союзами, но и в отдельных социальных системах. Социальное пространство разрывается на фрагменты. Единый социальный хронотоп не оформляется. На первый план снова выходит социальное пространство и его фрагментация.

Конкретным образом современного социального пространства может служить практика создания «пузырей», сложившаяся в спорте последнего пятилетия. Собираются команды, представляющие лигу или федерацию, и выясняют победителя и призеров. Причем вход в замкнутое пространство закрыт, а выход из него не предполагается до завершения состязаний. Пространство и время этих «пузырей» четко зафиксировано и оберегается соответствующими службами. Так и всеобщее социальное пространство превращается в некое поле, заполняемое отдельными «пузырями», в пределах каждого из которых концентрируются социально-экономические интересы, а вместе с ними и культурные ориентации, религиозные и национальные амбиции.

Социальное пространство предстает сложной структурой, в которой расположены абстрактные траектории эволюции и конкретные социальные «пузыри» со своими силами и интересами. Такому социальному пространству соответствует и социальное время, где совмещаются некие абстрактные измерения и соседствующие, но изолированные друг от друга системы, со своими собственными хронотопами, своими интересами и устремлениями. Вырастает симбиоз времени и пространства: в нем сопрягаются разные «пузыри» со своими особыми хронотопами и разные времена с их различными формами протекания.

В общественном сознании конца двадцатого столетия определились две концепции мировой социальной системы. Обе они исходили из того, что в современном социальном мире нарастает плотность события разных регионов и обществ. Главная проблема - характер взаимодействия этих локальных социумов. Отличие этих концепций от стратегии локальных цивилизаций Данилевского, Шпенглера, Тойнби состояло в том, что ни одна из этих локальных цивилизаций не свободна в своем расцвете и в сво-

ем упадке. Плотность контактов такова, что они в любом случае затрагивают коренные интересы сопредельных общественных образований.

Разделенное социальное пространство становится пространством совместности. И. Валлерстайн считал, что образуется единая Мир-система, в которой периферийные подсистемы концентрируются вокруг центров (сначала двух, потом – одного) [2]. С. Хантингтон предположил, что сближение разных социальных систем приводит к повышенному напряжению и последующим конфликтам. На рубеже XX-XXI веков стало ясно: сценарий Хантингтона близок к реализации [3].

Одновременно с этим, научное общественное сознание не продвинулось к созданию новой парадигмы. Отчасти, подействовала практическая ситуация с её кризисными тенденциями. Отчасти, случилось так, что в общей атмосфере кризиса в самом общественном сознании возобладал стереотип Второй парадигмы, когда доминировал принцип взаимоисключающей дополненности. Совместность дисциплин стимулировала их разобщенность и конфликтность. Принцип разделения совместной деятельности пронизал отношения университетов, научных школ, факультетов и кафедр. Естественно, он сказался и на практике образования. Пространственная (читай - институциональная) кооперация школ сказалась и на картинах мира, которую они воспроизводят.

Идея общего социального хронотопа и, соответственно, новой парадигмы общественного сознания отодвигаются в неопределенное будущее. Нарастающая совместность укрепляет логику раздельности. Старые принципы простой кооперации стимулируют принципы простой конкуренции, где преимущество опять переходит к ресурсным и пространственным факторам. Пространство снова перевесило время, время интенсивной деятельности людей, время качественного развития.

Социальное пространство, отодвигая социальное время на второй план, демонстрирует свои преимущества перед социальными изменениями, затемняет зависимость своих форм и границ от динамики социальной эволюции, от взаимодействия социальных систем и человеческих индивидов [4].

ЛИТЕРАТУРА

1. Кемеров В.Е. Общество, социальность, полисубъектность: книга. - М.: Академический проект, 2012.
2. Wallerstein, Immanuel. The End of the World as We Know it: Social Science for the Twenty-first Century. Minneapolis, University of Minnesota Press. 1999
3. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций: книга. - М.: АСТ, 2003.
4. Simon B.S. History in times of Unprecedented Change. London. Bloomsberg Academic, 2019

© Кемеров Вячеслав Евгеньевич (kemero1444@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОЧЕМУ НЕЛЬЗЯ СОЗДАТЬ МАШИНУ ВРЕМЕНИ

WHY IT IS IMPOSSIBLE TO
CREATE A TIME MACHINE

**T. Lolaev
A. Gabaraev
A. Dryaev**

Summary: It is known that science allows time travel. In this case, first of all, they refer to K. Gödel, who found the exact cosmological solution of the Einstein field equations. It contains closed timelike curves which, despite being closed, represent possible trajectories of bodies.

However, according to the authors, the conclusion of Kurt Gödel, according to which time travel is theoretically permissible, is not legitimate. At the same time, they are guided by the fact that, according to the functional concept, time, as well as space-time, are non-substantial and therefore cannot be curved.

According to science, so-called "wormholes" are allowed in nature, which are consistent with the general theory of relativity, and can make it possible to travel through time. However, the time of the general theory of relativity is subjective, arising only in the human mind, and therefore "wormholes", according to the authors, do not form in nature.

According to string theory, cosmic strings are infinite and form closed loops – "folds" of space-time, within which one can also travel through time.

From the point of view of the authors, due to the non-substantiality of space-time, strings cannot form "folds" of space-time, within which one could travel in time.

It is not possible to create a time machine for other reasons, which are discussed in the article.

Keywords: time, objective time, functional time, subjective time, present tense, past tense, future tense, Time Machine.

Известно, что наука допускает путешествия во времени. Кроме того, в течение многих лет, в разных странах мира, признанные специалисты, а иногда и любители, расходуют на попытки построить машину времени немалые финансовые средства, тратят время и нервную энергию.

В этой связи, в данной статье мы попытаемся доказать, что создание машины времени невозможно в принципе. Для реализации этой цели мы последовательно и, на наш взгляд, реалистично, обоснуем неправоту ряда возможностей создания машины времени,

Лолаев Тотраз Петрович
Д.ф.н., профессор, Северо-Кавказский
горно-металлургический институт (государственный
технологический университет)

lolaev.tp@gmail.com

Габараев Анатолий Дмитриевич
К.ф.н., доцент, Юго-Осетинский государственный
университет

Дряев Аксентий Герисоевич
Доцент, Северо-Кавказский горно-металлургический
институт (государственный технологический
университет)

Аннотация: Известно, что наука допускает путешествия во времени. При этом, прежде всего, ссылаются на К. Гёделя, который нашел точное космологическое решение уравнений поля Эйнштейна. Оно содержит замкнутые времениподобные кривые, которые, несмотря на то что они замкнуты, представляют собой возможные траектории тел.

Однако, по мнению авторов, вывод Курта Геделя, согласно которому теоретически путешествия во времени допустимы, не правомерен. При этом, они руководствуются тем, что, согласно функциональной концепции, время, а также пространство-время, несубстанциональны и в этой связи не могут искривляться.

Согласно науке, допускается наличие в природе так называемых «кротовых нор», которые согласуются с общей теорией относительности, и могут дать возможность путешествовать во времени. Однако время общей теории относительности – субъективное, возникающее лишь в сознании человека, в связи с чем «кротовые норы», по мнению авторов, в природе не образуются. Согласно теории струн, космические струны бесконечны и образуют замкнутые петли – «складки» пространства-времени, внутри которых также можно путешествовать во времени.

С точки зрения авторов, по причине несубстанциональности пространства-времени, струны не могут образовывать «складки» пространства-времени, внутри которых можно было бы путешествовать во времени.

Создать машину времени не представляется возможным и по другим причинам, которые рассматриваются в статье.

Ключевые слова: время, объективное время, функциональное время, субъективное время, настоящее время, прошлое время, будущее время, машина времени.

высказанного многими исследователями.

Данное исследование выполнено с использованием диалектического метода и его принципов.

Обсуждаемая нами проблема возникла, когда выдающийся австрийский математик и философ Курт Гедель, в рамках общей теории относительности, нашел точное космологическое решение уравнений поля Эйнштейна.

Так, физик К.С. Шаров пишет: «В 1949 г. великий математик Курт Гёдель построил первую математическую

модель вселенной, в которой путешествие в прошлое, по крайней мере, в теории, представляется возможным.

В рамках общей теории относительности Эйнштейна Гёдель нашел точное космологическое решение уравнений поля Эйнштейна, которое содержит замкнутые времениподобные кривые, т.е. кривые в пространстве-времени, которые, несмотря на то, что они замкнуты, представляют собой возможные траектории тел. Объект, движущийся по такой траектории, вернулся бы в своё собственное прошлое к тому самому моменту, в который он начал своё путешествие. Сделан вывод о том, что теоретически путешествия во времени допустимы. Человечество пытается смоделировать ситуации, с которыми оно столкнется, если когда-либо машина времени будет построена, и разрешить потенциальные парадоксы перемещений во времени» [1, с. 164].

Как известно, А. Эйнштейн, вместо субстанциональной концепции времени И. Ньютона, предложил реляционную концепцию времени, в которой время уже не являлось физической сущностью. Оно было признано несубстанциональным.

И согласно функциональной концепции², время ни вещество, ни поле, ни особая субстанциональная реальность, а несубстанциональное пространство-время, по определению не могут искривляться.

В связи со сказанным подчеркнем, что, согласно функциональной концепции время, а также пространство-время, не будучи физическими сущностями, не могут искривляться [2, с.153]. В этой связи путешествия во времени недопустимы даже теоретически.

Следовательно, вывод Курта Геделя, согласно которому теоретически путешествия во времени допустимы, не верен.

Имея в виду теоретическое допущение, при котором путешествия во времени принципиально возможны, профессор Т.Я. Дубнищева отмечает: «Время путешествия, измеренное по часам того, кто двигался с такой скоростью, всегда меньше измеренного по часам того, кто оставался неподвижен («парадокс близнецов»). В 1911 г. Поль Ланжевен объяснил это явление тем, что один из близнецов удалялся с ускорением, т.е. требуемая СТО инерциальность системы нарушалась. Эйнштейн в 1916 г. объяснил парадокс влиянием гравитационного поля. Поскольку интервал между событиями различен в разных системах, время. Например, некоторые частицы космических лучей прилетают из космоса с околосветовыми скоростями, но имеют малое собственное время жизни. Однако они пролетают огромные расстояния, что для земного наблюдателя означает

сильное замедление времени. Продолжаются попытки достичь превышения скорости света в движущейся системе относительно наблюдателя течет медленнее, чем в системе, где он покоится» [3, с.195].

Во-первых, согласно функциональной концепции, несубстанциональное время не может быть связано непосредственно с субстанциональным светом.

Во-вторых, несубстанциональное время замедляться не может, замедляться могут лишь субстанциональные процессы, образующие время [2, с. 62].

Исследователи связывают возможность перемещения во времени также с использованием замкнутых траекторий искривленного пространства-времени вблизи массивных вращающихся тел. По этому поводу, Т.Я. Дубнищева отмечает: «К возможностям путешествий во времени обратились в конце XX столетия известные ученые — американский физик Кип Торн и российский астрофизик, чл.-корр. РАН Игорь Новиков. Поток времени Новиков сравнивает с течением воды. Вдали от сильных полей гравитации время течет одинаково направленно во всём пространстве от прошлого к будущему. В сильном поле пространство-время сильно искривлено, возникает «кратовая нора». Часть «потока времени» (как и вода) отделяется, входит в «туннель», течет в противоположную сторону и выходит из «туннеля» в прошлом. Так рождается «петля хода времени». Если космонавт отправляется в прошлое, это означает, что он делает «петлю хода времени», в которой события уже не разделяются на прошлое и будущее, а воздействуют друг на друга. В такой «машине времени» сегодняшние события определяются не только прошлым, но и будущим. Отсюда следует общепризнанный сформулированный впервые Новиковым принцип самосогласованности для машины времени: при наличии машины времени сегодняшние события должны быть согласованы не только с прошлым, но и с будущим» [3, с. 196].

Прежде всего отметим, что ни в сильном, ни в слабом поле несубстанциональное пространство-время не может быть искривлено. В этой связи «петля хода времени», по которой можно путешествовать во времени, не может возникнуть.

Кроме того, общепризнанный «принцип самосогласованности для машины времени: при наличии машины времени сегодняшние события должны быть согласованы не только с прошлым, но и с будущим» не может действовать, поскольку согласно функциональной концепции, несубстанциональное время в несубстанциональном пространстве не течет. Поскольку объективное время всегда настоящее, оно течет от настоящего к последующему настоящему, а не от несуществующего прошлого к несуществующему будущему [2, с. 74-79].

Как известно, в связи с запуском Большого адронного коллайдера физики рассчитывали на то, что в нём появится так называемая «кротовая нора» – дырка в иное время, которая якобы даст возможность путешествовать во времени. При этом они руководствовались положениями теории относительности, касающимися времени.

В этой связи в Интернете сообщили: «Подлинную сенсацию вызвали в научном мире и обществе российские ученые Ирина Арефьева и Игорь Волович, которые сформулировали теорию о возможности путешествия во времени.

Отчеты об их работе публикует сегодня влиятельный британский еженедельник «Нью Сайентист».

Сотрудники Московского математического института имени Стеклова – Арефьева и Волович считают, что построенный в Европейском центре ядерных исследований (ЦЕРН) под Женевой новейший ускоритель способен создать пространственно-временной туннель, в котором можно будет передвигаться во времени в двух направлениях - в будущее и прошлое.

В нынешнем году в ЦЕРН начнет работу давно ожидаемый гигантский ударный ускоритель, известный как Большой адронный коллайдер. В нем на предельных скоростных происходит встречное столкновение элементарных частиц, поясняет ИТАР-ТАСС.

Пока еще не ясно, что именно может произойти в результате их возможного распада или синтеза. Российские ученые не исключают, что одним из следствий станет создание «временных туннелей».

Теория относительности Эйнштейна, которая лежит в основе понимания сегодняшней физикой материального мира, не исключает возможности путешествия во времени.

В результате «Нью Сайентист» провозгласил нынешний год «Нулевым Годом» в истории человечества, после которого начнется новый отсчет времени в истории земной цивилизации» [4, сайт].

Функциональная концепция исключает возможность путешествия и в объективном времени, которое возникает и существует в природе, по причине его несубстанциональности.

Время же теории относительности не только несубстанционально, но и субъективно, а поэтому существует лишь в сознании человека. В этой связи путешествовать в этом времени, нет никакой возможности.

Другими словами, время теории относительности

субъективно, поскольку постулировано, придумано человеком. Следовательно, возможность путешествовать во времени теории исключена.

Т.Я. Дубнищева также пишет: «Недавно берлинские физики на опыте показали, что электроны в определенных условиях начинают вести себя так, словно у них отрицательная инертная масса. Отрицательная энергия в ничтожном количестве была обнаружена в 1948 г. как слабая сила притяжения между двумя незаряженными параллельными металлическими пластинами (эффект Казимира). Дело в том, что вакуум заполнен виртуальными частицами, и в силу принципа неопределенности существует некоторая вероятность того, что электрон и позитрон могут возникать из ничего, а потом аннигилировать. С внешних сторон на эти пластины будет давление больше, так как частиц больше, чем в пространстве между ними. Поэтому чем меньше расстояние между пластинами, тем больше сила их притяжения. В научной фантастике этот эффект был использован Артуром Кварком для создания двух парных червоточин, между которыми устанавливается информационный канал связи. Более точно эффект Казимира был измерен в 1996 г. в Лос-Аламосе Стивеном Ламоро. Согласно идее Торна, если эти две близкие параллельные пластины преобразовать в сферу и сделать две такие сферы, то между ними можно проложить червоточину - пространственный туннель. Если затем одну из сфер поместить в ракету и сообщить ей близкую к световой скорость, то время в этой сфере будет идти медленнее, чем во второй, которая осталась на Земле. Тогда переход по туннелю из неподвижной сферы в летящую и будет переходом в прошлое» [3, с. 199].

Мы не можем согласиться с тем, что в природе можно создать переход в прошлое», поскольку, поскольку несубстанциональные пространство и время с субстанциональным светом не взаимодействуют, а время, к тому же, не может замедляться, возможность создать машину времени отсутствует.

Профессор А.К. Гуц пишет: «Существующие проекты квантовых машин времени ограничиваются получением экземпляров вещей в том виде, в каком они были в прошлом или будущем. Они не используют механизм Геделя, а используют разрушение квантовой суперпозиции. Однако, что важно отметить, переход в прошлое квантовая машина времени осуществляет в объемлющем пространстве-времени» [5, с. 48].

Как нам представляется, по указанным выше причинам, нельзя создать и квантовую машину времени.

По мнению физиков, специалистов по теории струн в рамках квантовой механики предполагается наличие 11 измерений. В одном из них как раз и может существо-

вать портал для путешествия во времени.

Предполагается, что космические струны - тончайшие сгустки энергии, проходящие через всю длину Вселенной и обладающие огромной массой. Их диаметр тоньше атомного ядра, при этом они очень плотные: 1 тыс. км такой струны весят как Земля. Следовательно, они, как и черные дыры, тоже могут искривлять пространство и время вокруг себя. Есть теория, что такие струны бесконечны и образуют замкнутые петли - «складки» пространства-времени. Внутри них также можно путешествовать во времени.

В этой связи еще раз подчеркнем, что, по причине несубстанциональности времени и пространства, следовательно, и пространства-времени, струны не могут образовывать «складки» пространства-времени, внутри которых можно было бы путешествовать во времени.

Время несубстанционально, не является физической сущностью и в этой связи необратимо в принципе, поскольку, по указанной причине, оно не может возвращаться к самому себе. Следовательно, нельзя в необратимом времени возвращаться в прошлое.

Согласно функциональной концепции несубстанциональное время вне объектов процессов не существует и от объекта к объекту не переходит, поскольку оно несубстанционально. В этой связи перемещаться во времени нельзя.

Объективное время всегда настоящее, следовательно, нет ни прошлого, ни будущего времени. В этой связи также построить машину времени не представляется возможным.

Созданию машины времени, которая позволила бы наблюдателю перемещаться во времени, сопряжено с непреодолимыми препятствиями также в связи с тем, что материальные процессы необратимы.

В этой связи машина времени должна была бы обладать способностью повернуть вспять материальные процессы, если не во всей Вселенной, то в пределах светового конуса. Однако, если бы даже машина времени была способна повернуть вспять процессы в световом конусе и все люди, населяющие планету Земля, стали путешественниками во времени, они бы смогли наблюдать лишь небольшой период прошлого, точнее, - настоящего прошлого.

Не случайно еще Августин писал: «Совершенно ясно теперь: ни будущего, ни прошлого нет, и неправильно говорить о существовании трех времен: прошедшего, настоящего и будущего. Правильнее было бы, пожалуй, говорить так: есть три времени – настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего» [6, с. 438-439].

Взрослые люди становились бы все моложе, превращались бы в детей, а потом исчезали бы бесследно. Дети исчезли бы еще раньше. В этой связи путешествие в так называемое прошлое, которого в природе нет, прекратилось. Происходило бы не путешествие в прошлое, а отрицание предыдущих состояний каждого человека вплоть до его исчезновения как такового.

Кстати, машина времени, которая повернула бы обратно все процессы в световом конусе, в том числе и процессы ее изобретения, исчезла бы раньше, чем ее конструкторы.

Люди бы исчезали, ненадолго возвратившись в свое, будто бы прошлое, исчезали бы картины недавнего прошлого, возникающие лишь на некоторое время.

Но, если бы даже человек обладал возможностью поворачивать вспять все процессы в организме предполагаемого путешественника во времени, он бы, по указанным причинам, не смог наблюдать долго картину даже недавнего настоящего, якобы ставшее прошлым.

Со стороны наблюдалась бы такая картина: человек, на глазах у окружающих его людей, превратился бы вначале в ребенка, затем исчез бы бесследно как таковой.

Из всего сказанного вытекают следующие выводы:

Согласно функциональной концепции, время и пространство, а также пространство-время несубстанциональны и в этой связи не могут искривляться.

Согласно функциональной концепции, несубстанциональное время не связано непосредственно с субстанциональным светом и не замедляется.

Несубстанциональное пространство-время не искривляется и в этой связи «петля хода времени», по которой можно путешествовать во времени, не может возникнуть.

Время теории относительности не только несубстанционально, но и субъективно, а поэтому существует лишь в сознании человека. В этой связи путешествовать в нем в прошлое и будущее, нет никакой возможности.

Кроме того, согласно функциональной концепции времени, время всегда настоящее, а прошлого и будущего времен, в природе нет.

Время, а также материальные процессы необратимы в принципе и это исключает изобретение машины времени.

Несубстанциональное время не может переходить от объекта к объекту, а потому путешествовать в нем нельзя.

Таким образом, по нашему мнению, создать машину времени нельзя в принципе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лолаев Т.П. Функциональная концепция времени: Диссертация докт. филос. наук – М., 1993. С. 273.
2. Шаров К.С. Путешествия во времени: научная фантастика или наука? // Идеи и Идеалы, №2 (36), т. 1, 2018.
3. Лолаев Т.П. Новая концепция времени // VIII Международная научно-практическая конференция «Современные концепции научных исследований» Часть 7. Москва 28-29 ноября 2014, №8.
4. Дубнищева Т.Я. О принципиальной возможности путешествий во времени // Идеи и идеалы. - 2018. - № 2, т. 1.
5. Лолаев Т.П. Почему время не может ни замедляться, ни ускоряться // Материалы III Российского философского конгресса. Ростов-на-Дону, 2002. Т. 1.
6. Дубнищева Т.Я. О принципиальной возможности путешествий во времени // Идеи и идеалы. - 2018. - № 2, т. 1.
7. См.: Лолаев Т.П., Дряев А.Г. Почему время в природе и обществе всегда настоящее // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики, №1, 2021.
8. Источник: shortnews.rin.ru 12.02.2008.
9. Дубнищева Т.Я. О принципиальной возможности путешествий во времени // Идеи и идеалы. - 2018. - № 2, т. 1.
10. Гуц А.К. Не-геделевская машина времени // Математические структуры и моделирование. 2016, №3 (39).
11. Августин Аврелий. Исповедь. – М., «Даръ», 2007.

© Лолаев Тотраз Петрович (lolaev.tp@gmail.com), Габараев Анатолий Дмитриевич,
Дряев Аквсентий Герисоевич.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Северо-Кавказский горно-металлургический институт
(государственный технологический университет)

ХЕЙТЕРСТВО В СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ КАК СОВРЕМЕННОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ РЕСЕНТИМЕНТА

HATRED IN SOCIAL COMMUNICATION AS A MODERN MANIFESTATION OF RESENTMENT

N. Pisarevskaia

Summary: A modern person accepts values, often consumer ones, offered to him by society, strives to comply with the imposed trends, and sees this as a manifestation of his uniqueness. However, as a result, rejection and hatred of all those around him who stand out for some reason become a form of his self-affirmation. At the same time, the dissemination of information by means of mass communication ensured its accessibility, and social communication allowed people to speak out on any issue with impunity. All this leads to resentment, the manifestation of which in social communication is Hatred.

Keywords: Hatred, resentment, social communication, self-affirmation.

Писаревская Наталья Сергеевна

*К.филол.н., доцент, Московский международный университет
n-pisarevsk@mail.ru*

Аннотация: Современный человек принимает ценности, зачастую потребительские, предлагаемые ему обществом, стремится соответствовать навязываемым трендам, и в том видит проявление своей уникальности. Однако, в результате формой его самоутверждения становится отторжение и ненависть ко всем окружающим, выделяющимся по каким-либо основаниям. При этом распространение информации средствами массовой коммуникации обеспечило ее доступность, а социальная коммуникация позволила людям безнаказанно высказываться по любому вопросу. Все это приводит к resentimentу, проявлением которого в социальной коммуникации является Хейтерство.

Ключевые слова: хейтерство, resentiment, социальная коммуникация, ненависть, самоутверждение.

В XX веке в условиях промышленного производства групповым субъектом нового типа становится «масса», а индивид не осознает себя вне группы, но, тем не менее, агрессивно стремится к самоутверждению в ее рамках. Формой такого самоутверждения становится resentiment как отторжение и ненависть ко всем окружающим, к которым редуцируется неповторимость личностной самореализации. Тотально утверждая себя в resentimente, член группы признает себя уникальным, отвергая возможность уникальности другого.

В научный оборот понятие resentiment (с французского Ressentiment – мстительность) ввел в конце XIX века Ф.Ницше, он считал его движущей силой образования и структурирования моральных ценностей. Он говорил об этом явлении как о некоей атмосфере враждебности, сопровождаемой бессилием, проявляющейся в ненависти, злобе, мстительности. По мнению философа, именно resentiment в свое время определил появление морали рабов, искусственно создающих свое счастье и отрицающих внешний мир вследствие неудовлетворенности своим местом в нем. В его работе «К генеалогии морали» resentiment является определяющей характеристикой морали рабов, которая противостоит морали господ. «Восстание рабов в морали начинается с того, что ressentiment сам становится творческим и порождает ценности...» [3, с. 424-425]. В массовом обществе в resentiment, т.е. отторжение и ненависть к окружающим, преобразуется и неповторимость личностного самоутверждения, когда каждый, считая себя уникальным, от-

вергает возможность уникальности другого.

М. Шелер в работе «Ресентимент в структуре моралей» указывает на то, что «уклоняясь от позитивных моментов, resentimentный тип ищет противоположного негативного чувства и хватается за все, в чем хоть как-то может себя проявить. И по мере того, как это внутреннее движение прогрессирует, он, стремясь оправдать свой способ переживания ценностей, начинает произвольно «дискредитировать» само бытие. В конечном счете, это приводит к фальсификации предметной картины мира. Искаженная resentimentом картина мира, будучи фоном осуществляемых актов, постепенно превращается в фактор, способный наполнять действия смыслом, и в худшем случае может стать причиной «кризиса интерсубъективности»...» [6, с. 65]. Он приходит к выводу, что resentiment является подлинной причиной «переворота в ценностях» человека.

Во второй половине XX века, рассматривая социокультурные трансформации, американский социолог Д.Белл писал: «Демократия по своей природе конфликтна, поскольку люди постоянно хотят обладать тем, что имеют другие. Но не все общества порождают подобные сравнения. Крепостной не сопоставлял свою судьбу с судьбой землевладельца; у него было свое уготованное место в структуре мироздания, и он воспринимал его фатально. Демократия с ее изначальной приверженностью идеям равенства неизбежно создает мерилото отсчета и оценки различий в статусе, богатстве

и власти» [1, с. 587]. Здесь уже прослеживается стремление к личностному самоутверждению и попытка индивидуализации, основанной на дифференциации по материальному признаку.

В контексте социальных трансформаций происходят изменения и в картине мира каждого отдельного человека, что обуславливает и способы его самоутверждения и, как следствие проявления его неудовлетворенности своим положением в существующей системе. Современные исследователи указывают на то, что «условием развития ресентиментной реакции является осознание собственного бессилия и табуированность прямого выражения возникших аффектов зависти и ненависти, в силу чего они приобретают застойный характер, порождая аксиологическую маргинализацию, коммуникативные и поведенческие девиации» [2, с. 420].

Сегодня ресентимент появляется у человека, который считает, что имеет право на утверждение, зачастую агрессивное, субъективной позиции по любому вопросу, вследствие чего такой человек в ненависти самореализуется и удовлетворяет свою потребность в самоактуализации. Таким образом он определяет свою деятельность, состоятельность и самооценку. Если конструктивное самоутверждение человека, обуславливающее рост человека, определяется его достижениями в определенной сфере и созидательной деятельностью, то деструктивное самоутверждение заключается в нивелировании достижений другого, посредством чего у человека создается ощущение упрочения своего положения.

Сегодня открытость и доступность информации в сети Интернет приводит к тому, что человек начинает чувствовать свою значимость вследствие проникновения в жизнь кумиров и просто людей, добившихся успехов, о которых пишут и говорят: «влияние социальных сетей на различные сферы повседневной жизни теперь считается объективной реальностью. В социальных сетях любой пользователь может создать себе образ, имидж, биографию, историю в соответствии со своими представлениями о себе. Как следствие включения в жизнь людей новых технологий происходит трансформация идентичности личности» [4, с. 270]. Вследствие стремления достичь уровня жизни медийных личностей, а благодаря социальным сетям любой может создать соответствующий образ, человек следует навязанным средствами массовой коммуникации трендам. Однако, вследствие отсутствия возможности достичь желаемого, у человека появляется ненависть к тем, кто успешен и обладает благами.

Получив возможность в сети давать комментарии и оценки всему происходящему, он всеми способами стремится нивелировать чужие успехи. Поскольку в Ин-

тернете возможна анонимность, подмена реальной личности аватаром, соответствующим идеальным представлениям человека о себе, происходит размывание реальной идентичности личности, вследствие чего человек начинает ощущать свою безнаказанность и свое право на критику и осмеяние всего, что не входит в его картину мира. Зачастую анонимность обуславливает отсутствие барьеров в проявлениях эмоций, а критика становится очевидным проявлением агрессии.

Сегодня появляется все больше названий проявления негатива в коммуникации в сети: Хейтерство, Кибербуллинг и т.д., все они прочно закрепились в Интернет-пространстве и имеют свои определения. Так, «Хейтерство - это своеобразный ритуал виртуального вымещения человеком личностных обид, негативных эмоций, скопления переживаний или неудовлетворенности, в этом явлении не имеет смысла искать или видеть какой-то прямой посыл, прямоту, правдивость» [5, с. 65]. Если ранее психологическая травля и агрессия рассматривалась в контексте непосредственного межличностного взаимодействия, то сегодня, посредством цифровизации взаимодействия, это становится Хейтерством - социальным феноменом проявляющимся посредством Интернета в глобальном масштабе.

Во всех социальных сетях мы можем видеть негативные публикации и комментарии Хейтеров по любому вопросу. Так, например, под материалом, размещенном в Фейсбуке, «Тарасова о запрете россиянам участвовать в Паралимпиаде», где Заслуженный тренер СССР говорит об отстранении сборной от участия в паралимпиаде, мы видим комментарии, которые не соответствуют теме самой статьи, а акценты смещаются на негативное обсуждение личности самой Тарасовой.

Аналогичная ситуация присутствует на ресурсе Sports.ru, где опубликован «Ответ хейтерам от Этери Тутберидзе». Следует отметить, что Хейтеры своими публикациями не только обращают на себя внимание, но и провоцируют реакцию на свои выпады. Публикация «ответа Хейтерам» провоцирует новый поток негативных высказываний в комментариях. При этом в подобных публикациях не соблюдаются нормы морали и приличия. Здесь хейтеры в ходе обсуждения высказываются не только о герое публикации, но и друг о друге, в результате складывается волна негатива, мощь которого нарастает.

Вследствие стремления современного человека реализовать свои социальные потребности, он начинает искать сообщества, близкие его картине мира. Хейтеры тоже объединяются в группы, перенимают идеологию сообщества и начинают «травить» тех, чьи взгляды, поведение, высказывания противоречат их воззрениям. Так, человек, с одной стороны получает возможность без-

наказанно высказываться, а с другой – социальное одобрение со стороны референтной группы, как следствие, человек самоутверждается и получает удовлетворение своих потребностей в самореализации.

Таким образом, Интернет расширил возможности в поиске информации, медиареальность способствовала развитию коммуникации, социальные коммуникации

обеспечили беспрепятственное межличностное взаимодействие. Все это дало возможность людям обрести сетевую идентичность, а Хейтерство стало проявлением ресентимента, поскольку люди, несчастные в своей неудовлетворенности, скрываясь за своими аватарами, и, чувствуя абсолютную безнаказанность, агрессивно транслируют свою картину мира и самоутверждаются за счет неприятия и нивелирования уникальности другого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М., 2004. – 788 с.
2. Кузнецова Ю.М. Проявления ресентимента в сетевом общении / Журналистика в 2021 году: творчество, профессия, индустрия. - М., 2022. - С. 420-421.
3. Ницше Ф. К генеалогии морали. Соч. в 2 т. Т.2. - М., 1990. - 829 с.
4. Писаревская Н.С. новые медиа и формирование «сетевой идентичности» личности / Медиа в современном мире. 58-е Петербургские чтения. – СПб., 2019. - С.269-270.
5. Чеджемов Г.А., Синичкина О.Р. Хейтерство в сети интернет как одно из последствий технологического и информационного прогресса. / Наука XXI века: актуальные направления развития, №2-1. – Самара, 2020. - С.63-71.
6. Шелер, М. Ресентимент в структуре моралей. СПб., 1999. – 231 с.

© Писаревская Наталья Сергеевна (n-pisarevsk@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

УРБАНИЗАЦИЯ В ЗЕРКАЛЕ СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУКТИВИЗМА

URBANIZATION IN SOCIAL
CONSTRUCTIVISM MIRROR

N. Ravochkin

Summary: In this paper, the authors consider the phenomenon of urbanization from the standpoint of social constructivism. Taking into account the pragmatic orientations of modern social philosophy, the expediency of understanding urbanized spaces using constructivist methodology is substantiated. The works of classics and modern authors relevant to the problem are analyzed. The possibilities of constructivist methodology in the theoretical and applied aspects of creating cities and multiple concepts that meet the needs of the population in terms of self-realization are demonstrated. The directions of application of constructivist ideas to the initiatives of urban transformations are presented, which makes it possible to overcome the reduced understanding of urbanization. The necessary explanations and clarifications to the considered concepts are given. In conclusion, the authors summarize the results of the study.

Keywords: urbanization, city, constructivism, transformations, social phenomena.

Равочкин Никита Николаевич

Д.ф.н., доцент, Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия; Кузбасский государственный университет имени Т.Ф. Горбачева
nickravochkin@mail.ru

Аннотация: В настоящей работе авторы рассматривают феномен урбанизации с позиции социального конструктивизма. С учетом прагматических ориентаций современной социальной философии обоснована целесообразность осмысления урбанизированных пространств с применением конструктивистской методологии. Проанализированы релевантные проблематике труды классиков и современных авторов. Продемонстрированы возможности конструктивистской методологии в теоретико-прикладных аспектах создания городов и множественных концептов, удовлетворяющих потребностям населения в плане самореализации. Представлены направления приложения конструктивистских идей к инициативам городских преобразований, что позволяет преодолеть редуцированное понимание урбанизации. Даны необходимые пояснения и уточнения к рассматриваемым концепциям. В заключение авторы обобщают итоги проведенного исследования.

Ключевые слова: урбанизация, город, конструктивизм, преобразования, социальные феномены.

Изучение сущности городской среды включает в себя анализ реализации процессов урбанизации, в свою очередь содержащих плюрализм актуальных феноменов. Однако во избежание неадекватного постижения заявленной проблематики обращает на себя внимание выбор методологии ее исследования. Между представителями социальных наук сегодня все чаще ведутся споры по поводу того, какая из существующих методологий представляется наиболее эффективной или же вовсе (по)требуется комплексный мультипарадигмальный подход. Учитывая ограниченный объем любой научной статьи, мы остановимся на имеющейся в арсенале научного сообщества методологии, а именно на социальном конструктивизме. Как известно, основной смысл данного подхода заключается в том, что его сторонники главным образом сосредотачиваются на социальных и психологических составляющих создания и преобразования общественной реальности, осуществляемых в процессе человеческой активности. Итак, отправным пунктом для построения наших рассуждений становится понимание города как такового. В целом, современные мыслители солидаризуются в интерпретации понятия «город» как целостной среды, которая обладает витальными (условиями и ресурсами, позволяющими поддерживать жизненные функции человека и общественной системы) и прежде всего личностно-смысловыми модусами обитания человека. Другая же группа модусов включает в себя требование соблюдения интересов и приоритетов людей ради их полноценной реализации в

социально приемлемых формах и смыслах [12].

Сказанное позволяет нам трактовать город в качестве уникального социального феномена, не просто организующего общежитие людей на современном этапе мирового развития, но и предполагающего выполнение множественных функций, направленных на достижение поставленных целей по поводу развития территорий и государства в целом. Отсюда вполне справедливо выглядит позиция, согласно которой город включает в себя процессы взаимного увеличения территориальных, поведенческих, ментальных структур и социальных отношений [11]. Вследствие этого, да еще и принимая во внимание беспрецедентное взаимовлияние и открытость сфер общественной жизни, при определении перспектив индивидуального и коллективного бытия значимость приобретают и сами процессы урбанизации.

На наш взгляд, нельзя не отметить, что дополнительным аргументом в пользу обращения к конструктивистской методологии при осмыслении и описании урбанизации является понимание города и многочисленных происходящих в нем процессов с учетом когнитивных ресурсов акторов. Вследствие этого отметим, что классики рассматриваемого подхода делали акцент человеке, точнее *Cogito*, выступающим своего рода «основанием» формирования и описания внешней реальности как совокупности фактов ее восприятия. По сути, именно *Cogito* определяет и конституирует особенности внеш-

ней картинки, схваченной индивидами познаваемой реальности. По П. Бурдьё, конструктивизм ориентирован именно на понимание социальной ткани как результата восприятия и ремоделирования субъектами общества как сложностной системы. Уместно сказать и о сформулированной им идее операциональности габитуса, поскольку она задает возможности для формирования привычного образа окружающего мира, причем как в форме природного бытия, так и в форме социально сконструированного мира.

В последующем П. Бергер и Т. Лукман в работе «Социальное конструирование реальности» намеревались обосновать стабильность и независимость социальных объектов от желаний [4]. В частности, эти авторы стремились показать, как различные социальные «установления, возникшие как результат случайных интеракций людей, и являющиеся во вполне определенном смысле “сконструированными”, в какой-то момент становятся принудительными для всех членов сообщества» [8, 8]. Получается, что такие структуры представляют собой не что иное, как результат(ы) взаимодействия между социальными субъектами. Однако они основываются на априорных различиях в процессах восприятия, что предполагает какую-либо определенную регламентацию, а таковыми становятся объективные факторы коллективного бытия. Отсюда следует, что в рамках конструктивизма признается наличие единства субъективных (идущих от восприятия человека и способности его сознания к конституированию) и объективных (конструкт, существующий в системе общественных связей и отношений) оснований формирования социального пространства. Действительно, такая логика выглядит эффективной не только для всей социальной системы (поскольку предполагает формирование общечеловеческих принципов взаимодействия в коллективе), но и для отдельных уровней ее бытия.

В частности, интересующей нас городской среды. Мы считаем, что по аналогии со многими другими объектами современной социальной философии она никоим образом не миновала прагматизации. Следовательно, посредством артикуляции, кодификации и последующей имплементации определенных ментальных конструктов она не просто должна быть организована «определенным образом», но являться конгруэнтной желаемому образу создаваемой влиятельными субъектами реальности, значит, налицо необходимость сообразования практик для достижения тех или иных задач, адекватного реагирования на вызовы, а также реализации существующих возможностей и предвидении последствий.

Одна из наиболее значимых урбанистических концепций современности принадлежит А. Лефевру. Его теория вскрывает и описывает различные основания и тенденции процессов урбанизации. Центральный тезис

Лефевра хоть и выглядит чрезвычайно простым, тем не менее в полной мере отражает конструктивистскую методологию. В его понимании город – это множество произведенных человеком материальных и нематериальных объектов. В дополнение к этому, «город» воспринимается им в качестве интегрального результата триады «творение – производство – воспроизводство» социальных отношений. В самом деле, абсолютно любой город имеет свою без преувеличения уникальную историю, в пространстве которого происходят, разворачиваются неповторимые события, позволяющие увидеть и понять, и категорировать наиболее важные вехи его развития. Вне всякого сомнения, такое конструирование жителями и другими участниками протекающих в этом городе разнородных отношений в некотором смысле высвечивает его «самостоятельность». Это с легкостью объясняется хотя бы теми фактами, что в аналогичных по уровню эмпирических контекстах – городах – такие события, происходящие в это же время, с аналогичным набором участников и их ролей, а также в схожей последовательности, представляются нам неосуществимыми. Помимо этого, абсолютно в каждой городской среде ситуативно и с преломлением о наличные условия реализуются свои идеи и различного рода идеологии, что происходит по причине дифференциаций и конфликтов между ценностями, которыми индивиды наделяют ту или иную урбанизированную территорию. Примечательно, что А. Лефевр проводит параллели между средневековыми и современными городами, во многом подчеркивая их родство. Их схожесть диагностируется отнюдь не на основании феноменов внешней среды, но с точки зрения принципов организации городского пространства. Одним из бесчисленных практических примеров становятся практики украшения городов различными произведениями искусства в целях получения прибыли на фоне, не снижающейся в исторической ретроспективе «власти капитала», подкрепляемой все более и отчетливо ускоряющейся динамикой цинизма [14;15].

Идеи А. Лефевра не оказались оторванными, но приземленными к реальной жизни, найдя свои воплощения в урбанистических практиках. К примеру, это можно увидеть при ознакомлении с работой А.А.Х. Аль-Джабери и М.В. Перькова, анализирующих современные трансформации городской среды. Этим авторам удалось прорисовать общую логику организации городских пространств в актуальных реалиях: урбанизированные территории целесообразно формировать в зависимости от сочетаемости ее структурных элементов. Опять же с этими уникальными комбинациями элементов города, что говорится, не следует излишне импровизировать, а то и вовсе полагаться на «счастливый случай». Перевод абсолютного большинства социальных практик на уже обозначенные рельсы прагматики предполагает продуманной стратегии управления ресурсами города, где во главу угла поставлены концепты «прибыльности» и

«эффективности». Парк, площади жилого или коммерческого пользования, центральное пространство города – все это следует четко планировать и организовывать в соответствии с экономическим эффектом. Более того, процессы урбанизации не должны быть замкнуты в какой-либо «временной петле», но должны быть спроектированы с ориентацией на перспективы развития городской среды [3]. Поэтому совпадения во взглядах многих исследователей отнюдь не случайны: они все чаще ссылаются на такие витальные характеристики планирования урбанизированных пространств, как «перспективность» и «эволюционность». По аналогии с развитием живых систем, эти свойства обеспечивают локальные разрастания отдельных сфер, тем самым помогая избежать нежелательных потенциальных коллапсов среды во временном и пространственном аспектах.

Недопустимость редуцированного рассмотрения объектов через философскую оптику подсказывает акторам преобразований, что при организации городской среды помимо экономического, как минимум, необходимо руководствоваться социальными и психологическими эффектами. Здесь речь идет о необходимости формирования так называемых «переходных пространств», позволяющих обеспечить позитивизацию социальных взаимодействий в многочисленных (домо)соседствах и сообществах. В качестве одного из конгруэнтных конструктивизму инструментов является архитектурная практика придвижения домов к краю улицы для того, используемая для полного ощущения и понимания города. Узость улиц замедляет движение, но это открывает возможности для создания новых пространств с учетом принципов «соседства», «районности» и «коридорности», тем самым определяя развитие городской среды именно как результата создания проекта коллективными усилиями акторов [13].

Еще одной важной детерминантой направленности современных процессов урбанизации является высотное строительство, которое зачастую коррелирует с ощущением комфорта создаваемой городской среды. Руководство этим принципом не только позволяет городам расти «вверх» позволяет, но и открывает широкие возможности для разрешения множества проблем. Среди наиболее злободневных можно выделить неконтролируемый рост городских территорий, комбинации социальных, экономических политических и духовных последствий от преобразований урбанизированных территорий, а также деградация окружающей среды и целый ряд производных проблем. На этот счет Е.М. Генералова отмечает, что использование «вертикального урбанизма», выраженного в развитии высотного строительства, позволяет сформировать «компактный город», который, помимо всего прочего, получит свойство «умного города» со всем набором свойств и технологий, которые для этого потребуются [5, с. 28].

По большому счету на современном этапе мирового развития и с учетом усиления интенсивности процессов урбанизации именно высотные здания являются коррелятами «компактных городов». Некоторые урбанисты наверняка согласятся с нами, что с учетом плотности застройки целых районов подобными «человейниками» совокупности таких зданий выступают своего рода «интегрированными мини-городами». Неудивительно, что одним из ведущих предъявляемым к высоткам требований становится «многофункциональность». В идеале именно она способствует комплексному развитию городских пространств, поскольку позволяет в дополнение привычным градостроительным инициативам, связанных, например, с созданием и обновлением транспортных развязок и рекреационных зон, быть созвучным таким актуальным императивам, как «инновационность», «экологичность» и энергоэффективность, существенно изменяя образ и восприятие каждой конкретной урбанизированной территории.

В рамках конструктивистской парадигмы применительно к урбанизации необходимо обратить внимание и на богатый функционал городских улиц. Как нам представляется, в (пост)ковидном мире одной из требующих новых обоснований и описаний становится функция социальной коммуникации. Самоочевидно, что изменения социокультурных и языковых процессов и общая резкая динамика метаморфоз последних нескольких лет неразрывна от пересмотра особенностей дистрибуции информации. Переформатирование урбанизированных пространств в самых различных уголках мира так или иначе выдвинуло коммуникативный потенциал городских улиц на передний план, ведь в реалиях новой социальности в этих координатах происходило формирование новых форм языковой среды и процессов обмена информации [10]. Т.С. Дмух, В.К. Моор и А.Г. Гаврилов вообще предлагают трактовать улицы «социальными артериями» города [6]. Не имеет значения, находятся ли индивиды на улицах непосредственно или же сидят на домашней самоизоляции, но с учетом отсутствия у большинства улиц заграждающих и препятствующих коммуникации инженерных сооружений субъектам удастся нивелировать какие-либо жесткие барьеры и транслировать знания и культурные коды в пандемийных условиях. Отсюда логичен вывод, что в рамках конструктивизма социальная коммуникация опосредуется декоративными, дизайнерскими и иными архитектурными формами, которые так или иначе оказывают влияние на специфику уличных пространств.

Как известно, улицы преимущественно выполняют функцию городских магистралей, но в современном мире они получают и другую смысловую нагрузку. Следует напомнить, что улицы используются актерами при композиционно-функциональной организации городских пространств – поэтому отныне аллеи, бульвары,

проезды и проспекты становятся важнейшим элементом общественно-культурной жизни города, а в некоторых случаях способны преопределить бренд и образ целого государства. Реализация значимых форм организации пространства и хабиутализация новых одобряемых индивидами практик позволяет нам говорить о формировании социальных правил интересубъективного взаимодействия и на коллективном уровне, и на срезе частного контактирования. Считаем, что конструктивистский подход конституирует и общие урбанистические, и свойственные исключительно отдельным городам основания бытия.

В то же время конструктивизм не оставляет без внимания субъектов, находящихся в различных урбанизированных координатах. В отличие от сельских территорий, те или иные городские пространства дают людям гораздо больший объем возможностей для самореализации и следования перманентно умножающимся интересам всего множества горожан. В определенном смысле корректно говорить том, что город представляет собой центр согласования интересов населения, организуя само пространство и показывая канву логики протекания процессов урбанизации.

Вышесказанное подчеркивает целесообразность рассмотрения изменений в социальном расслоении за счет появления новых форм труда. В.Ю. Агаширинова показывает, что процессы урбанизации в современном обществе приводят к трансформациям в структуре занятости и, как следствие, в характере самих социальных отношений. Формирование новых социокультурных систем может происходить за счет, казалось бы, таких неродственных теоретических конструктов, как, например, формализм и социальное отчуждение. Однако все дело здесь в том неожиданном эффекте, который предоставляет индивидам новые степени свободы и качественно других форм занятости, что становится возможным за счет как усложнения труда, так и связанным с поиском наиболее ценных экспертных кадров хедхантинга, а также предпочтений менеджмента организовывать работу по проектному принципу [1]. Таким образом, функционирующие в рамках города институты выступают связующим звеном между всеми сферами, образуя междисциплинарные области активности и, соответственно, генерируя новый функционал, определяющий успех урбанизированной территории в зависимости от трудящихся на ее благо индивидов.

Здесь опять же уместно обратиться к концепции А. Лефевра. Ведь именно ему удалось схватить метаморфозы, произошедшие с сущностью современного города как такового. По нашему мнению, он весьма убедительно демонстрирует, что господствующее в современном мире «капиталистическое» понимание урбанизированных пространств дополняется вариантами постинду-

стриального транзита, однако сам Лефевр делает основной акцент на «обществе потребления» (хотя сегодня имеется несколько десятков других значений) [14;15]. С учетом множества моделей современного общества город одновременно становится центром социальных связей и сетей и принятия решений. Знания и данные – вот основные активы и инструменты нашего столетия, которые уже составляют альтернативу слепому конюмеризму, способствуя формированию новых городских пространств. Конструктивизм придает значение игровым практикам, с чем, по сути, мы солидаризуемся в полной мере, ведь прочтение игры в философском, предельном, смысле позволяет поставить знак равенства между процессами урбанизации и тем перформансом, который демонстрируют акторы преобразований. В некотором смысле конструктивисты создают «город игры», сущность которого сведена к неизбежному устареванию во все более краткосрочной перспективе и вместе с тем она требует реализации перманентных инициатив по поводу ремоделирования элементов урбанизированных пространств. Таким образом, большинство современных городов будут выступать именно как результаты непрекращающихся творений различных акторов, а сами они пространства всегда будут выступать своего рода умопостигаемыми проекциями, которые постоянно формируются в определенных пространственно-временных координатах, где воплощенные в идеи мысли определяют их материальное и социальное воплощение.

Итак, современные конструктивисты категорируют процессы урбанизации преимущественно через призму формирования новых способов отношения к принципам организации городских пространств. Налицо сдвиг в том, что системы городских отношений более не определяются исключительно экономическими факторами, но их специфика все теснее связывается с процессами формирования человека и его статусов. Да, современный город представляет собой «пространство игры», в чем усматриваются отсылки к концептам «спектакля» Ги Дебора и «симулякров» Жана Бодрийера. В то же время город может быть понят в качестве пространства противоборства и взаимодействия множества субъектов, которые конструируют его в соответствии со своими потребностями, способностями и ожиданиями. Таким образом, город уже предстает как пространство приложения возможностей в целях обретения каких-либо ценностей. И в этом плане агенты предлагают и реализуют скорее не товары и услуги, а именно предпочтения и приоритеты, конструкты которых станут определяющими в формировании многослойного образа города как социального феномена.

Заслуживает внимания созвучная конструктивизму и вернувшаяся в современный градостроительный дискурс концепция «города-сада» Э. Говарда, признающая мощный потенциал сельскохозяйственных территорий

для оздоровления населения. Он стремится показать новые векторы процессов урбанизации, которые заканчиваются формированием такого нового типа поселений, где могут совмещаться положительные стороны города и деревни. Согласимся, что активная городская жизнь, помноженная на комфорт деревни, может стать реальным драйвером объективации города – сада, которому присущи:

1. определение и разграничение промышленных и жилых помещений для эффективного общежития представителей разнообразных профессий;
2. ограничение размеров города для повышения его функциональности;
3. продуманная планировка территорий, охватывающая максимальное количество принципов работы города в его связи с другими территориями [9].

Безусловно, можно было назвать и целый ряд других свойств данного проекта, однако значимой для нас оказывается тенденция, в рамках которой представленный вариант процесса урбанизации может трактоваться как результат конструирования города как социального пространства, пригодного и максимально эффективного для проживания человека. Более того, именно такой проект мыслится как одна из практико-ориентированных и перспективных версий решения проблем урбанизации сельской местности на фоне разрастания городов. А.А.Х. Аль-Джабери уверен, что предложенный Говардом проект поможет создать множество автономных населенных пунктов, предлагающих нетривиальные решения для преодоления комбинаций социальных затруднений [2]. В одном из многочисленных вариантов это позволяет

не только снизить давление на природные условия человеческого существования, но также сконструировать условия, при которых человек как социально-политическое и экономическое существо в полной мере реализовать свои способности и возможности [7].

Подводя итоги, можно утверждать, что с позиции конструктивистской методологии урбанизация может быть интерпретирована как единство устремлений и практических действий по преобразованию городов в зависимости от степени осознанности акторов (само)реализации человеческого потенциала, тем самым ими будут созданы определенные условия для обеспечения того или иного многообразия возможностей. Значит, в глазах конструктивистов город есть не что иное, как совокупность условий бытия человека. Также отметим, что социальные конструктивисты не только определяют общие методологические принципы изучения города и процессов урбанизации, но и делают акцент на прикладных аспектах изменений на данных территориях. Ученые изучают способы организации городских пространств, регламентирующие общий вид города, подробно рассматривают специфику планирования городских застроек. Мы показали, что в конструктивизме анализу подвергаются и улицы как пространственные, социально-культурные и духовные магистрали города. Наконец, обзор неоднородности взглядов, являющейся витальной для конструктивистской методологии, позволил высветить креатив предлагаемых концепций по преобразованию урбанизированных пространств, обеспечивающих функциональность жизнедеятельности человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агаширнова В.Ю. Урбанизация как сложное комплексное явление // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2019. – № 8 (42). – С. 178-191.
2. Аль-Джабери А.А.Х. Градостроительные идеи и концепции, повлиявшие на развитие движения Нового урбанизма // Урбанистика. – 2020. – № 2. – С. 41-61.
3. Аль-Джабери А.А.Х., Пьеркова М.В. Концепции нового урбанизма: транссекторное развитие, или разрезное планирование // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. – 2019. – Т. 21. – № 3. – С. 133-143.
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Моск. филос. фонд, 1995. – 322 с.
5. Генералова Е.М. Вертикальный урбанизм архитектурной среды города: современное развитие типологии высотных зданий // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2018. – Т. 20. – № 3. – С. 28-33.
6. Дмух Т.С., Моор В.К., Гаврилов А.Г. Городские улицы как социально-коммуникативные пространства города // Новые идеи нового века: материалы международной научной конференции ФАД ТОГУ. – 2014. – Т. 2. – С. 78-80.
7. Ильин А.В. Британское движение «Город-сад» и его влияние на европейское градостроительство первой четверти XX века // Преподаватель XXI век. – 2014. – № 1-2. – С. 307-316.
8. Кабанов А.В. Социальный конструктивизм: сущность, истоки, версии конструктивистского подхода к знанию // Социум и власть. – 2021. – № 2 (88). – С. 7-17.
9. Котова Е.С. Город-сад: альтернативная концепция формирования городской среды // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2014. – № 3. – С. 32-39.
10. Опарина Е.О. Современная городская коммуникация: тенденции развития // Русский язык в современном обществе: функциональные и статусные характеристики. – М.: ИНИОН РАН, 2005. – С. 71-84.
11. Пирогов С.В. Феноменологическая социология и урбанистика // Вестник Томского государственного университета. – 2004. – № 282. – С. 97-103.
12. Попов Е.А. Городская среда как объект изучения в социологии // Социодинамика. – 2019. – № 9. – С. 20-24.

13. Рахнама М.Р., Рошани П., Хасани А., Хоссиенпур С. Использование принципов нового урбанистического подхода при проектировании устойчивых городских пространств // Международный журнал прикладной науки и техники. – 2012. – Т. 2. – № 7. – С. 195-203.
14. Lefebvre H. La révolution urbaine. – P.: Gallimard, 1970. – 248 p.
15. Lefebvre H. La production de l'espace. – P.: ECONOMICA, 2000. – 512 p.

© Равочкин Никита Николаевич (nickravochkin@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия

ЧЕТВЕРИЧНАЯ ЛОГИКА КАК ЛОГИКА “УБЕЖДЕННОСТИ” ДЛЯ СИЛЬНОГО ИИ

Сафронов Алексей Владимирович

К.т.н., МГУ им. М.В. Ломоносова

alexey.safronov.w@gmail.com

QUATERNARY LOGIC AS THE LOGIC OF "BELIEF" FOR STRONG AI

A. Safronov

Summary: The article considers a family of logical systems in which the law of double negation does not apply, but the law of n-dimensional negation does, depending on the n-dimensionality of logic. This approach allows us to describe three- and more-dimensional logics in a new way, and give an interpretation of "uncertainty" in these systems. In particular, it is shown that from this point of view, only logics that are multiples of two are complete: binary, quaternary, octal, etc., since the addition of each new dimension in logic doubles its "n-ness". Tables are given for the main logical operations of the logic of conviction as an extension of classical logic. It is shown that such logic operates in a two-dimensional logical space and is more flexible and intuitive, and theoretically can be used for strong artificial intelligence systems.

Keywords: law of double negation, quaternary logic, logic of conviction, uncertainty, strong artificial intelligence.

Аннотация: В статье рассматривается семейство логических систем, в которых не действует закон двойного отрицания, но действует закон n-мерного отрицания в зависимости от n-мерности логики. Такой подход позволяет по-новому описать трех- и более мерные логики, и дать интерпретацию «неопределенности» в этих системах. В частности, показано, что с этой точки зрения полными является только логики кратные двум: двоичные, четвертичные, восьмеричные и т.д., так как добавление каждого нового измерения в логике увеличивает его «n-ность» вдвое. Приводятся таблицы для основных логических операций логики убежденности как расширения классической логики. Показано, что такая логика оперирует в двухмерном логическом пространстве и является более гибкой и интуитивной, и теоретически может быть использована для систем сильного искусственного интеллекта.

Ключевые слова: закон двойного отрицания, четвертичная логика, логика убежденности, неопределенность, сильный искусственный интеллект.

Понятие “неопределенность”, принятое в троичной логике, весьма неудачно, так как не несёт полезного содержания. Считается, что неопределенность сама по себе ничего не значит, и должна преодолеваться за счёт дополнительных действий, достигая либо значения “истина”, либо “ложь”. В троичной или тернарной логике принято, что суждения или высказывания могут характеризоваться как истинные, ложные или неопределенные. Однако, подход к “неопределенности” выбранный в троичной логике изначально противоречив, так как он приводит к ошибке при операции отрицания. Покажем это.

В логике Клини [1], [2], например, имеет место следующий вид отрицания:

A	$\neg A$
F	T
U	U
T	F

Здесь F – это ложь, U – неопределенность, T – правда. То есть отрицанием истины является ложь, отрицанием лжи – истина, а отрицанием неопределенности – сама же эта неопределенность. При такой форме отрицания получается, что неопределенность как бы закликивается сама на себе, тогда как истина и ложь переходят при

отрицании друг в друга. Фактически, в таком подходе использована “калька” закона двойного отрицания классической двоичной логики, где двойное отрицание тождественно утверждению. Скажем:

Не (Не (Истина)) = Истина

Не (Не (Ложь)) = Ложь

Это совершенно верно для двоичной логики, но уже в троичной логике двойное отрицание не должно быть тождественно утверждению. Таким свойством должно обладать тройное отрицание. А именно:

Не (Не (Не (Истина))) = Истина

Не (Не (Не (Ложь))) = Ложь

Не (Не (Не (Неопределенность))) = Неопределенность

Почему это необходимо? Точнее, почему такой подход к отрицанию имеет основания? Есть основания полагать, что мерность логики определяет ее предельные возможности внутреннего развития. В двоичной логике “истинное” развивается в “ложное”, а “ложное” наоборот в истинное. Цикл развития оказывается очень коротким. Однако, в троичной и более мерных логиках число звеньев цикла необходимо растет, в противном случае, дополнительные звенья теряют свою целесообразность. Покажем, что к такому пониманию отрицания был близок Гегель, но не формализовал ее для своей логики.

Анализируя Спинозу, Гегель писал: «Определенность есть отрицание» – таков абсолютный принцип спинозовской философии; этим истинным и простым взглядом обосновывается абсолютное единство субстанции. Но Спиноза не идет дальше отрицания как определенности или качества; он не переходит к познанию отрицания как абсолютного, т.е. себя отрицающего, отрицания; тем самым спинозовская субстанция сама не содержит абсолютной формы; и познание этой субстанции не есть имманентное познание» [3].

Гегель критикует Спинозу за то, что онтология последнего не подразумевает отрицания как развития познания. Его онтология как бы статична для Гегеля. В то же время, закон диалектики немецкого философа подразумевает, то двойное отрицание приводит к тождеству, но не к простому возвращению в исходную точку, а к возвращению с новым качеством. «Отрицания отрицания закон, один из основных законов диалектики, характеризующий направление процесса развития, единство поступательности и преемственности в развитии, возникновения нового и относительной повторяемости некоторых моментов старого» [4].

Это означает, что, следуя посылке Гегеля, мы могли бы получить несколько иной вывод, чем он сам. А именно мы могли бы дополнить его соображение идеей, что само «отрицание» зависит от мерности логики. Далее из изложения и рассмотрения этой идеи, однако, будет понятно, что для этого требуется, чтобы логика была полной (кратной двум). рассмотрим это.

Таблица при операции отрицания в тернарной логике может выглядеть так:

A	¬A
F	U
U	T
T	F

или так:

A	¬A
F	T
U	U
T	F

Возможны две симметричные тернарные логики. В одной из них (в последнем примере) отрицание «лжи» суть «истина», а отрицание «истины» суть неопределённость, тогда как отрицание «неопределённости» суть «ложь». Во второй происходит симметричное смещение. Впрочем, уже здесь видно, что тернарная логика является неполной, так как неопределённость не имеет своей противоположности. Так как у чего-то логически бесмысленного ее просто не может быть. Однако, покажем

это более четко, вводя неопределённость в модель естественным образом.

Рассмотрим это так. Что на самом деле означает характеристика «неопределённость»? Чтобы ответить на этот вопрос, заметим, что троичная логика является расширением двоичной, и в какой-то степени оказывается менее строгой системой суждений. В этом смысле ни одна из перечисленных характеристик суждений не должна использоваться в тернарной логике. Действительно, под «истиной» здесь следует понимать «истинно, что A», а под «ложью» - «Истинно, что не A». Соответственно, «неопределённость» тогда становится здесь «Не истинно, что A». Но здесь обнаруживает себя неполнота такой системы, так как возможно ещё «Не истинно, что не A». Именно поэтому возникает неопределённость, которая в троичной логике непреодолима.

Распишем это более подробно, и покажем, как происходит расширение от двоичной логики к троичной. Скажем, если мы в классической логике считаем, что выражение «A» истинно, то мы, на самом деле утверждаем «Истинно, что A». (Заимствуя такую подмену в модальной логике [5]). Теперь оказывается, что отрицание как будто может иметь два вида: 1) «Не истинно, что A» и 2) «Истинно, что не A». Но какой из вариантов будет соответствовать классической характеристике «Ложно, что A»? При должной осмотрительности, мы признаем, что искомым отрицанием исходной посылки могут являться оба выражения, в зависимости от выбранного нами определения, что есть отрицание. Это создаёт неопределённость или вариативность. Собственно говоря, именно это обстоятельство и дает возможность для расширения логики до троичной, и далее до четверичной.

Фактически троичная и четверичная логики могут содержать следующие характеристики как расширения классической логики:

Классическая (двоичная логика)	Троичная логика (неполная)	Четверичная логика (полная)
Истинно, что A	Истинно, что A	Истинно, что A
	Не истинно, что A	Не истинно, что A
		Не истинно, что не A
Истинно, что не A	Истинно, что не A	Истинно, что не A

Как видно из таблицы троичная логика является неполной, и в ней невозможно построить непротиворечивую интерпретацию характеристик истинности. В ней присутствуют «Истинное утверждение», «Не истинное утверждение» и «Истинное отрицание». Более полной, очевидно, является четверичная логика, которую мы назвали бы» логикой убежденности. В ней «отрицание» в общем виде имеет несколько иной смысл, чем в двоичной логике. Отрицание здесь есть переход одной границы логического пространства. Проще всего это

можно изобразить как переход границы на следующей диаграмме, но также как в примере с троичной логикой здесь необходимо выбрать направление (по часовой или против часовой стрелки).

Убедительно / А	Не убедительно / А
Убедительно / не А	Не убедительно / не А

Допустим, что было выбрано направление по часовой стрелке для отрицания (в обратную сторону - анти-отрицание). В этом случае, отрицание в такой логической модели будет означать пересечение границы по часовой стрелке. Легко заметить, что все пространство здесь разделено на четыре зоны двумя линиями (осьми) - осью "степени убежденности" и осью "степени утвердительности". Вертикальная ось, в данном случае, делит пространство на две зоны - «Убедительно» слева и «Неубедительно» справа. Горизонтальная ось делит пространство на «А» (утверждение) сверху и «Не А» (отрицание или анти-утверждение) снизу. Фактически это эквивалентно следующим характеристикам по часовой стрелке: «Убедительное утверждение», «Неубедительное утверждение», «Неубедительное отрицание» и «Убедительное отрицание».

Например, есть исходное выражение: «Если наступает утро, то встает солнце». Допустим, что это Надежное утверждение. Тогда его отрицание «Если не наступает утро, то встает солнце» будет Ненадежным утверждением. В свою очередь его отрицание «Если наступает утро, то не встает солнце» окажется Ненадежным отрицанием. А его отрицание «Если не наступает утро, то не восходит солнце» будет Надежным отрицанием. Следующее отрицание приведет к исходному выражению. Очевидно, что в такой логике само «отрицание» имеет специальное значение, отличное от классического. К счастью, в полной логике ему можно подобрать математическую интерпретацию.

В троичной логике (в силу ее неполноты) нам не удалось найти математическую интерпретацию смысла указанных характеристик, но для четверичной логики это возможно. В частности, можно было бы придать этим характеристикам следующие математические значения: "Убеждены, что А" = "1", "Не убеждены, что А" = "i", "Не убеждены, что не А" = "-i" и "Убеждены, что не А" = "-1", где "i" - мнимая единица. В этом случае логическое отрицание можно расценивать в математическом смысле как умножение на мнимую единицу. Тогда получится следующая таблица, показывающая, что четверное отрицание в данной логике равносильно одному утверждению. То есть $\text{He}(\text{He}(\text{He}(\text{He}(A)))) = A$

A	не (A)	не (не (A))	не (не(не(A)))	не(не(не(не(A))))
1	i	-1	-i	1
i	-1	-i	1	i
-i	1	i	-1	-i
-1	-i	1	i	-1

Рассмотрим основные логические операции для такой математической интерпретации.

Конъюнкция

И	1	i	-i	-1
1	1	i	-i	-1
i	i	i	-i	-1
-i	-i	-i	-i	-1
-1	-1	-1	-1	-1

Дизъюнкция

ИЛИ	1	i	-i	-1
1	1	1	1	1
i	1	i	i	i
-i	1	i	-i	-i
-1	1	i	-i	-1

Конъюнкция и дизъюнкция в такой логике имеет классический вид минимума (Min) и максимума (Max) соответственно, однако импликация заметно отличается от классической.

Импликация

ИМП	1	i	-i	-1
1	1	i	i	i
i	1	i	-i	-1
-i	1	1	1	1
-1	1	i	-i	-i

Рассмотрим импликацию суждений «я не получил зарплату» и «я купил машину». Допустим, что «я не получил зарплату» есть Неубедительное отрицание. А «я купил машину» есть Неубедительное утверждение. Тогда выражение «если я не получил зарплату, то я купил машину» окажется Убедительным утверждением (См. таблицу). Аналогично и любое другое Неубедительное отрицание в начале импликации приводит к Убедительному утверждению в результате. Заметим, однако, что если мы выберем другое направление для отрицания (против часовой стрелки), то окажется, что Неубедительное утверждение как первый член импликации всегда приводит к Убедительному утверждению в его результате. В этом случае отрицание было бы эквивалентно умножению на мнимую единицу со знаком минус.

Подобная четверичная логика, несомненно, не может быть использована для выведения строгих логических суждений об истинности или ложности чего-либо, но она может быть базой для моделирования поведения в ситуации оценки некоей характеристики убежденности. Например, субъективной убежденности в чем-то. В этом смысле очень важно учитывать, что каждый чело-

век имеет свои представления о критериях убедительности тех или иных получаемых сведений, поэтому «логика убежденности» – это инструмент математического описания более сложных интуитивных суждений, нежели классические бинарные.

Важно отметить, что четверичная логика по сути является двухмерной. А это означает, что она допускает более сложные модели, чем нечеткая вероятностная логика, оперирующая в рамках одной оси, например, оси «истинности» (вероятности) от «0» до «1». В четверичной логике, как было отмечено выше, есть ось «убежденности» и ось «утвердительности». Суждения здесь могут быть не только «убедительными» или «неубедительными», но и «утверждающими» и «отрицающими» или «анти-утверждающими». (Поэтому здесь, в частности, открывается путь для разработки двухмерной нечеткой вероятностной логики).

Выше мы привели пример суждения «я не получил зарплату» как суждения анти-утверждающего типа, однако, отрицательная форма самого этого суждения была выбрана только для наглядности. По сути «анти-утверждением» в смысле характеристики «отрицательности» может обладать любое суждение, в том числе, и «я получил зарплату». «Отрицательность» суждения здесь означает то, что оно, например, внутренне противоречиво или обладает «интонацией» смысла. В целом введение второй логической оси связано с расширением «интуитивных» описательных возможностей для формальной логики. Например, говоря «да» или «конечно», с помощью интонации голоса человек может обогащать смысл этих суждений вплоть до «нет», «никогда», «ни в коем случае».

Интересно заметить, что четверичная логика является полной, в том смысле, что допускает естественную математическую интерпретацию, именно потому, что

она двухмерная. При этом каждое измерение задается парой полюсов «Убедительно»-«Неубедительно», «Утвердительно»-«Анти-утвердительно» (или, скажем, «Противоречиво»-«Непротиворечиво»). Классическая двоичная также логика полна и определена на оси «Истинно»-«Ложно», но, например, троичная логика не обладает полнотой. Следующей полной логикой, которая бы ещё больше приблизила математику машин к математике интуитивных логических суждений человека была бы, видимо, восьмеричная (или трехмерная) логика. Мы бы назвали ее, например, логикой «надежды» в соответствии с идеями развития форм человеческого мышления, изложенных в статье [6].

Не вызывает сомнений тот факт, что человек в отличие от машины использует более «гибкие» математические модели. Причем не только для решения тех или иных общих задач (artificial general intelligence), которые сегодня успешно решаются компьютером с помощью нейронных сетей и систем машинного обучения, но и для формирования собственной мотивации. В конечном счете, машина пока еще не может «чувствовать», так как мы не знаем о математической природе «чувствительности». В этом смысле, развитие полных (в терминах данной статьи) логик - четверичной (двухмерной), восьмеричной (трехмерной), шестнадцатеричной (четырёхмерной) и т.д., выглядит как возможный путь повышения гибкости искусственных логических систем и приближения их к реальным.

Идея двухмерной и более-мерной логики, обсуждаемая в статье, пересекается с двухаспектной теорией Девида Чалмерса или с двумерной семантикой в модальной логике [7]. Однако, обе концепции обладают слабостью, а точнее необходимостью выводить связь двух аспектов или измерений. Логика, обсуждаемая в данной статье, вводит оба «измерения» органически, поэтому их связь является здесь исходной позицией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Priest, G., 'Logic of Paradox', *Journal of Philosophical Logic* 8 (1979), 219–241.
2. Клини С.К. Введение в метаматематику. — М., 1957.
3. Гегель Г.В.Ф. Наука логики, т. 2 Москва, 1971
4. Воробьев М., Закон отрицания отрицания, М., 1958.
5. Мочь, быть и знать. Система модальностей // Эпштейн М.Н. Философия возможного: модальности в мышлении и культуре. — СПб.: Алетейя, 2001. — 336 с.
6. Сафронов А.В. К проблеме эволюции сознания. Мультиобъектная эволюция наблюдателя и иерархия модальных логик в каузальном дуализме // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. — 2021. — № 5. — С. 73–83.
7. Ball, D., 2014, "Two-Dimensionalism and the Social Character of Meaning", *Erkenntnis*, 79: 567–595.

© Сафронов Алексей Владимирович (alexey.safronov.w@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА И ЗНАКОВО-СИМВОЛИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ

Скопа Виталий Александрович

Д.и.н., профессор, Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)
sverhtitan@rambler.ru

INSTITUTIONALIZATION OF SOCIETY AND SIGN-SYMBOLIC SYSTEMS

V. Skopa

Summary: The article reveals that the symbol, sign and language, as the most important components of the sign-symbolic system, are factors of institutionalization, contribute to social integration and support of social order in society, as well as the interpretation and implementation of social practices regarding the norms, standards, customs of a certain social institute. The symbol is based on a living contemplation of the actions of the entity and is a kind of reflection. It is constantly in interaction with a person in various spheres of social life and turns out to be a generalized consciousness of mankind in creative and cognitive activity. Sign-symbolic systems expand social reality, and also act as its new dimension, acting as a powerful means of interpreting the phenomena of society and understanding human life.

Keywords: symbol, semiotics, social philosophy, institutionalization, society, person.

Аннотация: В статье раскрыто, что символ, знак и язык, как важнейшие составляющие знаково-символической системы, являются факторами институционализации, способствуют социальной интеграции и поддержке социального порядка в обществе, а также интерпретации и осуществлению социальных практик относительно норм, стандартов, обычаев определенного социального института. Символ основан на живом созерцании действий сущности и является своеобразным отражением. Он постоянно находится во взаимодействии с человеком в разных сферах общественной жизни и оказывается обобщенным сознанием человечества в творческой и познавательной деятельности. Знаково-символические системы расширяют социальную реальность, а также выступают ее новым измерением, выполняя роль сильных средств интерпретации феноменов общества и осознания человеческой жизни.

Ключевые слова: символ, семиотика, социальная философия, институционализация, общество, человек.

Современное развитие науки, интеграция научных областей все больше и больше тяготит к переосмыслению устоявшихся постулатов, точек зрения, что способствует формированию и развитию новых концептуальных идей и суждений, которые в последствии находят свое отражение в той или иной научной теории. В этой связи научный интерес вызывают воззрения, связанные с проблемой институционализации общества и развитием символической системы.

Знаково-символическая составляющая общественной жизни предполагает тесное взаимодействие с ценностным аспектом культуры. В данном контексте знаково-символическая система является определенной формой, благодаря которой осуществляется функционирование и воспроизводство культуры общества. Значительная роль в культуре общества принадлежит символу, понимаемому как способность вещей или действий выражать идеальное содержание или определенную идею. Функционирование и развитие всех сфер общественной жизни невозможно представить вне знаков [1]. Культура социальных институтов и организаций предусматривает наличие соответствующих знаков и символов, с которыми связана социально-профессиональная деятельность человека.

Жизнедеятельность человека, его взаимоотношения

и общение с другими людьми неразрывно связаны с системой знаков и символов, предусматривающей кодирование представлений индивида или группы о себе, окружающего мира и поведение, взаимосвязи и отношения, которые способны обеспечивать развитие и стабильность общественной жизни. Символы являются своеобразным фактором институционализации общественной жизни. В данном контексте Капицын В. отмечает, что социальный институт начинается в социальном мнимом, что переплетается с символическим, обеспечивая тем самым представление о социальной действительности [13].

Процессы институционализации общественной жизни предполагают образование стабильных социокультурных образцов социального взаимодействия с целью адаптации индивидов к нормативным требованиям, правилам, ценностям, обычаям, символам социальных институтов, а также их соблюдение и воспроизведение в социальных практиках [12].

Проблемы исследования знаковой системы представлены в работах ученых различных предметно-дисциплинарных направлений: философии, культурологии, антропологии, социологии, психологии, что указывает на ее многогранность. В мировой научной литературе представлен ряд подходов по определению знака и символа, их трактовке. Так, семиотический подход анализа

социальной реальности исследует преимущественно одну, знаковую сторону явлений реальности. В психологии он представлен как психосемиотический подход [8].

Исследование процессов институционализации общественной жизни обуславливает потребность изучения генезиса феномена символов, выполняющих важную роль в процессе упорядочения социальной реальности [3]. В рамках социально-философской мысли актуальными являются исследования А. Лосева, в которых символ рассматривается как онтологическая основа культуры. Ученый считает, что всякий символ является живым отражением действительности, которое подвергается той или иной умственной обработке и становится орудием в преобразовании самой действительности [11]. Концепция символа Р. Барта подчеркивает, что структура культуры определяется функцией символизации сознания, которая реализуется в языке и проявляется в семиотической деятельности. Символы присущи каждому обществу в разные времена, касаясь эмоций и чувств людей, их переживаний [7]. Они обнаруживают сходство, но интерпретируются по-разному в зависимости от культуры общества, восприятия и переживания индивидов.

Символ основан на живом созерцании действий сущности и является своеобразным отражением. Он постоянно находится во взаимодействии с человеком в разных сферах общественной жизни и оказывается обобщенным сознанием человечества в творческой и познавательной деятельности. Исследуя смысловые парадигмы современной знаково-символической реальности, А. Коралева отмечает, что символ является продуктом сознания человека и, по сути, обнаруживает существующие независимо от человека и недостижимые во всей своей полноте сознания характеристики окружающего мира, принципы, идеи, смыслы [9, 10].

Познавая символ, раскрывая для себя его смысл, человек одновременно познает и себя и окружающий мир. Символ является особым знаком, представляющим собой чувственную, духовную реальность в более широком смысле. Кассирер Э. исследуя природу символа, определяет его как универсальное средство объяснения духовной действительности [6]. Символы и знаки, являющиеся устоявшейся формой восприятия и осознания реальности, помогают индивидам познавать, интерпретировать, описывать реальность, формируя единство с другими носителями социального опыта.

Символическую основу универсума, в котором как физически, так и символически живет, и осуществляет социальные практики человек, образуют символические формы в виде знаков, языка, мифа, религии, искусства [14]. Символ является образом, рассматриваемым в аспекте его знаковости и наделенный определенными характеристиками: органичностью и неисчерпаемой

многозначностью. Символические значения возникают и трансформируются благодаря интерпретации символов, что является результатом социальной интеракции, ведь индивиды взаимодействуют друг с другом, руководствуясь, прежде всего, именно символическими значениями, которые они придают тем или иным объектам, явлениям.

Семиотика, как наука о знаковой системе, предполагает «сочетание» символа со знаком. Шеллинг Ф. справедливо замечает, что специфика символа относительно категории знака проявляется в том, что для каждой сугубо знаковой системы существования многозначности является лишь препятствием для рационального функционирования знака и познания его смысла [15].

В противоположность знаку, многозначность символа определяет его содержание. Знаки функционируют на разных уровнях общества и могут выступать в качестве: партикулярных статусных знаков; знаков, превращающихся в институты; знаки совокупных ценностей; неофициальных национальных символов; официальных символов [4]. Знаки образуют системы, например системы жестовых знаков или материальных артефактов. Язык, который можно определить как систему словесных знаков, представляет собой одну из важнейших знаковых систем общества.

Возникновение и развитие речи неразрывно связано с возникновением общества и процессами его функционирования. Развитие человека как социального существа можно связать со способностью к символической репрезентации, являющейся общим источником мышления и языка. Именно в языке, как утверждает О. Гакман, достигает своего наивысшего выражения способность человека к символизации. Язык является определенной системой символов, обеспечивающих социальное взаимодействие между членами общества, ведь является определенной моделью структуры общественных отношений, создавая объекты и ситуации, создавая знаки. Язык воспроизводит реальность. Указанное выше, позволяет сделать вывод о том, что речь выполняет важную роль в создании институциональной действительности, способствует интерпретации и осуществлению социальных практик в отношении норм, стандартов, обычаев определенного социального института [5].

Современная научная мысль определяет язык как систему систем, имеющую сложную многоуровневую структуру. Основанием для отнесения тех или иных знаков к языку есть наличие устойчивой системы знаков и правил сочетания единиц, образования и преобразования [2, 13].

Важной структурной единицей языка является текст, что понимается как любая семиотически организован-

ная система знаков или систем, несущая определенную информацию. Для понимания использования знаковых систем важно также понятие контекста.

В сфере социального взаимодействия речь играет роль своеобразного посредника или средства, разрешающего придавать intersubъективное, культурное значение субъективному, индивидуальному опыту, транслировать социально-значимые представления, придавая им общий смысл, разделяемый другими. Указанное выше позволяет сделать вывод о том, что именно с помощью языка возможно раскрытие значения символов в их оптимальном осмыслении. Словесно язык является универсальным средством среди всех используемых человеком знаковых систем, выполняющих роль всеобщего интерпретатора.

Применяя семиотический подход в исследованиях процессов институционализации общества, можно выявить закономерности развития общественной жизни. Обмен знаками и символами между людьми порождает те или иные социальные отношения и формирует смысловые поля общества. Такой обмен обеспечивает корреляцию смыслов в полях коммуникации. Знаково-символический аппарат коммуникации имеет самостоятельные мощные ресурсы, ориентированные на создание необходимых образов явлений, предусмотренных той или иной сферой жизнедеятельности человека [12]. Он мощен средством формирования сознания, задавая его ценам несущие смысловые векторы.

Важное место в философском осмыслении институционализации общественной жизни, занимают исследования О. Кувшиновой и Е. Васильевой, которые предлагают использовать когнитивно-институциональный подход в исследованиях социальных институтов. Данный подход предполагает рассматривать актера как участника социальных отношений, определяющих имеющиеся культурные сценарии, которые он должен соблюдать согласно определенным ценностям, ролям, нормам, правилам, стандартам [7]. Поведение индивида

определяется присущими ему ценностно-коммуникативными структурами, а также развитием его когнитивных способностей. Подобное утверждение позволяет определить основополагающую способность человека превращение информации в целенаправленно созданную вещь, что позволяет закрепить информационный ресурс не только в памяти, а еще и в вещной форме.

Актуальным в данном случае является мнение Н. Флигсти о том, что формирование социальных институтов происходит под влиянием властных индивидов, которые пытаются создавать правила и нормы взаимодействия, направленные на стабилизацию своего статуса и состояния в обществе, в условиях противостояния другим индивидам, наделенным определенными властными полномочиями [14]. Необходимо заметить, что функциональное свойство социальных институтов направлено на определенные социальные субъекты, которые становятся актерами процесса их институционализации в том случае, когда их индивидуальные потребности совпадают с общественными потребностями, а также потребностями тех, кто имеет власть, если они могут быть реализованы в пределах предложенных институтов.

В целом, знаково-символические системы расширяют социальную реальность, а также выступают ее новым измерением, выполняя роль сильных средств интерпретации феноменов общества и осознания человеческой жизни. Современное общество характеризуется стремительным ростом значения знаково-символических форм, что обуславливает возникновение новых смыслов, социальных практик, а значит, и новых потребностей, норм, правил, ценностей в институциональное измерение общественной жизни. Символическая система играет важную роль в процессе создания институциональной действительности, что, по существу, содержат такие важные ее элементы как слова, жесты, символы, которые выражают, представляют, отображают в символической форме что-то за пределами способа, общепринятого в обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акмалова А.А. Роль знаков и символов в обеспечении социального единства // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 3. – С. 31-51.
2. Баумейстер А.О. Бытие и благо: монография. Винница, 2014. – 418 с.
3. Бергер П. Социальное конструирование действительности. Трактат по социологии знания. М., 1995. – 323 с.
4. Бодрийяр Жан. Общество потребления. Его мифы и структуры. – М., 2006.
5. Исаев И.А. Солидарность как воображаемое политико-правовое состояние. М., 2013. – 176 с.
6. Кассирер Эрнст. Философия символических форм. Т. 1. Язык. М.; СПб., 2001.
7. Коваленко Е.М. Концепции знака в философии культуры 20 века: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2005. – 21 с.
8. Когнитивно-институциональный подход к исследованию общественного института. [Электронный ресурс]. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=32468> (дата обращения 15.03.2022)
9. Кораблева Е.В. Продуктивная самореализация человека: философские аспекты. М., 2009. – С.160–169.

10. Кораблева Е.В. Смысловые парадигмы современной знаково-символической реальности // Антропологические замеры философских исследований. 2013. Вып. 4. – С. 91-99.
11. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1995. – 320 с.
12. Мамардашвили М.К. Символ и сознание. – СПб., 2011.
13. Философия символических форм: Введение и постановка проблемы // Культурология. XX век. М., 1995. – С. 163-213.
14. Черепяхин М.А. Культура информационного общества как знаково-символическая система в социально-философском измерении // Общество, государство, право. 2013. Вып. 1(7).
15. Шеллинг Ф.В. Философия искусства. М., 1966. – 496 с.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ КИТАЙСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ ФИЛОСОФИИ НА УСПЕШНОСТЬ МИГРАНТОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ В РОССИИ

Цзян Дань

Забайкальский государственный университет, г. Чита
1060396560@qq.com

STUDY OF THE INFLUENCE OF CHINESE TRADITIONAL PHILOSOPHY ON THE SUCCESS OF MIGRANTS LIVING IN RUSSIA

Jiang Dang

Summary: The article actualizes the problem of success of migrants (Chinese citizens) living in Russia. The author approaches the study of the success of migrants based on the analysis of the influence of traditional Chinese philosophy. The article reveals the philosophical and ideological foundations that regulate the patterns of behavior of migrants. The results of a study of the opinions of migrants who have achieved success while living in Russia are presented.

Keywords: traditional Chinese philosophy, migrants, Russia, success, personal growth and development.

Аннотация: В статье актуализируется проблематика успешности мигрантов (граждан Китая), проживающих в России. Автор подходит к исследованию успешности мигрантов на основе анализа влияния традиционной китайской философии. В статье выявлены философские и идеолого-мировоззренческие основания, регулирующие модели поведения мигрантов. Представлены результаты исследования мнения мигрантов, добившихся успехов при условии проживания в России.

Ключевые слова: традиционная китайская философия, мигранты, Россия, успешность, личностный рост и развитие.

Исследование миграционных процессов, различных аспектов развития общества, связанных с ними, а также появление новых тенденций культурного и социального развития личности, интегрирующейся в систему новых для нее взаимосвязей с многообразием дальнейших путей самореализации как положительного, так и деструктивного характера, представляет на сегодняшний день широко дискутируемую в научной литературе проблему. Потоки мигрирующего населения в различные точки мира усиливают разноаспектную неоднородность тех социумов, которые принимают миграционные потоки. Эти условия сегодня рассматриваются как серьезные вызовы, влияющие и на социокультурный баланс самого региона, так и на успешность личностного развития мигрантов, в задачи которых входит восприятие новой культуры для обогащения собственного опыта, и сохранение национальной идентичности в ходе мультикультуризации социума [2].

Значительное внимание в условиях современного развития интеркультурных процессов на территории России привлечено к лицам, мигрирующим из Китайской народной республики, среди основных причин миграции которых являются образовательные потребности, обусловленные развитием совместных зон экономического развития России и Китая, а также создание экспериментальных промышленных и культурных «площадок», предопределяющих сотрудничество стран в различных областях и направлениях [1; 5; 10].

Не менее важной проблемой в контексте миграционных потоков китайских граждан в России является и проблема успешности адаптации, дальнейшей социализации и самореализации самих мигрантов, что подразумевает поиск новых путей или разработку нарождающихся моделей интеграции в новые межкультурные отношения, ведущие к успешному становлению мигранта в условиях сближения/слияния разных национальных традиций и культур [3].

Такое социально-культурное, социально-философское явление в условиях современных реалий получило название интеркультуризма, под которым понимают философское/социально-философское явление взаимодействия разных традиционных культур внутри социума. Это взаимодействие подразумевает возможность, предоставляемую государством иммигрантам сохранять свои традиции, культурно-идеологические принципы бытия в рамках консонанса с императивами магистральной культуры и традиций, т.е. культуры и традиций той страны, в которой осуществляется интеграция мигранта в систему социально-культурных связей с обществом. Данное явление широко дискутируется в научной литературе в последние годы. Интеркультуризм как явление глобализации новой социальной реальности уделяется огромное внимание в трудах А.И. Куропятника, М.С. Куропятник, И.П. Цапенко и др. [7; 9].

В условиях проживания мигрантов в России вопро-

сы интеркультуризации иностранных граждан рассматриваются в работах Е.А. Варшавера, А.Л. Рочевой, Н.С. Ивановой и др. Авторы рассматривают эффективность различных инструментов интеграции, позволяющих мигрантам успешно социализироваться в новых социально-культурных условиях [4].

Таким образом, актуальность проблемы исследования определили тему исследовательской работы, заключающуюся в исследовании влияния китайской традиционной философии на успешность мигрантов, проживающих в России.

Объектом исследования послужили основы традиционной китайской философии.

Предмет исследования – влияние традиционной китайской философии на успешность мигрантов, проживающих в России.

В нашей работе мы *предполагали*, что основные традиционные и идеолого-мировоззренческие особенности китайской философии позволяют гражданам, мигрирующим в Россию из Китая, успешно адаптироваться к новым социокультурным условиям интеграции в социум, а также добиваться успешной самореализации в образовательной, профессиональной, социальной сферах.

Процессы «выкристаллизовывания» философских и идеолого-мировоззренческих принципов в жизнедеятельности китайцев всегда были направлены на восприятие традиционной философии как на нечто сопутствующее в жизни человека, что предопределяло национальную концепцию развития личности каждого гражданина. Основные философские императивы воспринимались через познание Природы и Вселенной в целом, где человек занимал свое место, предназначенное ему для терпеливого, послушного происходящему в рамках законов окружающей действительности. Это стало важным вектором формирования основных аспектов социальной жизнедеятельности, среди которых принцип трёх «Хорошо» стал занимать приоритетные позиции в развитии личности. Данный принцип для каждого китайца реализовывался через:

1. хорошо учиться, чтобы стать нужным и полезным обществу и государству;
2. хорошо развиваться физически и функционально, быть здоровым, подготовленным к жизненным задачам, чтобы иметь потенциал прогрессивного личностного развития в профессиональной, бытовой и др. деятельности;
3. стать хорошей, добропорядочной личностью, обрести качества хорошего человека/гражданина, верно ориентированного патриотически, политически, а также готовой постоянно добывать знания, компетенции и иные возможности, что-

бы еще больше способствовать прогрессу своей страны [8].

В этой связи считаем необходимым отметить, что на формирование сознания и форм поведения китайского народа огромное влияние оказала традиционная китайская философия, согласно которой, с одной стороны, люди ведут себя хорошо, имеют хорошие поведенческие привычки неосознанно, и, с другой стороны, люди усваивают привычные модели поведения прежде, чем совершаются осознанные действия. И в том, и в другом случае люди будут пытаться становиться хорошими, а в основе их модели поведения будет лежать чувство приличия, стыда, желание становиться лучше, делать все возможное для этой цели [6; 11].

Поэтому, если китайский гражданин определяет для себя каким видом деятельности ему заниматься и что делать для того, чтобы достичь поставленных целей и задач, он будет прилагать все усилия, дабы не потерять свое лицо, добиться успехов, с достоинством переносить все неблагоприятные условия и максимально использовать благоприятные. В этой связи смысл жизни мигрантов, в большинстве случаев, сводится к индивидуальному пути личностного роста, который с позиций влияния традиционной китайской философии следует рассматривать в ракурсе порядка, присущего всему (природного, государственного, социального взаимодействия и т.д.).

В нашем исследовании мы опирались на изучение мнения мигрантов-китайских граждан, работающих в лесозаготовительных и деревообрабатывающих компаниях Сибири (в частности, предприятия Мариинского района – Красный Яр и Ижморского района – с. Ижморка) (n=58).

Необходимо отметить, что по китайская диаспора в России представлена в качестве бизнесменов, разнорабочих, управляющих и пр. Также миграционным «реципиентом» России для китайцев стали культурная сфера, образование, наука (в том числе интеграционная наука, основанная на становлении зон совместного экономического развития, например, горной, угледобывающей, майнинг и др.).

Опрошенные в ходе исследования мигранты, занятые в лесозаготовительном и деревообрабатывающем бизнесе, чаще всего причиной своего успеха называют мотивацию – все делать последовательно и терпеливо для достижения поставленных целей (53,4%).

В число значимых факторов входит также и служение государству, желание расширить экономические возможности страны. Такая причина, в основном, характерна для мигрантов, занимающих управленческие, руководящие посты – (18,9%).

Одной из основных причин успешности является желание во что бы это ни стало обеспечить существование семей, находящихся на Родине. Следует отметить, что при этом мигранты усердно трудятся, поддерживают соотечественников, практически не уделяют внимание отдыху (84,4%). Усердие, труд и понимание правильности своего выбора для индивидуального личностного и карьерного роста характерны для 70,7% мигрантов.

Таким образом, подводя итоги статьи, считаем необходимым еще раз отметить, что на формирование сознания и форм поведения китайского народа огромное влияние оказала традиционная китайская философия, согласно которой, с одной стороны, люди ведут себя хорошо, имеют хорошие поведенческие привычки неосознанно, и, с другой стороны, люди усваивают привычные

модели поведения прежде, чем совершаются осознанные действия.

Это во многом объясняет весомость для каждого китайского гражданина-мигранта своих индивидуальных личностных особенностей, которые, с одной стороны, максимально сдерживаются перед лицом национальных традиций, а с другой, приобретают ценность и смысл не столько в человеческой значимости, сколько в том пути, который совершается и успешность которого является задачей «хорошего» гражданина, желающего выжить, пробиться (в Китае многие блага являются трудно доступными и труднодостижимыми в связи с большой численностью населения, значительная часть которого находится за чертой бедности) и состояться в жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артемьев И.А. Отношения России и Китая на современном этапе. Перспективы развития экономических отношений и многостороннего сотрудничества // Архонт. – 2019. – № 3 (12). – С. 94-106.
2. Бардин А.Л., Гоффе Н.В., Гришин И.В., Монусова Г.А., Преображенская А.А., Цапенко И.П. Интеграция инокультурных мигрантов: перспективы интеркультурализма / Под ред. И.П. Цапенко, И.В. Гришин. – М.: ИМЭМО РАН, 2018. – 233 с.
3. Беленкевич Е.В. Российско-китайское межкультурное взаимодействие: концептный мир и ментальность наций (на примере копцептов «дом», «семья», «родина», «мир») // Россия и Китай: двустороннее сотрудничество и региональный аспект: материалы IV международной научно-практической конференции (Новосибирск, 30–31 октября 2019 г.) / под ред. В.А. Гавриловой, И.Г. Хрипунова. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2019. – 231 с.
4. Варшавер Е.А., Рочева А.Л., Иванова Н.С. Интеграция мигрантов на местном уровне: результаты научно-практического проекта // Социологические исследования. – 2017. – № 5. – С. 110-117.
5. Жун Янь. Китай-Россия: возможности сотрудничества и глобальная безопасность // Вестник Московского государственного областного университета. – 2018. – № 2. – С. 214-227.
6. Конфуций. Лунь Юй [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://modernlib.net/books/konfuciy/lun_yuy/read/ (дата обращения 09.04.2022)
7. Куропятник А.И., Куропятник М.С. Интеркультурализм: постмультикультуральный дискурс социальной интеграции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2018. – № 2. – С. 250-261.
8. Ли Ланьцин. Образование для 1,3 миллиарда. – Пекин: Издательство преподавания и исследования иностранных языков. – 2007. – 612 с.
9. Цапенко И.П. Поиски новых подходов к социокультурной интеграции мигрантов // Демографическое обозрение. – 2018. – № 4. – С. 125-149.
10. Чжао Хуашэнь. Российско-китайское стратегическое партнерство: от континентального к морскому [Электронный ресурс]. – 2021. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiys>
11. Эбель А.С. Традиционная китайская философия и международное право // Инновационная наука. – 2017. – № 4-4. – С. 176-180.

© Цзян Дань (1060396560@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

- Aigaraev R.** – Deputy Chief Physician for Surgery, Multidisciplinary city hospital №1 of Nur-Sultan
- Andrievskaya Zh.** – candidate of psychological science, associate professor, Southern Federal University
- Bukina V.** – Peoples' Friendship University of Russia
- Chebarykova S.** – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Pacific State University
- Dryaev A.** – Associate Professor, North Caucasian Mining and Metallurgical Institute (State Technological University)
- Enchinov E.** – Candidate of historical sciences (PhD), senior researcher, BNU RA "S.S. Surazakova Research Institute of Altaic" (Gorno-Altaiisk)
- Ermakhan Zh.** – NJSC "Astana Medical University"
- Fedotov V.** – Director of HBO CSSV "Lesnoy"
- Gabaraev A.** – Candidate of Philosophy, Associate Professor, South Ossetian State University
- Ionova S.** – FSBEI of HE "Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University"
- Jiang Dang** – Trans-Baikal State University, Chita
- Kalita S.** – PhD, associate Professor, Peoples' Friendship University of Russia
- Karpova E.** – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Saint Petersburg State University
- Kemerov V.** – Doctor of Philosophy, Professor, Ural Federal University, Yekaterinburg
- Korabelnik P.** – Postgraduate Student, Assistant, Saint Petersburg State University
- Kornev A.** – MD, Federal State budgetary Educational Institution of Higher Education "St. Petersburg State Pediatric Medical University" of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation
- Kuklina I.** – Pacific State University
- Kumykova S.** – Peoples' Friendship University of Russia
- Lolaev T.** – Doctor of Philosophy, Professor, North Caucasian Mining and Metallurgical Institute (State Technological University)

Our authors

- Menshikova N.** – Federal State budgetary Educational Institution of Higher Education "St. Petersburg State Pediatric Medical University" of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation
- Musina A.** – Dr. med. sciences, professor, NJSC "Astana Medical University"
- Orlov S.** – specialist, Gnessin Russian Academy of Music, Moscow
- Pisarevskaia N.** – Candidate of Philology, Associate Professor, Moscow International University
- Ravochkin N.** – Kuzbass state agricultural academy; Kuzbass state technical university named after T.F. Gorbachev
- Safronov A.** – Candidate of Technical Sciences, Moscow State University. M.V. Lomonosov
- Salimova A.** – Postgraduate student of the Russian presidential Academy of national economy and public administration
- Shishkova A.** – Candidate of Philos. Associate Professor of the State University of Management, Moscow
- Shvenk E.** – Candidate of Psychological Sciences, HR and Organizational Development Director, JSC "All-Russian Thermal Engineering Institute"
- Skopa V.** – Doctor of Historical Sciences, Professor, Altai State Pedagogical University (Barnaul)
- Sofina A.** – Peoples' Friendship University of Russia
- Solovyova Yu.** – clinical psychologist, Head of the EVIRA Institute of Evidence-Based Psychosomatics, Moscow
- Stepanova N.** – candidate of psychological sciences, associate professor, FSBEI of HE "Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University"
- Suleimenova R.** – cand. med. sciences, Associate Professor, NJSC "Astana Medical University"
- Turgambayeva A.** – cand. med. sciences, Associate Professor, NJSC "Astana Medical University"
- Uziumova A.** – Saint-Petersburg State University
- Xu Qian** – Assistant professor, Jilin Normal University
- Zakharov M.** – Dr. philos. Professor of the State University of Management, Moscow

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).